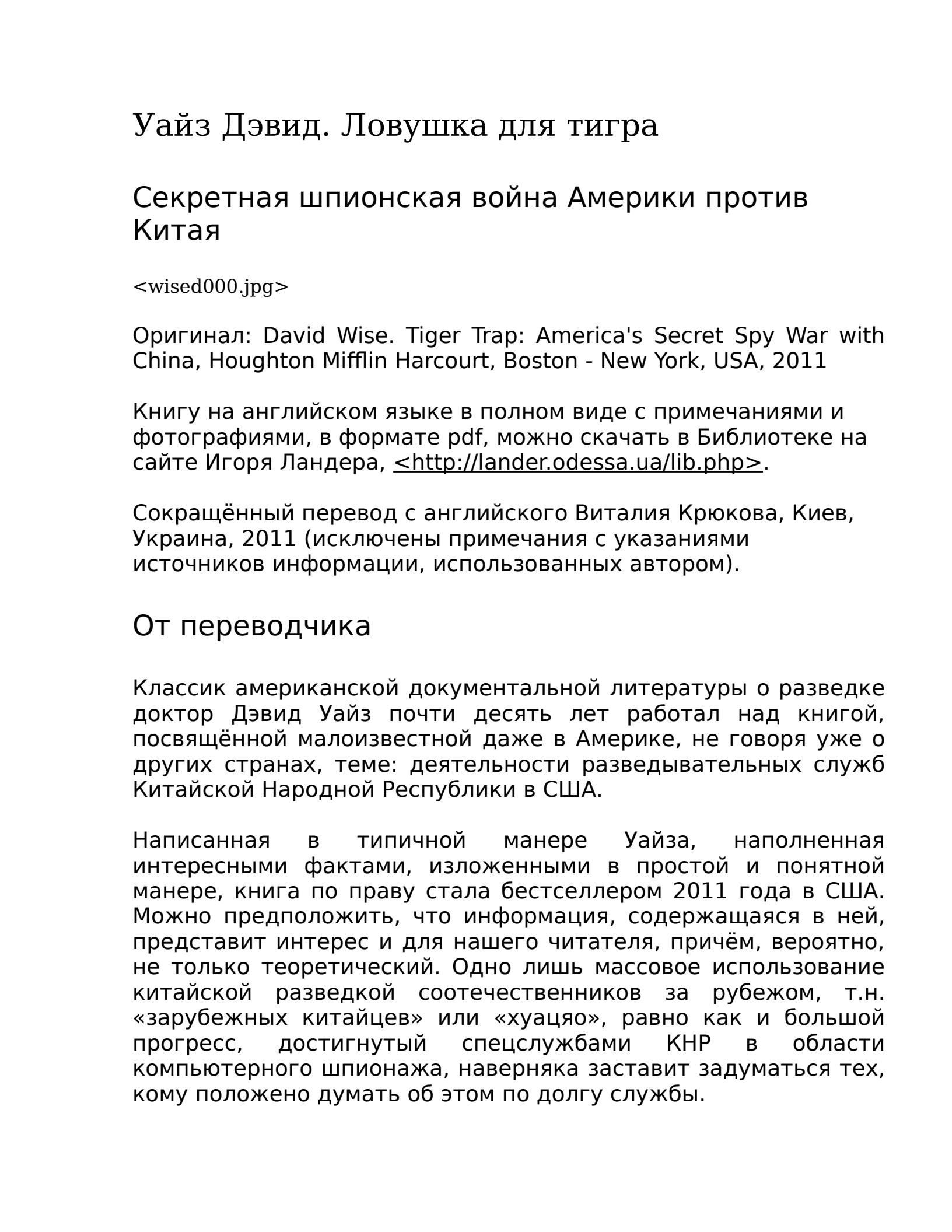
Уайз Дэвид. Ловушка для тигра

Секретная шпионская война Америки против Китая


<wised000.jpg>

Оригинал: David Wise. Tiger Trap: America's Secret Spy War with China, Houghton Mifflin Harcourt, Boston - New York, USA, 2011

Книгу на английском языке в полном виде с примечаниями и фотографиями, в формате pdf, можно скачать в Библиотеке на сайте Игоря Ландера, <http://lander.odessa.ua/lib.php>.

Сокращённый перевод с английского Виталия Крюкова, Киев, Украина, 2011 (исключены примечания с указаниями источников информации, использованных автором).

От переводчика

Классик американской документальной литературы о разведке доктор Дэвид Уайз почти десять лет работал над книгой, посвящённой малоизвестной даже в Америке, не говоря уже о других странах, теме: деятельности разведывательных служб Китайской Народной Республики в США.

Написанная в типичной манере Уайза, наполненная интересными фактами, изложенными в простой и понятной манере, книга по праву стала бестселлером 2011 года в США. Можно предположить, что информация, содержащаяся в ней, представит интерес и для нашего читателя, причём, вероятно, не только теоретический. Одно лишь массовое использование китайской разведкой соотечественников за рубежом, т.н. «зарубежных китайцев» или «хуацяо», равно как и большой прогресс, достигнутый спецслужбами КНР в области компьютерного шпионажа, наверняка заставит задуматься тех, кому положено думать об этом по долгу службы.

Переводчик выражает глубокую благодарность Игорю Ландеру (Одесса) за большую помощь в транскрибировании китайских имён и названий, а также в объяснении многих китайских реалий, упоминаемых Уайзом в этой книге.

Данный перевод носит не коммерческий, а исключительно информационно-просветительский характер и может распространяться свободно с указанием имени автора книги и переводчика. *(B.K.)*

* * *

В течение многих десятилетий, пока внимание Америки было приковано к советским шпионам, разведслужбы Китая спокойно проникали на самые высокие уровни правительства. Теперь впервые, основываясь на многочисленных интервью с ключевыми людьми из «внутренних кругов» ФБР и ЦРУ, а также с китайскими агентами и людьми, близкими к ним, Дэвид Уайз, раскрывает полную историю многочисленных побед и поражений Китая в его шпионской войне против США. Через всю книгу проходят два ключевых дела. Первое из них это дело Катрины Люн, агентурный псевдоним «Горничная» («Parlor Maid»), работавшей на ФБР в течение многих лет, даже после того, как она стала секретным двойным агентом китайской разведки, в чём ей помогали любовные интриги с обоими её «кураторами» из ФБР. Второе дело - это показанная изнутри история расследования под кодовым названием «Ловушка для тигра» («Tiger Trap»), дела ведущего американского учёного китайского происхождения, которого заподозрили в краже секретов ядерного оружия. От этих двух случаев нить повествования ведёт ко многим другим, к известным именам: от учёного-ядерщика Вэня Хо Ли до президента Ричарда Никсона, к удивительным утечкам из систем национальной безопасности, и к сложному кибершпионажу. История захватывает и самые последние события настоящего времени - разоблачение агентурной сети на западном побережье США, участники которой были осуждены в 2010 году, - но она, конечно, продолжится в течение многих последующих лет, поскольку Китай продолжит меряться силами с Америкой. История шпионской войны Китая против США, рассказанная Дэвидом Уайзом, полна сногсшибательных открытий.

Об авторе

<wised002.jpg>

Дэвид Уайз на представлении своей книги в Международном музее шпионажа в Вашингтоне 23 июня 2011 г.

Доктор Дэвид Уайз, ведущий американский автор, пишущий о разведке и шпионаже, родился в Нью-Йорке в 1930 году, и теперь проживает в Вашингтоне. После окончания Колумбийского университета он стал журналистом. В 1951 году он поступил на работу в газету «Нью-Йорк Геральд Трибьюн». После избрания Джона Ф. Кеннеди президентом США в 1960 году, Уайз стал корреспондентом этой газеты в Белом доме.

Уайз объединил силы с Томасом Россом, чтобы расследовать события, окружающие уничтожение русской ракетой самолёта-разведчика Lockheed U-2 1 мая 1960 года над Свердловском. Их книга, «Дело U-2» была издана в 1962 году. После этого Уайз и Росс начали работу над новой книгой под названием «Невидимое правительство». Джон Маккоун, директор Центрального разведывательного управления США, обнаружил, что авторы книги намерена рассмотреть его связи с военно-промышленным комплексом Конгресса. Авторы также утверждали, что ЦРУ стало оказывать слишком большое влияние на американскую внешнюю политику. Оно включало, в частности, свержение Мохаммеда Моссадыка в Иране (1953) и Хакобо Арбенса в Гватемале (1954). Книга также касалась роли, которую ЦРУ играло в операции в Заливе Свиней на Кубе, в попытках устранения президента Индонезии Сукарно и в тайных операциях в Лаосе и Вьетнаме.

Джон Маккоун призвал Уайза и Росса убрать из книги те места, которые не нравились ЦРУ. Гранки книги ЦРУ тайно получило из издательства «Рэндом-Хаус». Авторы отказались вносить эти изменения, и «Рэндом-Хаус» решил издать книгу. ЦРУ рассматривало вариант скупки всего тиража «Невидимого правительства», но эта идея была отвергнута, когда «Рэндом-Хаус» ответил, что в таком случае они будут вынуждены

напечатать второй тираж. Тогда Маккоун сформировал специальную группу, которая должна была заняться книгой и постараться сделать всё, чтобы она получила плохие оценки критиков.

В 1964 книга «Невидимое правительство» вышла. Это был первый полный обзор разведывательно-шпионского аппарата США. В книге Уайз и Росс утверждали, что «Невидимое правительство состоит из многих учреждений и людей, включая службы разведки государственного департамента и Министерств обороны, армии, военно-морских и военно-воздушных сил». Однако они заявляли, что самой важной организацией, вовлечённой в этот процесс, было ЦРУ. Именно эта книга Уайза и Росса, ставшая бестселлером, заставила американцев по-новому оценить роль ЦРУ в демократическом обществе.

Книги Дэвида Уайза

The U-2 Affair (1962, with Thomas B. Ross).

The Invisible Government (1964, with Thomas B. Ross) (на русском языке издана как «Невидимое правительство», Москва, «Воениздат», 1965 г. В электронном виде есть на сайте «Милитера» - http://militera.lib.ru/h/wise_ross/index.html.

The Espionage Establishment (1967, with Thomas B. Ross).

The Politics of Lying: Government Deception, Secrecy, and Power (1975).

The American Police State: The Government Against the People (1978).

Spectrum (1981).

The Children's Game (1983, novel).

The Samarkand Dimension (1987, novel).

The Spy Who Got Away: The Inside Story of Edward Lee Howard, the CIA Agent Who Betrayed His Country's Secrets and Escaped to Moscow (1988).

Molehunt: The Secret Search for Traitors That Shattered the CIA (1992) (на русском языке издана как «Охота на кротов», Москва, «Международные отношения», 1994).

Nightmover: How Aldrich Ames Sold the CIA to the KGB for $4.6 Million (1995).

Cassidy's Run: The Secret Spy War over Nerve Gas (2000).

Spy: The Inside Story of How the FBI's Robert Hanssen Betrayed America (2002).

Tiger Trap: America's Secret Spy War with China (2011).

Натали, Амброузу и Бену

Нет таких стен, которые полностью преградили бы путь ветру. Из китайского учебника шпионажа.

Прелюдия

Сцена 1. Ноябрь 1997.

Катрина Люн производила потрясающее впечатление, когда стояла у микрофона, в своём ярком облегающем платье и жакете, с чёрными, как смоль волосами, стянутыми в тугой «хвост», и с высокими скулами, ещё сильнее подчёркивающими черты её тонкого угловатого лица. Она шутила с Цзян Цзэминем, президентом Китая, шутками и лестью упрашивая его спеть для высокопоставленной аудитории из тысячи самых изысканных лиц, собравшихся в отеле «Билтмор» в Лос-Анджелесе.

- Я хочу спеть песню из китайской оперы, - согласился, наконец, президент Цзян, к радости собравшегося высшего

света.

«Серебряная луна над подоконником», - запел он на путунхуа*, выбрав арию из «Пленения и освобождения Цао Цао», классической сказки о коварном убийце, военном вожде, жившем в третьем веке нашей эры, который попал в плен, а потом с помощью сладких речей и хитрости добился освобождения.

* Путунхуа - литературный и официальный китайский язык, созданный на основе северных диалектов китайского языка («гуаньхуа»), на Западе, а иногда и у нас, путунхуа часто называют также «мандарин». Иностранцы, изучающие китайский язык, учат именно путунхуа. (В.К.)

Катрина Люн, в то время один из самых видных членов Сообщества американских китайцев Лос-Анджелеса, организовала в 1997 году торжественный ужин в честь Цзян Цзэминя и исполняла роль переводчицы и ведущей вечера, наслаждаясь лучами софитов, что ей так нравилось. То, что Люн удалось убедить президента Китая спеть, стало апогеем вечера, и её успех вызвал самый оживлённый шум в зале.

Если раньше ещё могли быть какие-то сомнения, то теперь эта ночь в «Билтморе» окончательно укрепила её позиции как самого влиятельного лица во всём Сообществе американских китайцев Лос-Анджелеса. Оказалось, что теперь Люн с лёгкостью могла вращаться на самых верхних этажах политического и экономического истеблишмента, как в США, так и в Китае. Как ей удалось этого добиться, ставило в тупик даже многих её поклонников.

Но изысканные гости торжественного ужина не догадывались об одном: Катрина Люн была шпионкой с псевдонимом «PARLOR MAID» («ГОРНИЧНАЯ»).

Сцена 2. Декабрь 1990 года.

Билл Кливленд, шеф «китайского» контрразведывательного отдела филиала ФБР в Сан-Франциско, как раз регистрировался

в отеле «Чжуншань» в Шэньяне в северо-восточном Китае, когда увидел его.

Темноволосый, хладнокровный, красивый как голливудский актёр, Кливленд был не из тех людей, которых легко испугать. Но сейчас он выглядел так, будто только что столкнулся с привидением.

Он обернулся, прошёл через холл отеля и тут же заговорил с Ивианом Си. Смитом, своим коллегой из ФБР. Как вспоминал позже этот момент сам Ивиан Смит, Кливленд подошёл к нему с «чрезвычайно удивлённым видом».

- Ты не поверишь, кого я только что видел здесь, - сказал Кливленд. - Это был Гобау Минь.

Более десяти лет Кливленд неустанно преследовал Миня, инженера с допуском Q, работавшего в Ливерморской национальной лаборатории в Калифорнии, одной из двух лабораторий Америки, занимавшейся разработкой ядерного оружия. Кливленд - и ФБР - были убеждены, что Минь передавал важные атомные секреты США Китаю. Но доказательства, важные улики, достаточные для его ареста, похоже, всегда каким-то удивительным образом оказывались вне досягаемости.

В закрытом мире контрразведки ФБР - только маленькая группа посвящённых знала об этом совершенно секретном деле и о продолжительной охоте на бывшего учёного из Ливерморской лаборатории. Минь стал тем самым гигантским белым китом, за которым гнался капитан Ахав - Кливленд. ФБР назвало это сверхсекретное расследование кодовым именем «Tiger Trap» - «Ловушка для тигра».

Кливленд не мог выбросить из головы это расследование; он читал полные драматичности лекции о «Ловушке для тигра» в закрытой аудитории Ливермора, в академии ФБР в Квантико, штат Вирджиния, даже в штаб-квартире ЦРУ, используя его как иллюстрацию тонких и хитрых методов китайской разведки.

К моменту неожиданной встречи в Шэньяне Кливленд был,

пожалуй, самым видным из контрразведчиков ФБР, ведущих борьбу с китайским шпионажем в США. Для контрразведчика ФБР попасть в Китай само по себе было достаточным хитрым трюком, но Кливленду, знающему путунхуа и изучавшему китайскую историю, это удалось.

Он проскользнул в коммунистический материковый Китай как член группы чиновников Госдепартамента, проверяющей безопасность дипломатических учреждений США в КНР. Ивиан Смит, другой агент ФБР в команде, был прикомандирован к Госдепартаменту и путешествовал как дипломат. Он вспоминал, что за ними постоянно вели слежку. Ещё задолго до того, как группа прибыла в Шэньян, Смит, как ему показалось, отметил необычно большую активность наружного наблюдения, следившего за ними.

- Однажды в Пекине, - говорил он, - ближе к вечеру, дул холодный сухой ветер, и я пошёл в парк, названный Храмом Солнца, чтобы размять ноги. Парк, находящийся возле посольства США, был пуст, но когда Смит повернулся, чтобы пойти назад, он внезапно увидел человека, который тут же отвернулся в сторону и начал разглядывать ближайшую стену. Смит продолжал идти на небольшом расстоянии от него, скрытно сфотографировав этого человека. Когда Смит выходил из парка, то заметил чёрный лимузин с работающим двигателем и двумя китайцами внутри. Он не сомневался, что машина и люди были из МГБ, Министерства государственной безопасности Китая.

- Позже на рынке я увидел одного парня, и этот самый парень потом попадался на нашем пути ещё не один раз. За нами следили даже во время экскурсии на Великую Китайскую стену. Смита очень удивило такое внимание.

- Обычно за людьми, занимающимися безопасностью диппредставительств, такой интенсивной слежки не ведут.

И вот теперь, совершенно невероятно, в далёком Шэньяне Кливленд наткнулся на Миня, объект его длительного расследования «Ловушка для тигра»! Кливленд знал Миня лично: он не раз допрашивал его. Они перекинулись парой слов

в холле отеля, выяснилось, что Минь собирается улетать через два дня тем же самолётом, что и Кливленд, но в аэропорту он так и не появился.

Эта встреча в отеле потрясла Кливленда. В стране, где живёт больше миллиарда человек, какова была вероятность для Кливленда случайно встретить Гобау Миня?

- Никто из нас не поверил в совпадение, - рассказывал на своём луизианско-креольском диалекте агент Ивиан Смит. Пыталось ли МГБ запугать ФБР? Передавала ли тем самым Китайская Народная Республика сигнал из Шэньяна в «Здание Дж. Эдгара Гувера» - штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне?

Кливленд не мог быть уверенным. Но как показали дальнейшие события, встреча в отеле была мрачным предвестником того, что ожидало его в будущем.

Глава 1. Тысяча песчинок

Почти полвека во время Холодной войны мир пристально наблюдал за глобальной войной разведок США и СССР. Дуэль между ЦРУ и КГБ, отражённая в бесчисленных книгах, статьях и фильмах, захватила внимание публики.

Шпионаж превратился в своего рода развлечение, не в последнюю очередь благодаря вымышленным приключениям Джеймса Бонда, которого впервые популяризовал сам президент Джон Ф. Кеннеди, сказав, что он с удовольствием читает романы Яна Флеминга. Джордж Смайли из произведений Джона Ле Карре был более реалистичным, хотя и не столь блистательным, отражением шпионских войн.

Вымысел маскировал холодную действительность. В настоящем конфликте погибали шпионы и их агенты. Разбивались жизни. ЦРУ устраивало заговоры для свержения правительств и убийства политических лидеров. «Суперкроты» КГБ, Олдрич Эймс в ЦРУ и Роберт Ханссен в ФБР, крали американские секреты чуть ли не чемоданами, предавая агентов, работавших на спецслужбы США, многие из которых были казнены.

Пока война разведок Запада и Востока шла у венских кафе, в разделённом Берлине, и в тёмных закоулках по всему земному шару, очень малое внимание уделялось шпионским операциям стремительно усиливающейся глобальной сверхдержавы - Китая - и ограниченным усилиям американской контрразведки, не всегда успешным, бороться с попытками Пекина получить доступ к американским секретам. В самом ФБР на приоритетном месте всегда были советские шпионы, тогда как «китайская» контрразведка сидела на скамейке запасных. После распада Советского Союза в 1991 году российские шпионы по-прежнему занимались своей работой в Соединённых Штатах, что было проиллюстрировано арестом в 2010 году десяти «нелегалов», направленных из России под видом американских граждан для сбора информации в США. Разведка КГБ просто превратилась в СВР (Службу внешней разведки России), и усилия американской контрразведки по противостоянию ей продолжались, как и прежде.

И вот теперь Китай во многих аспектах превратился в главного соперника Америки. Однако Китай шпионил в США на протяжении десятилетий, причём порой с впечатляющими результатами, мало известными вне разведывательных кругов. В то же время окончание Холодной войны позволило ФБР пересмотреть свои контрразведывательные приоритеты. Бюро обратило свой более пристальный взгляд на Китай, на шпионскую войну с МГБ, внешней разведкой Министерства госбезопасности Китая, и с военной разведкой Генштаба Народно-освободительной армии Китая. Эта книга рассказывает об истории китайского шпионажа в США, преимущественно в последние десятилетия, но упоминает и события более ранних лет после Второй мировой войны. Это история о взаимосвязанных агентах и их действиях, в центре которой, прежде всего, два самых драматичных дела: «Горничная» и «Ловушка для тигра». Это история значительно менее известных, но от этого ничуть не менее важных событий, чем параллельная история советского и российского шпионского проникновения. Об этих событиях не было снято фильмов-блокбастеров, не было написано триллеров-бестселлеров, и сравнительно мало статей было посвящено китайскому шпионажу. Но и драма, и ставки были тут столь же

высоки.

* * *

Китай и США заключили друг друга в непростые объятия. Китаю необходима Америка, чтобы продавать туда свой экспорт, а американские компании стремятся расширить свою торговлю на огромном китайском рынке. Вашингтон хотел бы получить помощь Китая в решении трудных внешнеполитических проблем вроде ядерных амбиций Ирана или Северной Кореи.

Несмотря на свою взаимосвязанность, обе страны активно шпионят друг за другом - факт, который пока слабо понимает общественность. Во время Второй мировой войны советские шпионы проникли в Манхэттенский проект и украли секреты атомной бомбы. Китайцы не упустили этот урок истории. Десятилетиями после Второй мировой войны китайский шпионаж в основном был направлен на получение сведений об американском ядерном оружии. Объём полученной информации был таким, что Китаю удалось сэкономить годы разработок и испытаний и создать достаточно быстро небольшие ядерные боеголовки.

Китай, где модернизация потерпела серьёзный урон от разрушительной «Культурной революции», всеми силами стремился преодолеть это отставание. У шпионажа были простые и оправданные мотивы. И США, особенно атомные лаборатории Лос-Аламоса и Лоуренса Ливермора, стали приоритетной целью.

Другим приоритетом китайских спецслужб стало проникновение в американскую контрразведку. Спецслужбы постоянно заняты тем, что вскрывают и предотвращают разведывательные операции своих противников. Сейчас китайские спецслужбы также охотятся за многими военно-технологическими секретами Америки, от самых современных систем военно-морского оружия до технологии бомбардировщика «Стелс».

Учитывая, что американцев, как и прежде, больше всего

беспокоит шпионаж со стороны России, в первую очередь следует уяснить, что методы китайской разведки во многом существенно отличаются от методов русских. Некоторые из приёмов, включая «медовые ловушки» - использование красивых женщин для получения доступа к секретам, и применение современной электроники, в равной степени есть в арсенале и у русских, и у китайцев. Но различия между ними столь же красноречивы, как и сходства.

* * *

Секретный штаб Министерства государственной безопасности расположен в Сиюань, пекинском районе Западный Сад, около Летнего Дворца. Ничего не подозревающие толпы иностранных и китайских туристов ежедневно посещают дворец, не догадываясь, что проходят мимо штаб-квартиры китайского шпионажа.

МГБ - Гоцзя Аньцюань Бу (Guojia Anquan Bu) - в некоторой степени является китайским эквивалентом ЦРУ. Многие из его служащих живут в комплексе штаб-квартиры в большом жилом доме под названием «Цян Мэнь», что означает «Передняя дверь». Его местоположение, как предполагается, также является секретным, но соседи знают, что там живут шпионы.

В течение тринадцати лет, начиная с 1985 года, главным шпионом Китая, руководителем МГБ, был Цзя Чуньван. Он родился в Пекине, получил диплом физика и знал английский язык. Цзя, популярный в кругах Коммунистической партии Китая, в 1998 году был избран на пост генерального прокурора Китая, должность, аналогичную генеральному прокурору США. Его преемником на посту руководителя МГБ стал Сюй Юнюэ, партийный работник из провинции Хэнань. Сю выступал против коррупции в МГБ, но он также принимал участие в расправе с демонстрантами на площади Тяньаньмэнь и с другими диссидентами. В 2007 году заместитель Сюй, пятидесятишестилетний Гэн Хуэйчан, носящий очки уроженец провинции Хэбэй в северном Китае, поднялся до должности шефа МГБ в ходе правительственной встряски, устроенной президентом Ху Цзиньтао, который стремился консолидировать свою власть, назначив на должности министров пятерых своих

политических союзников.

Разведывательное управление разделено на дюжину отделов. Первый отдел занимается по большей части внутренними делами Китая, но он также вербует людей, которые направляются за границу для научной работы, учёбы, бизнеса, или на каникулы. Второй отдел руководит шпионами, посылая офицеров разведки за границу под дипломатическим прикрытием в китайских посольствах или под коммерческим прикрытием, включая офицеров, изображающих из себя журналистов. Третий отдел занимается операциями на Тайване, в Гонконге и Макао. В последних двух местах шпионов МГБ включают в группу под кодовым названием «Зимняя Хризантема», задачей которой является сбор информации о тайваньских организациях и иностранцах. У второй группы, под кодовым названием «Осенняя Орхидея», есть частично совпадающие задачи в этих двух местах, но основной её обязанностью является сбор сведений о СМИ, видных политических и коммерческих фигурах, и об университетах.

Четвёртый отдел, отдел технологической разведки, отвечает за радиоэлектронную разведку, контроль линий коммуникации, так же как и за фотографическую разведку. Пятый отдел является внутренним, ответственным за разведку внутри страны. Шестой отдел руководит контрразведкой. Седьмой отдел составляет разведывательно-аналитические отчёты; восьмой отвечает за исследования; а девятый занимается ведением контрнаблюдения и работой по предотвращению измен и побегов разведчиков и студентов. Десятый отдел ведёт научно-техническую разведку. Одиннадцатый отдел занимается компьютерами МГБ и защищает разведку от иностранных компьютерных хакеров. Наконец, отдел международных связей официально сотрудничает с разведывательными службами дружественных иностранных государств.

Шпионы МГБ обучаются в собственном университете Министерства, Институте международных отношений в Пекине. Институт это огромный мозговой центр с более чем пятьюстами исследователями. Он предоставляет китайскому руководству ведущие англоязычные газеты, составляет резюме

политических и экономических тенденций, и снабжает документами, выпущенными иностранными правительствами. Институт разделён на десять подразделений, покрывающих географические области мира, а также включает отделы международных отношений и мировой экономики.

Хотя в институте преподают иностранные языки и геополитику, в нём нет специальных курсов по практическому шпионскому мастерству. Поэтому студентов, судя по имеющейся информации, направляют для специализированного обучения в Институт управления кадрами, разведшколу в Сучжоу, городе древних пагод и красивых мостов в дельте реки Янцзы, около Шанхая. В течение года новички изучают огнестрельное оружие, боевые искусства, вождение, средства связи, и навыки наблюдения.

Численность штата и бюджет МГБ являются секретными, что, впрочем, обычное явление для большинства секретных служб стран мира. Но в сентябре 1996 года, на конференции МГБ и других китайских спецслужб, названной «Усиление разведывательной работы», вице-премьер-министр Китая, Цзу Цзяхуа, сослался на число агентов МГБ во всём мире. В обращении, зачитанном на конференции, под названием «Приветствие товарищам на особом фронте», Цзоу говорил о «десятках тысяч неназванных героев, которые с любовью и преданностью служат своей родине и тихо борются на своих особых постах за границей». Если названная им цифра точна, то это означает, что у МГБ есть буквально десятки тысяч агентов по всему миру.

МГБ не единственная китайская разведывательная служба, которая шпионит в других странах, включая Соединённые Штаты. Главное управление военной разведки Генштаба Народно-освободительной армии Китая также занимается шпионажем за границей. Однако именно МГБ руководит большинством разведывательных операций против США.

МГБ - только последний по времени создания разведывательный аппарат народа, который вряд ли можно назвать новичком в разведке. Китайцы занимаются шпионажем на протяжении приблизительно двух с половиной тысячелетий.

Приблизительно в 400 году до н.э. Сунь-Цзы, полководец и военный стратег, написал классический трактат «Бин-фа» или «Искусство войны». В главе, названной «Использование шпионов», Сунь-Цзы описывает пять видов шпионов, которые оказываются удивительно близки к тем, которые всё ещё занимаются этим ремеслом в двадцать первом столетии.

Классификация Сунь-Цзы включает «агентов на месте» (он называет их местными, или внутренними шпионами), обратных (двойных) агентов, агентов обмана, «шпионов смерти» (которые могут быть убиты, если их роль в передаче ложной информации будет раскрыта), и «шпионов жизни» - внедрённых агентов. Умный полководец, пишет Сунь-Цзы, может применять все пять типов агентов одновременно, подобно тому, как рыбак, который использует накидную сеть, вытаскивает свою добычу за единственный шнур, к которому прикреплены все другие нити.

Мао Цзэдун и другие современные лидеры коммунистического Китая заимствовали из «Бин-фа» многие приёмы, которые они использовали в борьбе сначала с японцами, а потом с китайскими националистами. Сунь-Цзы подчёркивал, что в высшей степени важно знать силы врага, вовремя получать точную информацию. «Если знаешь врага и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности поражения не будет» - так писал Сунь-Цзы.

В двадцатом столетии зловещим и всевластным шефом шпионов был Кан Шэн, который помог Мао Цзэдуну захватить и укрепить его власть. Кан Шэн родился в семье богатого землевладельца в провинции Шаньдун. В возрасте двадцати пяти лет он вступил в Коммунистическую партию и прошёл подготовку в сфере разведки и безопасности в Москве. Он стал ключевым членом во внутреннем круге Мао и в 1937 году, судя по имеющимся сведениям, возглавил коммунистическую разведку. Худой человек с тонкими усиками и в круглых очках с толстыми стёклами, Кан вызывал страх, и на это были причины: он был силён и безжалостен. Кан поддержал Мао в период хаотичной «Культурной революции», но умер в 1975 году, прежде чем её покровители, так называемая «Банда Четырёх», были арестованы и попали под суд.

Кан Шэн, Цзя Чуньван и их коллеги разработали уникальный китайский подход к шпионскому ремеслу и к проникновению в самые важные военные и разведывательные тайны Америки. Этот подход лучше всего можно проиллюстрировать с помощью анекдота, который долгое время ходил в контрразведывательном отделе ФБР - о концепции, известной как «тысяча песчинок». Пол Мур, бывший главный «китайский» аналитик в Бюро, часто использовал эту историю, чтобы проиллюстрировать мнение, что китайцы ведут разведку не так, как русские или другие страны.

Мур рассказывал так. «Если бы шпионской целью был пляж, то русские послали бы к нему подлодку, боевые пловцы под покровом ночи выбрались бы на берег, с большой секретностью собрали бы несколько вёдер песка и доставили бы их в Москву. Американцы бы наблюдали за пляжем со спутников и собрали бы кучу данных. Китайцы послали бы тысячи туристов, поручив каждому из них привести всего по одной песчинке. Когда они вернутся, их попросят вытряхнуть их полотенца. И в результате они узнали бы о песке намного больше, чем кто-либо другой».

В этой истории есть частица правды. В отличие от Китая, Россия и Соединённые Штаты используют во многом одни и те же традиционные методы разведки. Даже их штаб-квартиры - зеркальное отражение друг друга. В советские времена Лубянка, месторасположение центрального аппарата КГБ и печально известных тюремных камер на площади Дзержинского в центре Москвы, была широко известна. Но внешняя разведка КГБ размещалась не там, а в современном комплексе в Ясенево, в лесистой местности за Московской кольцевой дорогой. Когда Советский Союз в 1991 году распался, управление иностранного шпионажа КГБ стало называться Службой внешней разведки (СВР), и штаб СВР остался в Ясенево.

Здания в Ясенево демонстрируют примечательное сходство со штабом ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния. Как и ЦРУ, российские разведчики скрываются в лесах, подальше от столицы. Сами офицеры СВР называют свой штаб «Лес» или даже «русский Лэнгли».

Эти две страны используют похожие шпионские приёмы. Например, СССР, а теперь Россия, большинство своих офицеров разведки, как правило, направляет в посольства во всём мире под дипломатическим прикрытием. И ЦРУ делает то же самое.

Как и сотрудники ЦРУ, российские офицеры разведки под посольским прикрытием пытаются вербовать агентов, людей в стране пребывания, у которых есть доступ к военным, разведывательным или дипломатическим тайнам. Обычно агентам платят за их услуги. Они могут предать свою страну по множеству причин; за деньги, потому что они чувствуют, что их таланты недооценены, по идеологическим или другим причинам, или из-за комбинации нескольких мотивов.

Когда агент завербован, офицер разведки, или оперативник («куратор»), сталкивается с проблемой, как наладить связь с агентом. В эру перехвата коммуникаций телефон и электронную почту едва ли можно назвать надёжными способами контакта. Поэтому были разработаны различные методы, чтобы шпионы и их «операторы» могли общаться скрытно.

Одним из методов, используемых и русскими и ЦРУ, является тайник: потайное место в дупле дерева, под большим камнем, или в стене, например. Агент кладёт документы, микрофильмы, или компьютерный диск или цифровую карту памяти в тайник, который позже «очищает» офицер разведки. Тайник также используется «кураторами», чтобы передавать инструкции агенту. Часто, когда тайник уже опустошён, оставляют сигнал, например, кусочек ленты или пометку мелом на телефонном столбе.

Китай не использует тайники. Его шпионы не тратят своё время, оставляя пометки мелом на почтовых ящиках, как делал «крот» в ЦРУ Олдрич Эймс, подавая этим сигнал КГБ, что тайник, в который он спрятал документы, можно «выгружать». Офицеры китайской разведки, работающие под дипломатическим прикрытием, редко попадаются на шпионаже, по простой причине - они обычно не вербуют и не руководят агентами.

- У Китая совсем другой подход к разведке, - рассказывал Пол Мур, посвятивший много времени изучению различий между китайскими разведывательными методами и шпионской практикой других стран.

- Вопрос ещё и в том, что Китай не делает, - объяснял он. - Например, Китай обычно не платит деньги за развединформацию. Русские платят деньги, все платят деньги, но китайцы, как правило, этого не делают.

- Типичный китайский метод. Вы помогаете китайцам, они помогают вам развить экспортный бизнес, чтобы продавать дешёвые салатницы сети магазинов «Kmart». Обычно Китай не даёт деньги взамен за информацию.

- Мы ищем разведывательные связи, - говорил Мур, - но проблема, с которой мы столкнулись, состоит в том, что Китай действительно не развивает разведывательные отношения с людьми. Китай развивает с людьми общие отношения, у которых может быть разведывательное измерение.

Вместо того чтобы вербовать агентов, МГБ часто полагается на неофициальные контакты для сбора развединформации. Оно сотрудничает с некоторыми из тысяч студентов, туристов, коммерсантов, членов торговых делегаций и учёных, которые посещают Соединённые Штаты каждый год. Ещё оно расстилает красный ковёр, принимает с почётом американских учёных, посещающих Китай, надеясь подтолкнуть их выболтнуть тайны.

Согласно Муру, китайцы используют против посетителей их страны тактику, которая специально тщательно разработана для того, чтобы утомить их и ослабить их способность к сопротивлению.

- Для китайцев довольно характерно устраивать для посетителей день изнурительного туризма, после которого наступает вечерний фуршет, - говорил он. Когда иностранный гость подкрепился одним или двумя бокалами спиртного, к нему обычно может подойти «аспирант, ищущий помощь в

своих исследованиях», повторяя вопрос, на который иностранец ранее не хотел отвечать, когда его задавал старший китайский коллега.

Другими словами, Китай не столько пытается украсть секреты, сколько старается сделать так, чтобы иностранные гости сами согласились выдать их ему, манипулируя ими с помощью определённых ситуаций. К иностранному гостю, - говорил Мур, - могут обратиться с утверждениями вроде «научные знания не должны ограничиваться государственными границами».

По мнению Мура, принцип, применяемый китайцами, прост: люди почти никогда не будут заниматься шпионажем, но они достаточно часто оказываются неосторожны, стоит лишь сделать так, что они окажутся в подходящих обстоятельствах. Главная проблема - это люди, совершающие ошибки, а не люди, совершающие шпионскую измену.

Это в свою очередь создаёт помехи для американской контрразведки.

- Проблема для американских следователей и обвинителей состоит не в том, чтобы определить в ходе расследования, предоставил ли кто-либо Китаю информацию, но в том, чтобы каким-то образом доказать, что он сказал китайцам три вещи, когда уполномочен был обсудить только две.

Джон Ф. Льюис-младший был помощником директора ФБР, возглавлявшим управление национальной безопасности, и работал в контрразведке на протяжении почти трёх десятилетий. Говоря об операциях китайской разведки, он сказал: - Можно сказать о другом виде шпионажа, где собираются вместе учёные и, возможно, даже не происходит обмен документами. Обмен идеями и способами решить проблемы. Есть сердце проблемы. При возможности свободного путешествия в материковый Китай и обратно, учёные, во многих случаях, возможно, даже не подозревают, что за чертовщина тут происходит.

Николас Эфтимиадес, аналитик Разведывательного управления министерства обороны, занимающийся Китаем, сообщил

Объединённому экономическому комитету Конгресса, что легко определить разницу между китайским офицером разведки и сотрудничающим с МГБ учёным - офицеры разведки, посланные за границей, как правило, не обладают достаточными техническими знаниями, а у учёных, «кооптированных» в МГБ, обычно, нет никакой подготовки к секретной работе.

- Например, на выставке в Париже, французские военные контрразведчики наблюдали за членами китайской научной делегации, осторожно опускающими свои галстуки в раствор для проявления фотографий, разработанный немецкой фирмой «Агфа». Цель этого неуклюжего акта шпионажа, по-видимому, состояла в том, чтобы получить образцы раствора для последующего анализа его состава.

Аналитик РУМО подтвердил, что иностранные посетители в Китае подвергаются «агрессивному наблюдению с использованием технических средств». Многие из лучших гостиниц, предоставляющих наилучшие услуги иностранцам, оборудованы «жучками» и камерами, чтобы фиксировать их действия.

- Наблюдение за иностранцами в этих и других китайских гостиницах ведёт оперативно-технический отдел МГБ, - сказал он. По словам китайских проституток, которые часто посещают гостиницу «Дзянго», номера там, используемые иностранными бизнесменами, также оборудованы микрофонами.

Шпионаж часто называют второй древнейшей профессией. И Китай, как и многие другие страны, использовал секс в целях шпионажа или шантажа.

Безусловно, самый курьёзный пример использования секса китайской разведкой это случай Бернара Бурсико, французского дипломата в Китае, который в течение двадцати лет поддерживал любовную связь с Ши Пейпу, известным певцом Пекинской оперы, где женские роли часто исполняют мужчины. Была лишь одна небольшая проблема с женщиной, в которой Бурсико видел любовь всей своей жизни: она была мужчиной.

Бурсико был арестован в Париже в 1983 году и попал под суд вместе с Ши, который переехал в Париж и жил там с Бурсико. По показаниям дипломата, офицер китайской разведки, которого он знал только как «Кан», подошёл к нему в Пекине и сказал, что ему разрешат продолжать любовные отношения, только если он станет предоставлять информацию из французского посольства. Бурсико согласился, передав 150 документов Ши, который, в свою очередь, доставил их Кану.

На процессе судья спросил, как же вышло так, что Бурсико, француза, в конце концов, можно было водить за нос в течение двадцати лет. Обвиняемый ответил: - Я был потрясён, когда узнал, что он мужчина. Их сексуальные отношения, пояснял он далее, происходили очень быстро, и всегда в темноте.

- Он был очень застенчив, - продолжал Бурсико. - Я думал, что это был китайский обычай.

Бурсико и Ши Пейпу были приговорены к шести годам тюремного заключения. В 1987 году президент Франции Франсуа Миттеран помиловал Ши, но не Бурсико. Через год их история послужила сюжетом для успешного бродвейского спектакля «М. Баттерфляй» по пьесе, написанной Дэвидом Хуоном, с музыкальным поклоном Джакомо Пуччини. В 1993 году вышел фильм, в котором главную роль сыграл Джереми Айронс.

Сбившиеся с истинного пути дипломаты представляют собой лёгкие цели, но китайские разведывательные операции очень редко бывают предсказуемыми. Из-за китайских шпионских методов американской контрразведки очень трудно обнаружить доказательства шпионажа.

- Если они не платят деньги, это означает, что нет никакого следа денег, чтобы проследить их,- подчёркивает Пол Мур.

- Счета в банке тут вам ничем не помогут. Если дело передаётся для уголовного расследования, то как вы собираетесь доказать такое преступление в суде?

- Китай не заинтересован в сотрудничестве с людьми,

мотивированными жаждой мести. Мы (Соединённые Штаты) любим месть как фактор мотивации. Исторически, первая причина, почему американцы совершают предательство, это деньги, а вторая причина - месть. Но в нормальной китайской практике стараются не иметь дело с людьми, у которых есть психологические или эмоциональные проблемы, с людьми, которые являются неудачниками, или одиночками.

Всякий раз, когда в американской разведке обнаруживают «крота», эксперты контрразведки пытаются определить, какие факторы привели к предательству и, возможно, могли бы быть обнаружены заранее. У Олдрича Эймса, сотрудника советского контрразведывательного отдела ЦРУ, была серьёзная проблема с пьянством. Она же была и у Эдварда Ли Ховарда, офицера ЦРУ, который сбежал в Москву в 1985 году, выдав КГБ многие тайны Управления.

Но поиск среди сотрудников американской разведки людей с серьёзными проблемами с алкоголизмом или другими личными отклонениями, по всей вероятности, не смог бы помочь разоблачить китайского «крота» в ЦРУ, ФБР, или национальных оружейных лабораториях. Поскольку Китай обычно предпочёл бы не иметь дело с такими людьми.

Мур уточнил этот момент.

- Чтобы защитить нашу страну, у нас есть все подразделения КР (контрразведки, CI) в правительстве, и парни из службы безопасности, операторы «детекторов лжи», и они спрашивают о пьянстве и о деньгах, и беседуют с соседями, чтобы собрать исходные данные о людях. Все парни из служб безопасности ищут слабости. Если китайцы не ищут людей со слабостями, то когда мы отвергаем людей со слабостями, мы не сможем найти людей, которых они используют.

В течение двадцати лет Мур был главным «китайским» аналитиком ФБР, трудясь в подразделении Бюро CI-3B в центральном офисе. Он разработал около двух дюжин правил, которые, по его мнению, можно применить к случаям китайской разведки. Три из них имеют особое значение.

Во-первых, Китай, в большинстве случаев, не предлагает деньги в обмен на информацию.

Во-вторых, Китай не принимает случаи типичных «инициативников», потому что опасается возможности, что «добровольцы» являются «подставой» спецслужбы противника. В отличие от этого, некоторые из самых больших удач КГБ были связаны с «инициативниками», не только Эймс, но и Джон А. Уокер-младший, бывший уоррент-офицер американских ВМС, который вместе со своим сыном, братом и другом, продавали военно-морские шифры и шпионили для Советов в течение восемнадцати лет.*

* Уокер был арестован 20 мая 1985 года, признал себя виновным, и был приговорён в 1986 году к пожизненному заключению, как и его брат Артур, и его друг Джерри А. Уитворт. Сын Уокера Майкл был приговорён к двадцати пяти годам. Все они служили во флоте. Борис Александрович Соломатин, седой человек с чертами лица, напоминающими ястреба, был резидентом КГБ в Вашингтоне в середине 1960-х, когда Уокер появился в советском посольстве, предлагая свои услуги. Когда автор беседовал с Соломатиным в Москве в 1991 году, то спросил его, когда он узнал наверняка, что Уокер не был «подставой».

- После того, как он показал мне ключи к шифру, - ответил Соломатин. (здесь и далее, кроме особо отмеченных, все примечания - авторские).

Третье правило Мура: Китай «собирает информацию от хороших людей, от людей, у которых нет финансовых проблем, нет эмоциональных проблем, которые не мотивированы местью, от людей, весьма успешных в их жизни. Не от тех, кто одинок, кто нуждается в друге, нуждается в женщине.

Китай надеется заставить хороших людей делать плохие вещи. Как вы вербуете хорошего человека? Вы заставляете хорошего человека делать это, убеждая его, что это было бы хорошо, чтобы помочь Китаю. Китай - бедная страна, они говорят, и нам нужен кто-то, кто мог бы помочь им модернизировать, улучшить свою систему обороны. Мы нуждаемся в людях, чтобы

нам немного помочь. Идея состоит в том, чтобы убедить кого-то в том, что то, что он фактически делает, хорошо. Вы не говорите о факте, что он нарушил бы этим свой долг. Они говорят, 'Мы думаем, что у вас есть твёрдое положительное обязательство помочь модернизации Китая'.

- Метафора - это секс: вы пытаетесь добиться женщины, чтобы она легла с вами в постель. По крайней мере, в моё время, если бы вы сказали, не пойдёт ли она наверх, чтобы заняться с вами сексом, то ответ обычно был бы отрицательным. Но, после того как она получит ваш поцелуй, ответ мог бы быть другим. Вы попытались бы от этого поцелуя продвинуться вперёд к значительно большему. Вот и тут происходит то же самое - соблазнение. Цели сбивают с пути маленькими шажками. Вы получаете маленькие кусочки шпионажа.

Согласно Николасу Эфтимиадесу, экономический шпионаж Китая проводится в трёх направлениях. Во-первых, людей вербуют в Китае и просят собирать определённую технологическую информацию, когда они ездят за границу. Во-вторых, некоторые американские высокотехнологические компании «куплены напрямую китайскими фирмами, управляемыми государством». И, в-третьих, оборудование на основе высоких технологий покупают «подставные» фирмы, часто действующие из Гонконга.

По данным обзора «Справочник по разведывательным угрозам», подготовленного для правительственных учреждений, у Китая в Соединённых Штатах есть более 2600 дипломатов и служащих коммерческих представительств, из которых «существенный процент» «активно вовлечён в сбор развединформации». Более 127000 студентов из Китайской Народной Республики учатся в Соединённых Штатах, «и многим из этих студентов была поставлена задача собирать сведения для китайского правительства», как утверждает справочник. Кроме того, «более 25000 китайцев ежегодно посещают Соединённые Штаты в качестве членов официальных делегаций».

Американская технология продолжает оставаться в центре внимания китайской разведки в Соединённых Штатах. Очень

много случаев шпионажа или передачи технологий в Китай сосредоточены в Калифорнии, с её мощной военной и аэрокосмической промышленностью, и с компаниями, занимающимися компьютерной технологией, сосредоточенными в Силиконовой Долине. Все они соблазнительные мишени для Пекина.

В Калифорнии также живёт самая многочисленная в США община этнических китайцев, насчитывающая в общей сложности 1,2 миллиона человек, согласно последнему обзору Бюро Переписи, выпущенному в 2010 году. Это, в свою очередь, создаёт щекотливую проблему для агентов контрразведки ФБР, расследующих возможные случаи шпионажа в Калифорнии, в которых могут быть замешаны этнические китайцы. Несомненно, подавляющее большинство из трёх миллионов человек китайского происхождения в Соединённых Штатах являются лояльными американцами.*

*Согласно обзору Бюро переписи, выпущенному в декабре 2010 года, из 3 204 379 общего количества китайцев в Соединённых Штатах, 994 041 родились в Америке, а 1 342 973 - натурализованные американские граждане. Таким образом, в общей сложности 2 337 014 или 72,9 процента живущих в США китайцев являются американскими гражданами.

Однако то, что Китай часто пытается завербовать этнических китайцев для своей разведки, является реальным фактом жизни.

Совместный доклад ЦРУ и ФБР Конгрессу в 1999 году затронул деликатную тему. «Поскольку большинство китайцев объединено общим культурным наследием и историческим происхождением, китайские лидеры обращаются ко всем людям китайского происхождения как к «заморским китайцам». Сближаясь с человеком китайского происхождения, китайские разведывательные службы пытаются добиться его или её сотрудничества, играя на этой общей родословной».

Брюс Карлсон, специалист контрразведки по Китаю, возглавлявший китайский отдел ФБР с 2006 до 2008 годы, разделяет иммигрантов и более поздние поколения.

- Это верно, что Китай направляет свои усилия на этнических китайцев, - говорил он. - Когда иммигранты сначала приезжают сюда, они «стоят одной ногой в одной лодке, а другой в другой», или так думают в Китае. Они могут быть более доступными для КНР. Легче апеллировать к чувству родины, имея дело с иммигрантами. Но намного тяжелее полагаться на воздействие таких призывов, общаясь со вторым поколением, и с теми, кто вообще уже не говорит на китайском языке. Вероятность того, что они займутся шпионажем, ничуть не больше, чем в случае с любым другим американцем.

Пол Мур говорил, что китайская разведка достигла успехов, убеждая некоторых людей «помочь модернизировать Китай». Согласно Муру, «оказалось, что в шпионских делах, в которых Китаю удалось убедить кого-то предоставлять информацию, 98 процентов были этническими китайцами, 2 процента не были. Даже эти два процента воспринимали помощь китайской модернизации как свой долг. Обычно они были людьми, которые изучили китайский язык, посещали Китай, или были привязаны к китайской культуре.

- Случаи китайского шпионажа, в которых они вербуют агента, главным образом являются этническими. Мы ищем китайский шпионский ген? Все понимают, что это смешно. Китайцы в подавляющем большинстве их операций выполняют программу, которая собирает развединформацию, но не является действительно разведывательной программой. Они хотят развивать отношения с людьми, которые полагают, что они обязаны помочь Китаю с модернизацией. И кто сделает небольшой вклад. Это их коммерческая реклама. И оказывается, что она воздействует только на людей с китайским происхождением. Она не сработает с ирландцами МакГилликадди, потому что ирландцу МакГилликадди наплевать на помощь китайской модернизации. То, что здесь действительно происходит, так это маркетинговая кампания - продать Китай. И это работает не очень хорошо, ответ обычно бывает «нет». Это функционирует столь же успешно, как телемаркетинг. Это такая кампания, которая не очень эффективна.

- Большинство тех, кто действительно сотрудничает с Китаем, это только что прибывшие в страну люди, так называемые FOB - «fresh off boat» («только что с корабля»), иммигранты первого поколения. Их внуки не более восприимчивы, чем О'Рейли или Ковальские. Это не дело китайцев, это дело китайских иммигрантов. Они делают это, потому что полагают, что поступают правильно.

Сотрудники американской контрразведки, преследующие подозреваемого шпиона, могут упустить из виду более широкий момент, утверждал Мур.

- Китай собирал информацию из национальных лабораторий, и они достигли очень больших успехов в этом. Когда китайцы собирают, мы теряем, они выигрывают, и получают тем самым возможность делать это снова. Мы обычно столь сильно сосредотачиваемся на специфических особенностях того, что они могут получить, что теряем из виду самую важную часть - а именно, что они тем самым развивают свою способность снова сделать это.

В конце беседы Мур высказал мысль о трудностях охоты на китайских шпионов.

- Обычно китайцы в состоянии вести шпионаж против США, не оставляя улик, - сказал он. - Если у вас действительно есть достаточно доказательств, чтобы доказать обвинение в суде, обычно это означает, что кто-то в Китае совершил ошибку.

Глава 2. «Горничная»

В декабре 1990 года, закончив свою работу в Китае, Билл Кливленд и Ивиан Си. Смит возвратились в Соединённые Штаты. Несколько недель спустя, Кливленд позвонил Смиту из Сан-Франциско.

- И. Си, они знали, что мы приедем даже до того, как мы отсюда уехали, - сказал он.

Это было правдой. Доказательство содержалось на

магнитофонных записях, сделанных несколькими месяцами раньше. У правительства были эти записи, но их ещё не успели проанализировать. Агенты контрразведки не понимали, что оказалось у них в руках. Лента была результатом перехвата Агентством национальной безопасности переговоров на путунхуа между женщиной в Лос-Анджелесе, которая называла себя кодовым именем Ло, и её «оператором» МГБ в Пекине по имени Мао, представьте себе!

Агентство национальной безопасности (АНБ), со штаб-квартирой в Форт-Мид, штат Мэриленд, отправило аудиозапись в центральное бюро ФБР в Вашингтоне. Оттуда её переслали в полевое отделение в Сан-Франциско, где размещается большинство китайских переводчиков Бюро. Вот поэтому в начале 1991 года лента, в конечном счёте, добралась до стола Билла Кливленда, руководителя «китайской» команды контрразведчиков в Сан-Франциско.

Среди других вещей женщина на плёнке сообщила Мао, что Уильям Кливленд из ФБР планирует поездку в Китай - поездку, из которой он только что вернулся. Слова на этой плёнке были бомбой

Сердце Кливленда замерло, потому что он моментально узнал голос женщины - это была Катрина Люн. Её друзья знали Катрину только как видного лидера Сообщества американских китайцев в Лос-Анджелесе. Но в течение почти двух десятилетий она служила главным секретным источником информации для ФБР о Китае, руководстве Коммунистической партии в Пекине, и о МГБ. За её услуги ФБР заплатило ей свыше 1,7 миллиона долларов.

Кливленд узнал голос на магнитофонной ленте сразу же, потому что был знаком, даже очень близко знаком с обладательницей голоса. Он стал любовником Катрины Люн тремя годами ранее.

Люн была завербована в Лос-Анджелесе в 1982 году другим сотрудником ФБР, специальным агентом Джеймсом Джей. Смитом, и получила агентурный псевдоним «PARLOR MAID» - «Горничная». Так как информаторы Бюро получают секретное

кодовое имя с тремя цифрами, Люн также числилась в списках ФБР как «источник Бюро 410». Ей был тридцать один год, Джей-Джей, как все называли Джеймса Джей. Смита, был на восемь лет её старше.

Почти с самого начала Джей-Джей завязал собственные сексуальные отношения с мисс Люн, муж которой, биохимик по имени Кам, позже утверждал, что он понятия не имел, что все эти годы делил свою жену даже не с одним, а с двумя агентами Федерального бюро расследований.

Именно Джей-Джей представил Катрину Люн Биллу Кливленду. Знали ли Кливленд или Джей-Джей, оба из которых были женаты, о том, что их любовницей одновременно является одна и та же женщина? Это сомнительно, скорее всего, нет, не знали. Зато ясно, что «Горничная» частенько вместо офиса встречалась с ними в спальне.

Действовала ли «Горничная» самостоятельно, завязав сексуальные отношения с двумя агентами ФБР, работавшими с нею, или выполняла при этом инструкции МГБ, неизвестно. Но эти любовные связи действительно давали ей в руки рычаги воздействия на двух сотрудников ФБР, которые хотели, чтобы их интрижки остались в тайне.

Хотя Джей-Джей давал ей инструкции, вопросы, чтобы задавать их китайским чиновникам, и лакомые кусочки информации, которую ей было разрешено раскрыть китайской разведке, поездка Кливленда в Китай в число этих «приманок» не входила. Она знала о поездке, потому что Кливленд сам рассказал ей об этом. Голос на плёнке также раскрывал детали контрразведывательных операций ФБР.

Аудиозапись была ужасным открытием, и причины этого Кливленд понял сразу. Во-первых, она доказывала, что «Горничная» была перевербована против ФБР и работала на Пекин. Во-вторых, запись могла бы объяснить, почему объект исследования «Ловушка для тигра» появился в Шэньяне.

Само столкновение с Гобау Минем уже всерьёз встревожило Кливленда, но то, что он узнал сейчас, было намного хуже. Кто

знал, куда это могло бы привести? Если «Горничную» перевербовало МГБ, это стало бы ужасающим провалом для контрразведки ФБР. Но это также ударило бы и по его карьере, стоило лишь правде об его личных отношениях с источником Бюро выйти на поверхность. Не говоря уже о том, что могло бы случиться, если об этой связи узнает его жена.

Кливленд знал, что не могло быть никакого невинного объяснения того, почему его любовница, главная шпионка ФБР, используемая против Китая, применила в разговоре кодовое имя и раскрыла служебные тайны ФБР своему оперативнику МГБ в Пекине. Кливленду угрожали большие неприятности, и он знал, что следует сделать.

Он потянулся к телефону.

* * *

Кливленд говорил кратко, но его сообщение было ясно: Катрина Люн, используя псевдоним, перешла на другую сторону. Она работала на китайскую разведывательную службу.

В Лос-Анджелесе Джей-Джей Смит был ошеломлён новостью. Он доверял Катрине Люн. Они были любовниками в течение уже восьми лет, и он заботился о ней. Помимо их эмоциональной и физической связи она была его «золотой жилой».

Если «Горничная» была теперь шпионкой МГБ, это привело бы к возникновению чрезвычайно неудобных проблем для специального агента Смита. Своей карьере и репутации в бюро Джей-Джей был обязан именно его необычайно успешной вербовке, источнику Катрину Люн. Благодаря «Горничной» Джей-Джей стал звездой. ФБР уже заплатило ей более полумиллиона долларов в виде жалования и компенсации расходов.

Люн ездила в Китай два или три раза в год, чтобы собирать разведывательную информацию для ФБР. Но Вашингтон считал, что её информация в полной мере стоит этих денег -

Катрина Люн была секретным каналом, снабжающих американское разведывательное сообщество сведениями, исходящими от китайского руководства в Пекине.*

*Обычно считается, что ЦРУ ограничено в своих действиях работой за границей, а ФБР, в свою очередь, может действовать только в Соединённых Штатах. В действительности эти разграничительные линии размыты. У ФБР есть свои атташе в семидесяти пяти иностранных городах и, как показывает случай «Горничной», они могут выполнять функции разведчиков за границей. Хотя согласно закону у ЦРУ нет никаких полномочий на осуществление полицейских функций, обеспечения правопорядка или внутренней безопасности, у него есть офисы в главных городах по всей Америке, в которых оно вербует иностранных студентов, опрашивает путешественников, возвращающихся из интересных мест за границей, и проводит другие операции, связанные с внешней разведкой.

Смит теперь столкнулся с мучительной дилеммой. Сверхсекретные данные, которые поставляла «Горничная», в некоторых случаях попадали даже на стол самому президенту Соединённых Штатов. Её информация, проходившая через руки Джей-Джей, несомненно, влияла на китайскую политику Америки. Теперь всё это попадало под подозрение: кто знал, как долго она уже была агентом МГБ?

Всего год назад Джей-Джей получил престижную секретную медаль ЦРУ за вербовку и управление «Горничной». Он летал в Вашингтон на церемонию. На конспиративной квартире ЦРУ около Белого дома, в знак признания его успеха в разведке, высокий чиновник ЦРУ приколол ему на грудь значок «Приза лучшему агентуриста года» (HUMINT Collector of the Year Award; HUMINT (Хьюминт) - акроним ЦРУ для агентурной разведки, в отличие от ELINT (Элинт), электронного шпионажа).

Свернуть операцию теперь стало бы личной и профессиональной катастрофой для Джей-Джей. И, не в последнюю очередь, это почти наверняка означало бы конец его многолетней любовной связи с «Горничной». Смит поехал в международный аэропорт Лос-Анджелеса и сел на борт

первого самолёта, летящего в Сан-Франциско. Как только он прибыл туда, он тут же встретился с Биллом Кливлендом. Вместе они начали изобретать план, как справиться с настигшей их бедой.

Тот факт, что Бюро изначально использовало «Горничную» как двойного агента, мог бы в какой-то мере оказаться спасительным для обоих сотрудников ФБР. В качестве двойного агента ей было разрешено сообщить китайскому МГБ, что у неё есть контакты в ФБР и таким образом имитировать помощь китайской разведке, оставаясь в реальности под управлением ФБР. Вот в этом и был ключевой момент. В конце концов, Джей-Джей знал, что двойные агенты иногда в некоторой степени сами путаются, на кого они работают. Суть игры состояла в том, что нужно было отдавать информацию, чтобы видеть, что можно было узнать взамен. Катрина Люн находилась в шести тысячах миль от дома, когда приехала в Китай. Бывают моменты, когда двойным агентам приходилось думать самостоятельно, импровизировать. Они могли бы рассказать противоборствующей стороне немного больше, чем им следовало бы. Такая идея была достаточно рискованным предприятием, но возможно, в конце концов, последствия удалось бы смягчить.

* * *

В мае 1991 года, спустя месяц после того, как появилась нежелательная аудиозапись, Джей-Джей и Кливленд вылетели в Вашингтон, чтобы обсудить проблему «Горничной» со своими начальниками в ФБР. Встреча состоялась 14 мая в зале заседаний в штабе ФБР. Кроме даты, детали этого совещания окутаны туманом. Чиновники Бюро говорят, что у них нет никаких сведений о том, кто был на встрече, и - за одним исключением - ни один из тех, кто, как можно было логически предположить, должен был присутствовать на ней, не мог вспомнить, что он там был. Несмотря на необузданную амнезию, кто-то, должно быть, там всё же встретился с парой, потому что решение было принято.

Одним исключением был Пол Мур, в то время главный «китайский» аналитик ФБР и ветеран Бюро, прослуживший в

нём уже тринадцать лет. Вдумчивый, тихий человек, Мур имел степень доктора философии по китайской литературе и говорил на путунхуа.

Джей-Джей и Кливленд сообщили на встрече, что «Горничная», используя свой китайский агентурный псевдоним, заранее предупредила своего «куратора» МГБ о поездке Кливленда в Китай. Они ни словом не упомянули о том, что на аудиозаписи, фактически содержавшей запись ряда сеансов связи между Ло и Мао, она обсуждала и продолжающиеся операции ФБР.

Мур и другие сотрудники ФБР в зале не догадывались, что и Джей-Джей, и Кливленд поддерживали сексуальные отношения со своим источником, что было грубым нарушением правил Бюро.

Взвесив все «за» и «против» продолжения операции «Горничная», Мур сделал вывод, о котором он позже сожалел.

- Я предложил продолжать операцию. Я спросил, 'Какой был бы сценарий в наихудшем случае?' Это было моей ошибкой, потому что это и был наихудший случай. Но я не знал этого.

Впрочем, было ещё много такого, чего Мур не знал. В 1988 году Китай открыл консульство на площади Шатто-Плейс, 443, в районе Уилшир в нескольких милях к западу от центра Лос-Анджелеса. Чиновники в консульстве Сан-Франциско Китая консультировались с Катриной Люн относительно проекта, и она консультировала их по вопросам лучшего местоположения для учреждения. Один из чиновников из Сан-Франциско, Ван Ду Хан, прибыл в Лос-Анджелес и сотрудничал с нею при подготовке к созданию консульству, которое было размещено в новом здании, охраняемом не хуже чем Форт-Нокс.

ФБР было в восторге, что «Горничную» привлекли к выбору местоположения и планировке строительства консульства. Её проинструктировали, чтобы она попыталась убедить китайцев купить автомобили с крышами с люками, чтобы их было легче идентифицировать и следить за ними с воздуха.

Для ФБР новое консульство представляло собой цель слишком

заманчивую, чтобы её можно было проигнорировать. В ходе операции, организованной Лэнсом Ву, старшим специальным агентом полевого отделения ФБР в Лос-Анджелесе, экспертам Бюро по электронике, используя сверхсложную технологию, которая до сих пор остаётся засекреченной, удалось « проникнуть» в консульство. Каждый телефонный звонок, любой факс, сообщение по электронной почте, в общем, вся связь, исходящая из здания консульства, попадали в руки ФБР. Это был один из самых больших технических успехов Бюро.

Но в июне 1990 года ФБР получило сведения, что «Горничная» узнала об электронной операции, направленной на китайское консульство, и проинформировала Китайскую Народную Республику. КНР, должно быть, обнаружила, что средства связи консульства ненадёжны, потому что подслушивающие устройства ФБР внезапно замолчали.

Не последовало никакого реального расследования подозрительной роли Люн, в значительной степени из-за высокого положения Джеймса Джей. Смита в программе «китайской» контрразведки. «Горничную» считали чрезвычайно важным источником, и начальники Смита, её «куратора», не хотели ссориться с ним.

Но китайцы обнаружили не все методики наблюдения ФБР. Много позже 1990 года ФБР смогло получить копии чеков и документов, написанных в консульстве. В частности, техническому персоналу ФБР даже удалось установить в копировальные машины консульства свои устройства, позволяющие получать копии тех документов, которые на них множили. Китайцы, в конечном счёте, выяснили, что случилось, потому что осенью 1999 года чиновники консульства, заподозрив, что их машины ненадёжны в плане безопасности, отправили их назад в Китай, чтобы провести там их проверку китайскими специалистами.

Факт, что техническому персоналу ФБР удалось установить свои устройства в копировальные машины консульства, едва не просочился наружу в 1998 году, когда журнал «Ньюсуик» в своём номере от 2 марта опубликовал заметку из одного абзаца. Короткая история, озаглавленная «Чек из Китая?»,

сообщала, что сенатский комитет, возглавляемый сенатором Фредом Томпсоном, обнаружил, что китайское консульство в Лос-Анджелесе выписало чек на три тысячи долларов гостинице, принадлежавшей бизнесмену Тэду Сьонгу, индонезийцу по происхождению, одной из важных фигур в расследовании предположительно незаконных денег, использованных в 1986 году в предвыборной кампании за переизбрание президента Билла Клинтона. Сенатский комитет подозревал Сьонга в том, что он действовал как агент Китая при финансировании кампании. ФБР затаило дыхание, потому что его тайна оказалась прямо на грани раскрытия. Как могла информация о чеке, выписанном в консульстве, выплыть наружу? Никто не угадал очевидный ответ. Китайцы прилежно скопировали чек для своих отчётов - и тем самым невольно передали копию в ФБР. Несмотря на статью в «Ньюсуик», тайна Бюро осталась нераскрытой.

На встрече в штабе ФБР Мур понятия не имел, что у ФБР были свидетельства, что Люн выдала китайцам операцию по подслушиванию их консульства. Его экспертные оценки относительно Китая пользовались в ФБР большим уважением, и его рекомендация, что Бюро стоило бы продолжить операцию «Горничная», имела среди коллег значительный вес.

Он так вспоминал свою позицию, которую занял на совещании 1991 года.

- У нас есть женщина, которая ездит в Китай, она установила там контакты с высокопоставленными людьми, включая помощника президента Ян Шанкуня по вопросам разведки, она привозит нам из Китая много информации. Они знают, что её допрашивает ФБР. Я привёл такой аргумент: ОК, мы закрываем это дело - и очевидно она собирается делать с китайцами ещё что-то, о чём она нам не рассказывала. Так что, если мы прекратим операцию, она что, прекратит из-за этого ездить в Китай и иметь с ними дело? Главное, что она тогда прекратит сообщать нам материал из канцелярии китайского президента. Потому, я сказал, нам следует продолжать, и другие люди в помещении согласились с этим.

Джей-Джей Смит и Билл Кливленд были в восторге, когда

покинули штаб-квартиру ФБР. Пуля пролетела мимо. С их точки зрения исход встречи, возможно, не мог и быть лучшим.

Однако в Калифорнии оставался ещё один нерешённый вопрос. Джей-Джей должен был заняться «Горничной». Ей нужно было прямо сказать, что ФБР теперь известно об её тайной передаче информации китайской разведке.

31 мая Джей-Джей встретился с Катриной Люн. В сердитой, эмоциональной громкой ссоре на кухне её дома в Сан-Марино он рассказал ей, что узнал об её сеансе связи с Мао. ЦРУ идентифицировало Мао как офицера разведки. И куратор «Горничной» из МГБ не был каким-то обычным шпионом. Мао Гохуа, как он назвался - возможно, это и не было его настоящим именем - считался ведущим экспертом МГБ по США, что примерно соответствовало должности руководителя географического отдела в ЦРУ. Неясно, как он поднялся на эту должность, так как его английский язык был ужасным, и, насколько известно, он никогда не посещал Соединённые Штаты.

Джей-Джей предоставил ей расшифровку стенограммы телефонного звонка. Если у Люн до этого были какие-то сомнения, то теперь она поняла, что её неосторожный звонок в Пекин был перехвачен. Джей-Джей и ФБР точно знали, что она рассказала Мао. Прятаться ей было негде, и она должна была придумать объяснение для Смита.

Тогда она призналась, что Мао Гохуа несколько лет назад узнал, что она являлась источником ФБР. Она утверждала, что это случилось во время её поездки в Китай, возможно, приблизительно в 1986 или 1987 году - дата неясна - когда она взяла с собой свои заметки о китайском перебежчике, сбежавшем в Соединённые Штаты, которые подготовили она и Джей-Джей. Заметки были в её багаже.

Когда Люн, по пути к Пекину, пересекала границу между одной и другой провинцией в Южном Китае, служащие внутренней пограничной охраны отвели её в сторону, обыскали багаж и нашли заметки. Во время следующей поездки в Китай месяц спустя она встретилась с Мао. У него в руках были её заметки.

В них содержалось больше подробностей, чем она сообщала ему о перебежчике.

По рассказу Люн, именно тогда она призналась Мао, что работала на ФБР. Тогда же она согласилась с тех пор сообщать МГБ всё, что она знала об операциях ФБР. Мао также приказал ей заранее предупреждать МГБ обо всех запланированных поездках агентов ФБР в Китай.

Так как она работала на ФБР с 1982 года, было сомнительно, что китайская разведка узнала об этом только четыре или пять лет спустя, особенно учитывая, что Джей-Джей и Люн часто бывали вместе на торжественных обедах и других официальных церемониях в Лос-Анджелеса и его окрестностях. Открытые публике дружеские контакты с ФБР способствовали возвышению Люн в Сообществе американских китайцев. Но, называя середину или конец 1980-х как вероятную дату, когда МГБ раскрыла её роль, Люн, избегала вопроса, передавала ли она секреты Пекину ещё и до этого момента.

Она призналась, что сообщила МГБ о запланированной командировке Билла Кливленда в Китай. За это нарушение Джей-Джей довольно курьёзным образом заставил её извиниться перед Кливлендом в гостиничном номере в Сан-Франциско. И на этом всё завершилось; «Горничная», ненадёжная шпионка и «свингерша», снова была в деле.

Глава 3. Вербовка

Гуанчжоу, прежде Кантон, известный как Город Цветов или, менее поэтически, как Город Козлов, это шумный порт на реке Чжуцзян («Жемчужной реке») в Южном Китае, недалеко от Гонконга. Именно там родилась Катрина Люн, вероятно в 1952 году, хотя она, как было известно, «омолодила» себя на два или три года. При рождении её назвали Чен Веньинь; как многие китайцы, иммигрировавшие в Америку, она позже выбрала себе английское имя.

Она была самым младшим ребёнком из четырёх детей инженера по строительству дамб, который очень много

путешествовал. Когда она была младенцем, её тётя и дядя потеряли ребёнка. Её мать, Чен Ву Юэ, предложила им Катрину как замену, практика, достаточно распространённая в Китае. В результате этой подмены ребёнка в духе пьес Гилберта и Салливана, Катрину воспитывала главным образом её тётушка, Ин Юнсюе, которая была замужем за братом её матери.

Когда Катрине было приблизительно три года, она со своей тётей, старшим братом и бабушкой приехали в Гонконг. По словам её мужа, Катрина была лунатиком. Кам Люн, высокий, красивый мужчина с «ёжиком» седых волос и с элегантными манерами, рассказывал: - В Гонконге они жили на четырнадцатом этаже, в пентхаусе. Её тётя как-то обнаружила её спящей на краю балкона их квартиры. Даже в том раннем возрасте Катрина жила на краю; если бы она тогда скатилась вниз, ФБР, возможно, не получило бы своего самого источника для разведки против Китая - и, как выяснилось в будущем, избежало бы неприятного шпионского скандала. В истории её семьи были элементы «мыльной оперы». В 1930-х дедушка Катрины иммигрировал в Нью-Йорк. Он открыл прачечную на Лонг-Айленде и, в конечном счёте, приобрёл два ресторана в Нижнем Манхэттене. Его сын, Джимми Гэй Чин, дядя и суррогатный отец Катрины Люн, присоединился к нему в Нью-Йорке. Оставив свою жену в Гонконге, дядя завязал дружбу с местной буфетчицей и произвёл на свет двух мальчиков. Буфетчица переехала в Англию с детьми, заболела и умерла; мальчики, шести и четырёх лет, вернулись в Нью-Йорк. Дядя, внезапно оказавшись в роли их единственного родителя, обратился к своей жене за помощью, и Катрина, её тётя и бабушка присоединились к нему в Манхэттене в 1970 году. Катрина путешествовала с тайваньским паспортом, в котором было сказано, что она родилась 1 мая 1954 года в Кантоне, Китай.

Они поселились в квартире по улице Кристи-Стрит, дом 137.

- Она училась в средней школе Вашингтона Ирвинга, и с трёх часов дня до полуночи работала на швейной фабрике,- рассказывал Кам Люн. - Дважды её грабили, когда она возвращалась домой ночью.

В 1972 году, когда Катрина окончила среднюю школу и получила право на постоянное жительство, она поступила в Корнелльский университет. Там она встретила Кам Люна, аспиранта-биохимика. Он вспоминал об этом моменте так.

- В первый уикенд, когда я пошёл туда, я увидел листовку, «Аппер Баттермилк Фоллз. Пикник Ассоциации китайских студентов». Я отправился туда, и там была маленькая девочка, носившая миндалевидные тёмные очки и косички. Она сказала, 'мне очень холодно'. Так даже я мог понять, что это действительно так, потому я снял свой бушлат и дал ей.

- Неделю спустя я увидел её плачущей в фойе Международного студенческого дома. Она была одинокой и очень тосковала по дому, так что тогда и состоялось наше первое свидание. Мы пошли в кино на фильм «Бабочки свободны».

Они три года прожили вместе, прежде чем поженились в 1975 году.

- Я был слишком беден, чтобы купить обручальное кольцо, потому ни я, ни она так и не носили обручальные кольца.

Кам Люн родился в Гонконге в 1951 году; его отец, выпускник военного училища в Китае, был там железнодорожным служащим.

- Когда вторглись японцы, он отвечал за последний поезд из Китая. Он успел отправить сейф Хо Тима, который основал «Банк Хан Сен» в Гонконге, и, вероятно, спас тем самым его благосостояние.

В 1969 году, когда Кам Люну был восемнадцать, он приехал в Соединённые Штаты, чтобы изучать химию в государственном университете имени Сэма Хьюстона в Хантсвилле. Он продолжил учёбу в Корнелльском университете, чтобы получить в 1972 году степень доктора философии по биохимии.

В своих продолжительных интервью, длившихся более двух дней, Кам Люн производил впечатление и проницательного и умудрённого человека, когда с многочисленными

подробностями описывал свою жизнь с Катриной. Он был также, судя по всем проявляющимся признакам, несмотря на неверность его жены, всё ещё безнадёжно влюблён в неё.

- Она замечательная, - говорил он. - Она всегда была главой класса. Она великодушна к проступкам.

Что в ней привлекло его? - Она беспомощна, - ответил он. - Она чрезвычайно неуверенна внутри. Я узнавал внутри её маленькую девочку, которая плачет.

Конечно, трудно не заметить вопиющего противоречия между описанным Кам Люном трогательным образом беспомощной маленькой девочки с косичками, которая завоевала его сердце в Корнелльском университете, и практичной, обманчивой и честолюбивой женщиной, которая закончила тем, что заработала миллионы как двойной агент, шпионя одновременно и для ФБР и для Пекина.

В 1976 году Катрина Люн окончила Корнелльский университет, а её муж выиграл конкурс на место в исследовательском обществе в Чикагском университете.

- Она только следовала за мной и бродила вокруг китайского студенческого центра. Но в 1976 году, сказал Кам, - начались её неприятности. Катрина помогала основать чикагский филиал Национальной ассоциации американских китайцев. Это сочли созданием пропекинской группы.

И именно в Чикаго Катрина познакомилась и стала близким другом Хэнсона Хуанга, вежливого дипломированного выпускника Гарвардского колледжа и Гарвардской юридической школы, который получил работу в Чикаго в адвокатской конторе «Бэйкер и Маккензи», престижной фирме, занимающейся международным правом. Хуанг, родившийся в Гонконге в 1951 году, и Катрина Люн оба стали активистами студенческого движения в поддержку китайских требований на острова Дяоюйтай.

Острова - на китайском языке «дяоюйтай» означает «поймать рыбу» - представляют собой гряду из восьми маленьких

бесплодных и необитаемых островов в Восточно-Китайском море приблизительно в ста милях к северо-востоку от Тайваня. На них претендуют Китай, Япония, которая называет их Сенкаку, и Тайвань. На протяжении 1970-х китайские студенты всего мира участвовали в движении, протестующем против претензий Японии на эти острова.*

* Больше чем три десятилетия спустя, острова всё ещё остаются горячей точкой. Напряжённость вокруг островов Дяоюйтай/Сенкаку снова возросла в сентябре 2010 года, когда японская береговая охрана арестовала капитана китайского рыболовецкого траулера, после того как его судно столкнулось с японскими патрульными кораблями в спорных водах около островов. Китайский капитан был освобождён после шестнадцати дней ареста, но инцидент вызвал массовые протесты в Китае и обмен сердитыми дипломатическими нотами между этими двумя государствами.

В 1976 году Кам Люн получил свою докторскую степень и переехал в Цинциннати, чтобы устроиться на работу в «Проктер энд Гэмбл». Катрина осталась дома и зарабатывала свою степень магистра делового управления в Чикагском университете. По выходным Кам приезжал к ней.

В 1980 году пара переехала в Лос-Анджелес и сняла квартиру-студио в городке Азуса, в предгорьях гор Сан-Габриель к востоку от мегаполиса. Кам стал работать учёным-исследователем в компании медицинского оборудования.

- Я убивал мышей, полторы тысячи мышей за неделю в лаборатории, делая им инъекции. Катрина получила работу в маркетинге в НМО (Организации медицинского обслуживания).

Перед этим, однако, она короткое время работала генеральным директором импортно-экспортной компании. ФБР расследовало деятельность фирмы, подозревая её в незаконной передаче технологий Китаю. В начале 1981 года ФБР начало полное полевое расследование непосредственно самой Катрины, которая, как полагали, «была задействована в тайном сборе разведывательной информации в пользу КНР». Это расследование застряло в бюрократических проволочках ФБР, и

дело было закрыто без каких-либо последствий в ноябре того же года.

Но в то же самое время Бюро узнало, что у Катрины Люн были близкие отношения с объектом другого расследования по подозрению в передаче технологий Китаю, в Сан-Франциско. Уильям Кливленд был агентом, проводившим расследование; в Лос-Анджелесе расследование поручили агенту Джей-Джей Смиту.

Год спустя, в августе 1982 года Джей-Джей постучал в дверь квартиры в Азусе. Он представился как специальный агент ФБР.

Таким было начало танца, танго разведки, которое иногда заканчивается вербовкой полезного источника. На первый взгляд могло бы показаться удивительным, даже опрометчивым, что ФБР пыталось завербовать человека, который, по его же подозрениям, мог шпионить для Китая. Но в «безумном зазеркалье», как часто называют контрразведку, в этом не было ничего странного. Вербовщик ищет человека, у которого уже есть контакты с его целью. И вычисляет риск.

За следующие четыре месяца Джей-Джей беседовал с Катриной несколько раз. К декабрю она приняла его предложение.

Как вспоминал Кам, спустя некоторое время, «мы сидели у озера. Она сказала, 'я собираюсь бросить свою работу, чтобы работать на ФБР'».

Глава 4. Двойная игра

Бывают моменты, когда одно единственное действие может оказаться поворотным пунктом всей жизни. Всё остальное, что происходит потом, вытекает из такого момента. Вербовка Джей-Джей Смитом «Горничной» как раз была таким судьбоносным действием. К тому времени Смит был специальным агентом ФБР в течение дюжины лет. Ему исполнилось тридцать восемь; Катрине Люн месяцем раньше

исполнился тридцать один. Джей-Джей был высоким мужчиной, почти шесть футов, коренастым и мускулистым, гордившимся своим происхождением из рабочей семьи. Его отец сорок пять лет проработал каменщиком. Бабушка и дедушка со стороны отца были немцами-иммигрантами. По материнской же линии, бабушка-мексиканка вышла замуж за пожарного, наполовину ирландца и наполовину шотландца.

Смит и его жена Гэйл, бывшая Королева Нарциссов штата Вашингтон вступили в брак в 1966 году. Летом 1967 года, после окончания университета в Пьюджет-Саунде, он уже готовился отправиться в армию, когда столкнулся с приятелем, Дагом Уокером, у которого возникла идея.

- Давай запишемся на службу в армейскую разведку, - предложил Уокер, - и мы оба закончим тем, что будем пить пиво в Германии. Но вместо этого они прошли подготовку как офицеры разведки и были отправлены во Вьетнам. Джей-Джей служил в 515-й группе военной разведки в Куангнгай, логове Вьетконга, где он руководил работой двойных агентов в программе под кодовым названием «97 Charlie».

Когда Смит вернулся в Форт-Брэгг, Северная Каролина, местный агент ФБР в Фейетвилле завербовал его в Бюро, и его приняли в штат в 1970 году. Он отправился в Лос-Анджелес, и с 1975 года занимался борьбой с китайской разведкой.

Иностранная контрразведка, или FCI, по терминологии Бюро, не была популярным поприщем для карьеры в ФБР.

- Молодые агенты из Квантико всё ещё пылавшие энтузиазмом, хотели расследовать грабежи банков, заниматься уголовными делами, - вспоминал Джон Л. Хус, бывший агент ФБР, работавший с Джей-Джей. - Но Джей-Джей был редкой птицей, он вошёл в FCI и остался в FCI.

- Джей-Джей, - он добавил, - был очень приятным, со здравым смыслом юмора, был очень предан своей работе, пользовался уважением других агентов. Он был хорошо сведущ в «китайской» контрразведке - «ходячая энциклопедия» по всем случаям, процессам, методам. Если у вас возникал вопрос,

нужно было спросить Джей-Джей.

К тому времени, когда Джей-Джей завербовал «Горничную» в 1982 году, он достиг необычной независимости в рамках местного офиса ФБР. Его шефы потворствовали ему и слушались его рекомендаций относительно китайских дел. Хотя агентов ФБР часто переводят из одного штата в другой, из-за высоты своего положения Джей-Джей смог остаться в Лос-Анджелесе. Со своей женой Гэйл и их юным сыном Келли Джей-Джей устроился в Уэстлейк-Виллидже, милом пригороде.

Хотя сначала Катрина Люн была только IA, обозначение ФБР для информационного источника, Джей-Джей быстро распознал её потенциал как важного информатора Бюро. Прошло не много времени, прежде чем их профессиональные отношения переросли в личные. В августе 1983 года они оказались в одной постели.

Одной из причин, почему Джей-Джей завербовал Катрину, была её дружба с чикагских дней с Хэнсоном Хуангом, который поехал в Китай, чтобы работать на Арманда Хаммера и «Оксидентал Ойл» (Западную нефтяную компанию). Хотя Хуанг был лояльным прокитайским активистом и сторонником КНР, по иронии судьбы китайские власти начали подозревать его, возможно, из-за его любопытства о месторасположении и размере нефтяных запасов страны, а эти вопросы в Китае считаются государственной тайной. Он был арестован и в июне 1983 года признан виновным в шпионаже. Пекинский суд приговорил его к пятнадцати годам тюрьмы.

Интерес Джей-Джей и ФБР к Хуангу основывался не только на его активности в студенческом движении за передачу Китаю островов Дяоюйтай. Хэнсон Хуанг оказался ключевой фигурой в «Ловушке для тигра», деле, касавшемся ядерного оружия, которое Билл Кливленд активно разрабатывал в Сан-Франциско с помощью Джей-Джей в Лос-Анджелесе. Теперь, когда Хуанг вступил в конфликт с китайской разведкой, возможно, он согласился бы помочь ФБР.

Первым важным заданием, которое Джей-Джей поручил Катрине, было отправиться в Китай и попробовать добиться

допуска в тюрьму, где сидел Хуанг. Это был важный приказ. В коммунистическом государстве, под плотным контролем властей, как может иностранец посетить заключённого, отбывающего срок за шпионаж? То, что ей удался этот подвиг, возможно, должно было бы вызвать удивление у Джей-Джей и у Бюро. Этого не произошло: первый отчёт Джей-Джей в штаб-квартиру о «Горничной» содержал лишь резюме того, что она узнала во время своего посещения тюрьмы.

Ивиан Си. Смит, который не был родственником Джей-Джей Смита, тогда работал в китайском подразделении в центральном офисе ФБР в Вашингтоне.

- Джей-Джей послал мне отчёт по пневмопочте (airtel), и она, Катрина Люн, сообщала в нём всё о своей первой поездке в Китай в 1983 году, о Хэнсоне Хуанге, который сидел там в тюрьме. Я сказал, что всё это чушь собачья, потому что в отчёте есть секс, и есть интрига, и всё-всё-всё есть, но нет развединформации. Я сказал, 'Чёрт возьми, Джей-Джей, где же гребаное мясо?' - Не волнуйся, оно будет,- заверил его Джей-Джей.

Раздражение Ивиана Смита, возможно, было в некоторой степени вызвано тем, что Джей-Джей в Бюро, похоже, мог ходить по воде.

- У Джей-Джей было важное положение в Лос-Анджелесе, - рассказывал Ивиан Смит. - Он пренебрегал правилами. Он мог войти в офис без пиджака и галстука. У него был этот великий источник, и этот источник сделал его непотопляемым.

К этому времени статус «Горничной» поднялся до ОА, или оперативного источника, на жаргоне ФБР. Как IA, информационный источник, она только поставляла Бюро информацию; как ОА ей стали давать определённые задания. В то же самое время, Люн укрепляла свои контакты в Сообществе американских китайцев в Лос-Анджелесе.

В марте 1984 года благодаря помощи Джей-Джей, ускорившей бюрократическую волокиту, она стала гражданкой США. В том же году, или чуть позже Катрина продвинулась в «высшую

лигу» как вполне оперившийся DA, или двойной агент. План Бюро состоял в том, чтобы позволить МГБ думать, что Люн работает на Китай, в то время как фактически ею бы руководило и контролировало ФБР.*

*На путунхуа, китайском литературном языке, «секретный агент» или «шпион» обозначается словом «цзьеньди», хотя слово «пэнйоу», что означает «друг», также часто используется. Для обозначения «двойного агента» добавляются два символа «шуанмьян», представляющие два лица. Таким образом, слово «шуанмьян цзьеньди» означает двуличного шпиона.

В конце концов, Джей-Джей побудил Катрину рассказать в Китае о своих контактах с ФБР и среди прочего, о своей дружбе с ним. Ей поручили сблизиться с МГБ в Пекине, разыгрывая свою лояльность по отношению к Китаю. Никакой чувствительной информации, как предполагалось, ФБР ей давать не станет, так как она не была кадровой служащей, и потому ей трудно было бы объяснить свой доступ к секретам Бюро. Но китайцы, занимавшиеся шпионажем на протяжении, по крайней мере, двух с половиной тысячелетий, со времён, когда Сунь-Цзы написал книгу о шпионаже, быстро поняли бы, что она завербована ФБР, и это соблазнило бы МГБ. И любой, поддерживавший отношения с ФБР, представлял собой большой интерес для МГБ.

Джей-Джей также проинструктировал «Горничную» во время её поездок в Китай похвастаться перед МГБ и другими китайскими чиновниками своим карьерным ростом в Сообществе американских китайцев, что тоже делало её привлекательным источником для китайской разведывательной службы.

«Горничную» обычно сопровождали в её поездках в Китай мужем и их юный сыном. Когда она в самый первый раз приехала в Пекин, рассказывал Кам Люн, «она постучала в дверь МГБ. Такую ей поставили задачу, и она это сделала».

- Мы приезжали в Китай, по крайней мере, один раз в год, иногда больше, - говорил он. - Мы ездили в Китай на

протяжении, как минимум, двадцати лет, в некоторые годы даже по два или три раза.

- Присутствие мужа и сына, - как объяснял Кам, - обеспечивало оправдание посещать любые места, куда хотела попасть Катрина. Если бы она сказала, 'Наша семья никогда не была в Сиань', - тогда они сказали бы, - 'Конечно, поезжайте в Сиань.'

- Или она сказала бы, 'Мой сын хотел бы попасть в Харбин, в холодную страну. Трижды «Горничная» ездила в Харбин, в далёкий северо-восточный Китай около российской границы, где температура была значительно ниже ноля, утверждая, что их сын «любит Фестиваль ледяных фонарей». На самом деле причина была совсем другой; она подлизывалась к шефу МГБ, который был родом из этого города в провинции Хэйлунцзян, также как и многие другие офицеры китайской разведки.

- Я был оператором,- рассказывал её муж. - Я пользовался камерами «Никон» и «Олимпус», в конечном счёте, цифровой камерой «Сони Диджикам». Кам купил камеры, а ФБР возместило Катрине расходы на них. Он распечатал все фотографии в двух экземплярах и дал один комплект жене, чтобы та передала его Джей-Джей.

Некоторые из сообщений «Горничной», если верить чиновникам разведки, даже попадали в Белый дом при президентах Рональде Рейгане, Билле Клинтоне и обоих Джорджах Бушах, отце и сыне. Медаль ЦРУ высокого уровня, которую Джей-Джей получил за работу «Горничной», является свидетельством того, как высоко оценивалась работа как её, так и его. Длилось это довольно долго, до того момента, когда всё это раскрылось. Поскольку Катрина Люн снискала расположение высших руководителей в Пекине, она одновременно становилась всё более и более видным членом Сообщества американских китайцев в Южной Калифорнии. Она также активно действовала в республиканских политических кругах, внеся десять тысяч долларов в фонд мэра Лос-Анджелеса Ричарда Дж. Риордана и четыре тысячи двести долларов в фонд Билла Саймона-младшего, который победил Риордана на республиканских предварительных выборах на пост губернатора Калифорнии в 2002 года, но проиграл Грэю

Дэвису. Согласно финансовым отчётам кампании, супруги Люн за 1990-е годы внесли приблизительно 27 тысяч долларов в фонд поддержки Республиканской партии. Катрина Люн также оказывала финансовую помощь, по крайней мере, одному видному демократу, своей подруге Джуди Чу, которая в Ассамблее штата Калифорния представляла город Монтерей-Парк, где большую часть населения составляют американские китайцы.

Её выход в более широкое общество Лос-Анджелеса состоялся с помощью Кэролин Леонетти Амансон, одно время соведущей в телевизионной передаче Арта Линклеттера «Домашняя вечеринка» и вдовы Ховарда Филдстеда Амансона, банкира-миллиардера. Кэролин Амансон, умершая в 2005 году, была известным меценатом и филантропом в Лос-Анджелесе - «Театр Амансон» не зря носит её фамилию, а также активно способствовала улучшению отношений между Китаем и Соединёнными Штатами. Она была председательницей Ассоциации городов-побратимов Лос-Анджелеса и Гуанчжоу, и выбрала Катрину Люн как президента. Кэролин Амансон была близка к Чжу Жунцзи, премьер-министру КНР на продолжении пяти лет до 2003 года, и несколько раз посещала материк в сопровождении Катрины.

- Без Кэролин Катрина осталась бы просто одним из ловкачей из Китайского квартала, - говорил Кам Люн о своей жене. - Кэролин ввела её в широкие круги общества.

Бизнесмен из Лос-Анджелеса Питер Ву, основатель и президент фирмы «Мегатойс», выпускающей игрушки, своими глазами наблюдал за силой влияния Катрины Люн в Китае. В 1996 году как один из участников делегации в составе приблизительно сорока руководителей местной китайской общины, он сопровождал её и мэра Риордана в поездке в Пекин и другие китайские города, с целью способствовать бизнесу для порта Лос-Анджелеса.

- Именно она собрала и организовала поездку. Она руководила. Она устраивала эти мероприятия. Был банкет в Доме народных собраний, она была ведущей этого банкета. Катрина и мэр Риордан встречались с Цзян Цзэминем в его офисе. Она

хвасталась, что может встретиться с тем-то или тем-то в любое время, когда она захочет. У нас сложилось впечатление, что у неё очень значительные связи с китайским правительством. Или как выразился один высокий городской чиновник в Лос-Анджелесе: - Когда вам нужно сделать что-то, связанное с Китаем, вы идёте к Катрине Люн.

Катрина, вспоминал Ву, часто появлялась на торжественных мероприятиях с друзьями из ФБР.

- Она иногда приглашала Джей-Джей и его коллег на обеды. Ходили слухи, она была шпионкой в пользу Китая. Вы видели её с агентами ФБР, и она представляла их нам, чтобы продемонстрировать, что у неё нет никаких проблем с американским правительством. Её появление с людьми из ФБР как бы узаконивало её статус.

И работа на ФБР также означала, что Катрина Люн наслаждалась роскошным образом жизни. Из более чем 1,7 миллионов долларов, выплаченных ей ФБР в качестве жалования и возмещения расходов, больше половины, точнее 951 000 долларов, ей заплатили уже *после того,* как в 1991 году стало известно, что она передала несанкционированную информацию Мао Гохуа, её «куратору» в китайской разведке.

Кроме того, благодаря её знаменитым связям с руководителями в Пекине, с Катриной сблизилась фирма «Нортел», ведущая канадская телекоммуникационная компания, которая заплатила ей 1,2 миллиона долларов как своему представителю в сделке, целью которой было дать возможность «Нортел» поставлять в Китай свои цифровые коммутационные системы DMS-100.

Как ФБР позже обнаружило, китайское правительство также заплатило ей 100 000 долларов, так что общий её известный доход от ФБР, «Нортел» и КНР составил более трёх миллионов долларов. С таким денежным дождём образ жизни Люнов соответственно улучшился. Они купили дом за 1,4 миллиона долларов в Сан-Марино, престижном районе Лос-Анджелеса, с гаражом, плавательным бассейном, прудом, домиком у бассейна, и четырьмя кремовыми каменными львами,

охраняющими въезд.

Ещё у них был магазин китайской книги в Монтерей-Парке и два жилых дома, и деньги на шестнадцати счетах в иностранных банках.

Именно в доме в Сан-Марино происходило большинство свиданий между Джей-Джей и Катриной. В том же доме в Сан-Марино Джей-Джей информировал «Горничную» об её заданиях и узнавал информацию, которую она доставляла из Китая.

Где был Кам Люн во время посещений Джей-Джей? - Когда человек из ФБР приезжал в их дом, рассказывал он, - я уходил. Я не хотел, чтобы меня взяли за жабры в Пекине, если бы я знал разведывательные тайны. Возможно, меня бы там допросили и посадили в тюрьму. Я не хотел знать того, что они обсуждали.

- Больше двадцати лет Джей-Джей приходил в наш дом в любое время, когда хотел. Три дня в неделю, иногда пять дней в неделю. Он сначала звонил и спрашивал: 'Могу ли я у вас поработать?' Все наши родственники знали, что они не могут приехать к нам домой, не позвонив предварительно.

Джей-Джей стал настолько доверять «Горничной» и их партнёрству, что он начал брать к ней домой секретные документы. Среди них были бумаги с грифом «совершенно секретно» и другие секретные материалы, которые хранились в офисе ФБР в Лос-Анджелесе под строгими мерами безопасности в специальном безопасном отделённом информационном помещении, сокращённо SCIF («secure compartmented information facility», произносится как «скиф»). Обычно агенты ФБР читают документы в SCIF. Иногда они забирают документы, читают их в своих кабинетах, а затем возвращают.

Но привилегированный Джей-Джей, мог набивать документами свой портфель и брал их в дом в Сан-Марино. Он был единственным агентом, который, по крайней мере, однажды, брал из помещения Бюро совершенно секретные документы на всю ночь.

То, что он свободно мог заходить в дом в Сан-Марино, было удивительно удобно для любовников. Но это было также очень удобно для МГБ. Джей-Джей мог оставлять свой портфель открытым; карманы папки файла в портфеле часто содержали документы с видимым снаружи текстом. Она могла видеть любые документы, которые хотела.

В то время как сотрудник ФБР дремал, или выходил покурить, или был в ванной, возможно, принимал душ после секса, «Горничная» брала секретные документы из его портфеля и тайно делала копии на своём фотокопировальном устройстве или на факсе. Иногда она делала заметки о содержании документов, а потом выбрасывала копии документов в мусорную корзину.

В других случаях она делала заметки о содержании документов, не копируя их. Она также записывала сведения, которыми с ней делился Джей-Джей. Как она умудрялась делать всё это без ведома своего любовника, кажется удивительным. Но нет никаких доказательств, что Джей-Джей догадывался, что его главный источник предаёт его. Годами «Горничная» передавала МГБ информацию, которую получала таким путём.

Ещё более поразительно, что Катрина Люн продолжала воровать документы из портфеля Джей-Джей ещё много лет после 1991 года, когда ФБР из аудиозаписи узнало о том, что она под псевдонимом Ло выдавала тайны Бюро китайской разведке.

Так как Джей-Джей заходил в их дом так часто, неизбежно Смиты и Люны сблизились.

- Семья Джей-Джей и моя семья были хорошими друзьями все эти годы, - вспоминал Кам. - В 1992 году мы вместе отправились на Гавайи, путешествуя с острова на остров.

А знал ли он о любовных делишках своей жены не с одним, а даже с двумя агентами ФБР? Он ответил: - Гэйл (Смит) не знала, жена Уильяма Кливленда не знала. И я не знал.

Глава 5. После прочтения уничтожить

Они никак не походили на привычный подбор персонажей для шпионской драмы: Чиень Нин, загадочная женщина и выдающийся китайский геофизик; Хэнсон Хуанг, родом из Гонконга, выпускник Гарварда, адвокат и друг Катрины Люн; и Джерри Чи-ли Чен, владелец телемастерской в Окленде, на противоположном от Сан-Франциско берегу залива.

Все они были ключевыми игроками в шпионском расследовании, получившем в ФБР кодовое обозначение «Ловушка для тигра». В центре всего этого был Гобау Минь, инженер в области аэрокосмических технологий с допуском уровня Q, работавший в лаборатории Лоуренса Ливермора, занимавшейся разработкой ядерного оружия - человек, который так потряс Билла Кливленда, когда агент ФБР столкнулся с ним в вестибюле гостиницы в отдалённом Шэньяне.

Кливленд был агентом, занимавшимся этим делом, ведущим следователем ФБР в операции «Ловушка для тигра». Он расследовал это дело с помощью Эла Хеймана, другого специального агента Бюро в области Залива Сан-Франциско, и Джей-Джей Смита в Лос-Анджелесе.

Уильям В. Кливленд-младший стал ведущей фигурой в китайской контрразведывательной программе ФБР, и его прошлое было совсем не таким, как у Джей-Джей Смита. Кливленд вырос в Арлингтоне, в Северной Вирджинии, и был сыном помощника директора ФБР в эпоху Дж. Эдгара Гувера.

Закончив Колледж Уильяма и Мэри, и отслужив два года в армии, он пошёл служить в ФБР в 1969. Его направили в Военный институт иностранных языков в Монтерей, Калифорния, чтобы изучить китайский язык, затем назначили в «китайскую» команду в офисе ФБР в Беркли, а позже в Окленде.

Со временем репутация Кливленда как эксперта по китайскому

шпионажу и уважение к нему среди коллег по ФБР очень выросли.

- Он был лучшим, кого я когда-либо знал, - рассказывал Кен Шиффер, бывший ветеран «китайской» контрразведки ФБР. - Я был о нём очень высокого мнения. Он был моим героем.

Другой прежний коллега сказал даже проще: - Билл Кливленд был богом. Из двадцати четырёх лет своей службы в Бюро двадцать три года Кливленд «копал» в области Сан-Франциско. Калифорнийский образ жизни прекрасно подходил ему. Всегда аккуратный, он оставался в форме, бегая трусцой каждое утро, а в более поздние годы переключился на поездки на велосипеде.

Кливленд был активен в своей церкви, редко пропускал воскресные службы, но некоторые из его коллег считали Кливленда ханжой, а его набожное поведение отвратительным.

- В Беркли, - говорил один из них, - он был ужасным святошей, упаси вас Бог выругаться рядом с ним. Однажды множество людей столпилось у окна. Кто-то занимался оральным сексом в автомобиле, всё было видно, и люди глазели с интересом, а Кливленд отгонял их всех от окна с воплями: «Прекратите!».

Работа Кливленда неизбежно свела его с Джей-Джей Смитом в Лос-Анджелесе, и, конечно, с «Горничной». Эти двое мужчин сблизились; Джей-Джей считал Кливленда своим наставником и другом. Именно Кливленд, ярый фанат команды «Окленд Атлетикс», научил сына Джей-Джей Келли играть в бейсбол.

В 1978 Кливленд и «китайская» команда Сан-Франциско начали расследовать деятельность нескольких китайских и тайваньских граждан. Их лидером, как следовало из выводов ФБР, была геофизик Чиень Нин, направленная, по мнению ФБР, в Соединённые Штаты китайским МГБ.

ФБР предполагало, что Чиень получила от китайской разведки 250 000 долларов и должна была выполнить четыре задания. Во-первых, она начала выпускать глянцевый журнал на китайском языке, «Science and Technology Review» («Обзор

науки и техники»), для которого американские учёные китайского происхождения писали статьи на темы, представляющие интерес для Китая. Полдюжины номеров были изданы в Соединённых Штатах, после чего издание переместилось в Китай.

Журнал не был какой-то малозначительной операцией. За ним ясно была видна поддержка китайского правительства на самом высоком уровне. Впервые почтовая служба в Китае и сеть официальных книжных магазинов позволили неограниченную продажу иностранного журнала. Изданный в Беркли и напечатанный в Гонконге, первый номер журнала, вышедший в январе 1980 года, насчитывал 104 страницы, тираж 200 000 экземпляров, и содержал интервью с двумя Нобелевскими лауреатами. В журнале также было поздравление д-ра Фрэнка Пресса, советника по науке президента Джимми Картера и тоже геофизика, как и Чиень. В Китае передовая статья в «Жэньминь Жибао» («Народной ежедневной газете») рекламировала журнал, и многие высокопоставленные китайские правительственные чиновники прислали рукописные письма с поздравлениями в пекинскую редакцию журнала.

Второй проект г-жи Чиень состоял в том, что при помощи подставной коммерческой фирмы, организованной под названием «Кентекс Интернейшнл», в библиотеках в Калифорнийском университете в Беркли, Стэнфордском университете, и в других университетах отыскивали диссертационные работы и научные книги по множеству технических тем. Диссертации и книги были скопированы, а копии отправлены в Пекин.

Кроме того, Чиень поручили открыть книжный магазин для продажи изданий из КНР и других книг по Азии и китайскому языку и культуре. ФБР полагало, что она, возможно, помогла основать книжный магазин «Eastwind Books & Arts» на углу улиц Стоктон-Стрит и Коламбус-Стрит в Сан-Франциско. Наконец, ей предстояло основать импортно-экспортную компанию.

Всё это выглядело довольно безобидно. Но подозрения ФБР

относительно роли Чиень получили подпитку, когда Гобау Минь, учёный из Ливерморской лаборатории, как оказалось, стал работать по совместительству менеджером по рекламе и продажам в её журнале «Обзор науки и техники».

Бюро навострило уши, потому что Минь был инженером в одном из самых чувствительных и секретных учреждений США, в лаборатории, основанной в значительной степени Эдвардом Теллером, «отцом» водородной бомбы, который стал её директором. Именно в Ливерморе была создана водородная бомба, самое разрушительное оружие в мире.

В конце 1970-х Минь работал в Ливерморской лаборатории над проектированием системы, сбивающей вражеские ядерные ракеты. Проект Миня являлся предшественником Стратегической оборонной инициативы (СОИ), так называемой программы «Звёздных войн», начатой в 1983 году президентом Рональдом Рейганом.

Как часть своего исследования, Минь проводил испытания на полноразмерных макетах боеголовок стратегических ракет «Минитмен II». С его допуском уровня Q у Миня также был доступ к конструкции всех американских ядерных ракет, даже тех, которые только разрабатывались. Короче говоря, он был посвящён во все тайны программы ядерного вооружения Америки.

Кливленд тогда открыл дело на Миня под названием «Ловушка для тигра», ФБР также начало подслушивать его телефоны на основании Закона о наблюдении за иностранными разведками (FISA).

В истории Миня, казалось, не было ничего примечательного. Он родился на Тайване, получил диплом инженера в Тайваньском университете и два года прослужил в тайваньском военном флоте. После прибытия в Соединённые Штаты в 1963 года, он получил диплом инженера в Университете Западной Вирджинии и в 1970 году степень доктора по аэрокосмосмической технике в Университете Мичигана.

Он решил остаться в Соединённых Штатах, стал американским

гражданином, работал в частной промышленности в течение нескольких лет, и устроился на работу в Ливерморскую лабораторию в 1975 году. Со своей женой, родившейся в Китае, он купил дом в Дэнвилле, штат Калифорния, в получасе езды от лаборатории, и спокойно занимался своим хобби, собирая и изучая драгоценные камни.

Хотя у него была твёрдое положение в Ливерморе, Минь, по-видимому, полагал, что ему недостаточно много платят и недостаточно высоко ценят. Он питал амбиции войти в бизнес, торгующий с Китаем. Он решил поехать в Пекин летом 1979 года, чтобы поспособствовать своим перспективам.

Джерри Чи-ли Чен, владелец телемастерской в Окленде, помогал Миню с документами для его обращения за визой. Чен, родившийся в Китае, но выросший на Тайване, будучи аспирантом, принимал активное участие в движении за возвращение Китаю островов Дяоюйтай. Его работа принесла официальное признание: он стал одним из группы из всего пяти студентов, которых пригласили в Пекин на встречу с премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем.

Во время поездки назад в Китай Чиень Нин спросила Хэнсона Хуанга, который тогда в Пекине работал на Министерство внешней торговли, просмотреть обращение Миня за визой. Хуанг немедленно увидел в Мине компетентного эксперта, чьи знания и доступ к секретам могли бы помочь военной ядерной программе Китая. За месяц до своего отъезда в Китай Минь, как выяснили следователи, просмотрел множество секретных документов в технической библиотеке Ливерморской лаборатории. Он также получил доступ к сверхсекретному хранилищу вооружения лаборатории, в котором хранились макеты всех ядерных боеголовок, разработанных учёными Ливермора.

После того, как Минь в июне прибыл в Пекин, Чиень представила его Хэнсону Хуангу. Миня попросили прочитать несколько лекций в Китае, и он согласился. Через Хуанга он также согласился ответить на вопросы маленькой группы китайских учёных, работающих на правительство.

Минь встретился с ними, но так как он не был ядерным физиком, то не смог ответить на все их вопросы о конструкции ядерного оружия. Ему дали несколько вопросов, на которые он должен был найти ответы, уже вернувшись в США.

Когда Минь вернулся из своей поездки, то сказал своим коллегам по лаборатории, что ездил в Китай читать там лекции о драгоценных камнях. Так как все знали, что он любитель драгоценных камней, его версия событий не вызвала подозрений у коллег.

Если Чиень Нин и была женщиной-резидентом МГБ, как полагали в ФБР, то с внешней стороны мало что говорило в поддержку этой версии. Однако какой-то элемент тайны и интриги в её истории присутствовал: она, казалось, была повсеместно, и как деловая женщина, покупающая проржавевшие торговые суда для разделки на металлолом, и как учёный, профессор университета, издатель журнала. И, так или иначе, она всплывала в каждом поворотном моменте ранней истории «Ловушки для тигра».

В интервью с автором в 2009 году Чиень отрицала, что приехала в Сан-Франциско по поручению МГБ.

- Я догадываюсь, что были причины подозревать меня в этом, - сказала она, - но это не так. Я - интеллектуал, мой склад ума не подходит для таких дел.

Чиень жила в Северной Калифорнии, когда её нашли и опросили. Она сказала, что ездила в Китай в среднем дважды в год. Дало ли ей МГБ 250 000 долларов, чтобы организовать четыре проекта? - Они не давали мне денег, - ответила она.

В то же самое время, она признала, что была знакома с Гобау Минем.

- Я представила Миня Хэнсону [Хуангу], - сказала она. - Минь пришёл, чтобы увидеть меня, а Хэнсон тоже был там. В Пекине.

И это она основала книжный магазин «Eastwind» в Сан-Франциско? - Нет, я только помогла им, - ответила она.

Ещё одна тайна. Доротео Нг, один из владельцев книжного магазина, когда его спросили о Чиень, сказал: - Я не помню это имя. Я не помню этого человека. Он сказал, что книжный магазин основали в 1978 году «приблизительно двадцать человек», большинство из них были активистами Сообщества, с целью способствовать культурному взаимопониманию. Внёс ли Китай какие-нибудь деньги, чтобы помочь открыть книжный магазин? - Нет, никаких денег из КНР, ни цента, - утверждал он.

Чиень прибыла в Америку и основала журнал, как она объясняла, чтобы «построить мост между двумя странами. Помочь китайскому народу повернуться к западной экономике. Консерваторы были у власти, и я хотела помочь Китаю понять рыночную экономику».

Чиень Нин родилась в Наньцзине (тогда Нанкин); большая часть её семьи переехала на Тайвань в 1946 году, когда ей было лет 15-17. Чиень вернулась в Китай и сказала, что заняла первое место на национальном экзамене для поступления в университет. Она получила диплом физика в Университете Цинхуа в Пекине, затем изучала геофизику. Десятилетие спустя её захватило недолговечное «Движение ста цветов», начатое Мао Цзэдуном в 1957 году, якобы для поощрения «конструктивной критики» правительства интеллигенцией. Многие из тех, кто тогда высказывался, потом были строго наказаны, когда Мао разгромил эту инициативу.

- Я провела в тюремном трудовом лагере много лет, потому что моя семья жила на Тайване, и они думали, что я была агентом ЦРУ, - рассказывала она. - Любой человек с родственниками на Тайване попадал под подозрение.

Чиень рассказала, что провела пять лет в лагере для заключённых, с 1957 по 1962.

- Лагерь был на границе с Сибирью на далёком северо-востоке, около озера Синкай (Ханка). Было очень холодно. В течение долгого времени сотни тысяч интеллигентов и « правых реакционеров» отправляли в лагерь для заключённых на озере Синкай, где условия были необычайно тяжёлыми. Чиень

работала на стройке и ремонтировала трактора в лагере.

Однажды в ходе её примечательной карьеры Чиень руководила несколькими геологоразведочными партиями в отдалённых провинциях Китая, где они каталогизировали национальные полезные ископаемые. Считается, что её заслугой было обнаружение огромных железных рудников Баотоу во Внутренней Монголии.

В августе 1979 года, спустя два месяца после того, как Чиень представила Гобау Миня Хэнсону Хуангу в Пекине, Хуанг прилетел в Сан-Франциско и дважды встретился с инженером Ливерморской лаборатории, в первый раз в автомобиле Мина, во второй раз в его доме в Дэнвилле. На второй встрече Минь предоставил информацию как ответ на вопросы, переданные через Хуанга китайскими учёными. Хуанг улетел в Вашингтон, округ Колумбия, и пошёл в китайское посольство с данными, которые получил от Мина.

В посольстве он написал отчёт, который послал в Китай дипломатической почтой. Хуанг теперь, по сути, стал оперативным офицером агента Мина.

Хэнсон Хуанг родился в Гонконге в 1951 года. Его китайское имя - Хуанг Йен. (Его имя, Йен, означает «преданный»). Ему и его младшему брату Генри дали английские имена, очень распространённый обычай в Гонконге, тогда принадлежавшем британцам.

Генри Хуанг, молекулярный микробиолог в Университете Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе, жил отдельно от брата и не разделял его симпатий к КНР.

- Наша семья была очень бедной, - вспоминал Генри Хуанг. - Наш отец умер, когда мы были маленькими детьми, мать была репортёром новостей в газете, а затем на телевидении, но зажиточными мы не были.

О своём брате Хэнсоне Генри рассказывал так: - Он всегда был человеком, которого захватывали идеи. Он увлекался коммунизмом, социализмом, очень наивным образом.

Хэнсон и его брат посещали епархиальную школу для мальчиков в Гонконге, затем оба приехали в Соединённые Штаты, чтобы продолжить образование. Хэнсон поступил в Гарвардский колледж осенью 1970 года, и три года спустя получил диплом с отличием со степенью бакалавра по истории. Он продолжил обучение в Гарвардской юридической школе и получил диплом юриста в 1976 году.

Окончив Гарвардскую юридическую школу, Хэнсон Хуанг поступил на работу в юридическую фирму «Бэйкер и Маккензи» в Чикаго, городе, где он впервые пересёкся с Катриной Люн, если они не встречались раньше на протестных демонстрациях за возвращение островов Дяоюйтай. В 1979 году он уехал в Пекин. В 1981 году, вернувшись в Соединённые Штаты, Хуанг на короткое время поступил на работу в юридическую фирму «Уэбстер и Шеффилд» на Манхэттене, где партнёром был Джон В. Линдсей, бывший конгрессмен от Республиканской партии и дважды мэр Нью-Йорка. Юридическая фирма надеялась, что Хуанг поможет ей расширять свои операции в Азии, но он неожиданно уволился в том же году и снова уехал в Китай.

После встреч Хуанга с Гобау Минем в Сан-Франциско, и последовавшей его поездки в китайское посольство в Вашингтоне, он вылетел обратно в Пекин. Его контакты там были, скорее всего, не удовлетворены информацией Миня, потому что Хуангу дали пять дополнительных вопросов и проинструктировали задать их в письме Миню. Один вопрос содержал «секретные ограниченные данные», по американской классификации такой гриф секретности ставится на документы, содержащие информацию о ядерном оружии.*

*Министерство энергетики США определяет «секретные ограниченные данные» как информацию, «раскрывающую теорию функционирования или конструкции компонентов термоядерной или атомной бомбы».

На некоторые из вопросов можно было ответить только с использованием секретных данных. Хуанг написал письмо в офисе К. Ч. Мена, который был пекинским редактором научного журнала Чиень Нин.

На случай, если письмо попадётся на глаза посторонним, было также подготовлено безобидное письмо в духе «покажи и назови». Письмо с важными вопросами содержало предупреждение для Миня: «Другое письмо можно показывать другим людям. Это письмо следует после прочтения уничтожить».

Глава 6. «Чёрт побери, мистер Гроув!»

Дэн Гроув любил виды и запахи, суматоху Гонконга. Высокий, приветливый человек, он был одним из самых опытных азиатских экспертов ФБР. Он родился в Пенсильвании, штате угольных шахт, окончил Пенсильванский университет, и поступил на службу в Бюро в 1955 году.

Знаток китайского языка, Гроув расследовал связанные с китайцами дела в Сан-Франциско в начале 1960-х, затем провёл год в китайском отделе в центральном офисе, прежде чем отправиться на Восток в Гонконг в 1966 году как юридический атташе ФБР. (Агенты ФБР, служащие за рубежом, называются юридическими атташе или легатами («legats»)). Если бы ему дали право выбора, Гроув остался бы в Гонконге навсегда. Но после шести лет его отозвали назад в Штаты и направили в офис ФБР в Беркли. Как агент контрразведки, Гроув обычно искал людей со связями в Китае, и для этого он получил список студентов, посетивших Всекитайские Игры в Пекине и начал опрашивать их.

- Я встретил приятного парнишку с Тайваня и попросил его прийти, и он пришёл ко мне в кабинет. Он был очень вежливым и рассказал мне о своей поездке. Он был на соревновании по стрельбе в Пекине, он служил в армии на Тайване. Молодой человек был аспирантом в Беркли. Звали его Томми Тан.

- Они попытаются заполучить вас, - сказал ему Гроув. - Они будут поддерживать контакты. Бесплатных обедов не бывает.

Предсказание Гроува оказалось точным. - Мы знали, кто вербовал и других студентов. Джерри Чен. Владелец

телемастерской в Окленде, похоже, не ограничивался ремонтом телевизоров.

Месяц спустя Томми Тан вернулся, чтобы встретиться с Гроувом. - Он сказал, 'Эти люди хотят, чтобы я работал в книжном магазине, собирающем технические книги, чтобы отправлять их в Китай'. Он был занят учёбой. Он сказал, 'я не знаю, есть ли у меня время'.

Гроув оценил проблему.

- Я сказал, 'Если я заплачу вам, то вы сделаете это?' Он сказал, 'да, буду'. После того, как Тан согласился собирать книги, он показывал их Гроуву, таким образом, агент ФБР знал, какие материалы шли в Китай. Вскоре Тан сказал Гроуву, что Джерри Чен позвонил ему и попросил поехать в Пекин, чтобы заняться книжным проектом. Тан согласился на поездку. И таким образом, он оказался в Пекине точно в тот момент, когда Хэнсон Хуанг искал безопасный способ доставлять свои письма Гобау Миню. Разве может быть курьер лучше надёжного студента, который через Гонконг легко может вылететь в Беркли?

Гроув вспоминал, что случилось потом.

- Он [Тан] уехал на одну неделю или на пару недель, когда он вдруг позвонил мне на мой домашний телефон: - Чёрт побери, мистер Гроув! Вы никогда не догадаетесь, что у меня есть!.

- Он сказал, 'мне дали письмо для этого парня в лаборатории Лоуренса Ливермора, а я открыл его, и они хотят больше информации относительно систем наведения ракет'.

- Письмо было адресовано Гобау Миню, - рассказывал Гроув. - Это было типичное китайское письмо для авиапочты, где нужно открыть клапаны конверта, чтобы вытащить его. Он так и сделал, а я сказал: 'Вы, вероятно, повредили конверт'. Он открыл конверт до того, как позвонил мне. Он, вероятно, порвал клапаны конверта, когда открывал. Он купил другой конверт и скопировал письмо, оно было написано китайскими иероглифами.

Студент сказал Гроуву, что то, что письмо переписано, не вызовет подозрений, потому что адресат не знает, кто написал его.

- Он переписал письмо в Гонконге, - рассказал Гроув. - Он отправил письмо по почте в Гонконге, как его инструктировали китайцы. А оригинальное письмо парень отдал мне.

Гроув не смог вспомнить после стольких лет, дошло ли до Миня безвредное письмо, которое тоже было отправлено ему. Но благодаря Дэну Гроуву и, в некоторой степени, удачной синхронизации действий, у ФБР теперь было на руках важное письмо Хэнсона Хуанга. Бюро не пришлось долго ждать реакции Миня.

Прочитав письмо, Минь решил лично доставить ответы в Пекин. Он не сообщил руководству лаборатории, как было предусмотрено правилами, что он запланировал поездку в Китай. Его жена позвонила в его офис в Ливерморе и сказала, что он заболел, и некоторое время не сможет приезжать на работу.

Билл Кливленд тогда организовал сложный трюк, чтобы заманить Миня в ловушку. Поскольку инженер проходил через терминал международного аэропорта Сан-Франциско, по громкой связи было передано необычное объявление, напоминающее пассажирам о незаконности перевозки определённых предметов. Длинный список запрещённых материалов включал огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, и информацию о ядерном оружии.

Когда Минь встал в очередь, чтобы сесть на свой самолёт, направлявшийся в Гонконг, несколько незнакомых ему агентов ФБР встали в очереди сразу за ним и перед ним. Пассажирам сказали, что вся ручная кладь должна пройти проверку американской таможней. Портфель Миня и сумки стоящих рядом с ним в очереди «пассажиров» забрали в отдельную комнату для досмотра. В его портфеле ФБР нашло две учётных карточки. На одной карте почерком Миня были записаны те же самые пять вопросов, которые Хэнсон Хуанг изложил в своём

письме. На другой карточке был ответ на первый вопрос, о методе оценки мощности взрыва водородной бомбы при испытаниях в атмосфере. Так как письменных ответов на другие запросы не было, ФБР пришло к выводу, что Минь и так знал ответы, потому ему не требовалось их записывать. Но Минь не был экспертом по атмосферному тестированию; ФБР позже обнаружило, что ответ на первый вопрос об оценке мощности взрыва водородной бомбы он переписал из секретного документа.

Методика измерения была основана на «свечении Теллера», названном по имени Эдварда Теллера, явлении голубой флюоресценции, вызванной взаимодействием гамма-лучей и воздуха, который может быть обнаружен за микросекунду как раз перед высотным ядерным взрывом атомной бомбы, компонента, который в свою очередь вызывает детонацию водородной бомбы.

В первые годы ядерных испытаний в атмосфере у учёных в Лос-Аламосе не было никакого верного способа измерить мощность оружия, которое они создали. Ключевым параметром, который они искали, была степень увеличения нейтронов в атомной бомбе, или «нейтронный поток» - скорость цепной реакции, когда масса ядерного заряда в бомбе становилась сверхкритическим. Теллер вычислил, что, если бы интенсивность мимолётных вспышек голубого света могла бы быть зафиксирована, она соответствовала бы нейтронному потоку. Он был прав; измеряя свет, можно вычислить мощность, полную энергию, образовавшуюся в результате взрыва бомбы.

Один из других вопросов на учётной карточке, казалось, на первый взгляд был общим вопросом о физике. Его значение стало ясным только позже.

В аэропорту вне поля зрения Гобау Миня собралась большая группа физиков, учёных в области ядерного оружия, правительственных юристов, сотрудников ФБР, и экспертов по охране государственных тайн. Они должны были проанализировать на месте любые документы или заметки, найденные в ручной клади Миня.

Пока обыск продолжался в аэропорту Сан-Франциско, в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне Пол Мур и небольшая группа учёных из Министерства энергетики собрались в офисе Эдварда Дж. О'Мэлли, помощника директора ФБР по контрразведке, чтобы услышать результат.

- Если бы ФБР нашло в его багаже что-то противозаконное, он был бы арестован, - рассказывал Мур.

Большая группа экспертов в аэропорту после исследования учётных карточек пришла к выводу, что улик недостаточно для ареста Миня. Слово было передано группе, ждущей в центральном офисе ФБР.*

*При расследовании преступлений, связанных со шпионажем, ФБР в большинстве случаев нуждается в одобрении Министерства юстиции для ареста подозреваемого. Агенты, обнаружившие эти две учётные карточки в ручной клади Миня, действовали в соответствии с невероятными и апокалиптическими инструкциями из их отдела. Они должны были арестовать инженера Ливерморской лаборатории, если бы нашли ядерную информацию, которая дала бы возможность Китаю уничтожить планету, и «устроить конец света».

Несмотря на сложный обман, разработанный ФБР в аэропорту Сан-Франциско, Минь заподозрил неладное во время обыска его ручной клади. Прежде чем сесть на самолёт, он разорвал эти две карточки и отдал их жене. Она вошла в женский туалет, сопровождаемая женщиной, которая была сотрудником Специальной группы наблюдения ФБР, известной как Gs.

Gs - группа специалистов по наружному наблюдению, все они гражданские государственные служащие, а не агенты ФБР, специально отобранные, чтобы быть похожими на обычных граждан и поэтому легко теряться в их среде. Молодая мать с ребёнком в коляске, студенты колледжа, бегающие трусцой, бородатые байкеры, седые бабушки с хозяйственными сумками, бригады дорожных ремонтников в жёлтых шлемах, толстые собутыльники в пикапах, молодые влюблённые, целующиеся в парке - все они могут быть филёрами Gs на работе. Их всех

обучают приёмам наблюдения, фотографирования и связи.

Жена Миня не избавилась от обрывков карточек в женском туалете. ФБР позже нашло обрывки в мусоре Миней, в пластиковом мусорном мешке от собачьего корма. Самоотверженный агент ФБР восстановил карточки.*

*ФБР не вручает медали, но агенты, которые выполняют задание в опасных или экстраординарных обстоятельствах, могут получить «стимулирующую» денежную премию. Агент, который восстановил карточки, был вознаграждён значительной суммой наличных денег.

Минь так никогда и не добрался до Гонконга или Китая, своих изначальных целей. Он прилетел на Тайвань, покрутился там, и вылетел домой.

- Когда Минь вернулся, - вспоминал Пол Мур, - он ходил от одного выхода для пассажиров до другого, чтобы увидеть, проводятся ли ещё «случайные обыски» в аэропорту. Он стал подозрительным; когда он разглядывал толпу, проходившую на посадку, то было ясно, что с ним происходит.

В ходе подслушивания телефона Миня ФБР узнало, как он говорил, что передал информацию кому-то, кто, как предполагалось, должен был передать её адресату в Гонконге, но заблудился. Минь также сообщил Джерри Чену, что его обыскивали в аэропорту.

Теперь ФБР предстояло принять деликатное решение. Минь уже передал информацию Хэнсону Хуангу и пытался ответить на дополнительные вопросы из Пекина, включая вопрос о методике измерения мощности водородных бомб, взорванных в атмосфере. Можно ли разрешить ему и дальше работать в лаборатории?

Бюро решило оставить его на месте, одновременно продолжая расследование. Но доступ Миня к тайнам был осторожно сужен. В Вашингтоне министр энергетики должен был каждые шесть месяцев заново давать Миню разрешение на работу в Ливерморе.

К началу 1981 года учёные и инженеры в лаборатории, включая Миня, уже вовсю трудились над тем, что потом стало программой «Звёздных войн», системой перехвата ядерных ракет. Чиновники решили, что оставлять Миня на работе стало слишком рискованно.

Настало время, когда Кливленд решил устроить допрос Гобау Миню. Шпионаж является специфическим преступлением. Если подозреваемые не признаются или, что весьма редко случается, не пойманы на месте преступления, они могут избежать наказания. Банковского грабителя можно поймать, когда он убегает в автомобиле, растратчика можно разоблачить с помощью ревизии. Но шпионы - другая порода, они действуют в мире секретов, часто применяя тайные навыки, чтобы избежать обнаружения.

Иногда прямой допрос срабатывает. Когда агенты контрразведки ФБР расспрашивают подозреваемого шпиона и показывают, как много они знают, в некоторых случаях даже демонстрируют ему фотографии наружного наблюдения, подозреваемый может почувствовать, что бесполезно отрицать собранные против него улики. Или подозреваемый может питать надежду, что следователи ФБР предложат превратить его в двойного агента, работающего против другой стороны. Время от времени квалифицированным дознавателям, использующим различные уловки, удавалось добиться признания.

Служащие лаборатории сказали Миню, что у ФБР возникли к нему серьёзные вопросы. В результате, как они предупредили, он может сохранить своё место, только если решит эти проблемы. Ему предоставили отпуск, и он согласился поговорить с Бюро.

В первый из нескольких дней допросов Миня спросили об учётных карточках, найденных в его ручной клади. Он утверждал, что это были просто заметки, которые он сделал на лекциях в лаборатории. В течение шести часов он отрицал, что знаком с Чиень Нин или Хэнсоном Хуангом, затем признал, что знает их, но утверждал, что понятия не имел ни о каких

письмах от Хуанга.

На следующий день Минь, в конце концов, сказал, что получил письмо от Хуанга. Он согласился принести его на третий день и принёс безвредное письмо «покажи и назови». Кливленд попросил, чтобы Минь позволил судебным экспертам ФБР исследовать письмо, и он согласился.

На четвёртый день Минь согласился пройти проверку на детекторе лжи. Тогда Кливленд вытащил кролика из цилиндра и продемонстрировал копию реального, важного письма, которое Дэн Гроув получил с помощью Томми Тана, студента из Университета Беркли.

Однако агенты ФБР не хотели показывать Миню, как им удалось заполучить письмо. Они придумали правдоподобное объяснение. Китайские иероглифы часто пишут в блокнотах с заранее напечатанными клеточками, чтобы легче было писать ровно. Если важное письмо к Миню было написано сначала, что могло быть вероятным, а затем вырвано из блокнота, оно могло бы оставить оттиск на следующем листке, на котором потом было написано безвредное письмо для показа.

Кливленд сказал Миню, что ФБР восстановило это письмо по оттискам, оставленным на безвредном письме, которое Минь предоставил агентам днём раньше.

Минь пристально рассмотрел важное письмо. Очевидно, он поверил выдумке ФБР.

- Я хотел бы вас поздравить, - сказал он. - Вы сделали свою работу очень хорошо.

Кливленд думал, что Минь как раз сейчас ему и сознаётся. Но этого не случилось. Инженер Ливерморской лаборатории сказал, что перед тем, как отвечать на дальнейшие вопросы, он хотел бы поговорить со своей женой. Он согласился встретиться с агентами ФБР на следующий день в мотеле, но потом позвонил и сказал, что передумал.

После этого служащие лаборатории сообщили Миню, что раз он

не разобрался с вопросами, поставленными ФБР, он не может оставаться в Ливерморе. Миню разрешили уволиться.

Тигр выскользнул из ловушки. Но ФБР убрало Миня из лаборатории, разрабатывавшей ядерное оружие, и предотвратило передачу им атомных секретов Китаю в будущем.

Некоторые, кто знал Гобау Миня, утверждали, что он, возможно, вначале не намеревался шпионить для Китая, а поехал в Пекин в надежде на установление деловых контактов. А уже там на него оказали давление, чтобы заставить рассказать о своей работе в Ливерморской лаборатории. И наверняка могло случиться так, что Минь, отвечая на поставленные ему вопросы, считал, что это могло бы помочь ему в его намерениях завязать деловые отношения с Китаем.

Был, возможно, ещё и другой фактор. В китайской культуре, когда людям оказывают услуги, то ожидается, что и они окажут ответную услугу. Это давняя китайская традиция, известная как *«гуаньси»*. Миня очень хорошо принимали в Пекине, как если бы он был важным и уважаемым гостем. В более чем одном случае Китай успешно извлёк информацию из посещений американских учёных, которые чувствовали, что они должны были быть вежливыми к своим гостеприимным хозяевам, и в результате рассказали и показали им больше, чем следовало.

Но Минь, казалось, заранее знал, что будут ожидать от него в Пекине. Иначе зачем бы ему понадобилось изучать так много засекреченных документов в технической библиотеке Ливермора на протяжении нескольких недель до его поездки?

Бюро вывело Миня из лаборатории, но Кливленд и ФБР продолжали расследовать это дело ещё целое десятилетие. Теперь Хэнсон Хуанг возродил надежду на раскрытие дела. В марте 1981 года, через месяц после того, как Миня уволили из Ливермора, Хуанг вылетел в Нью-Йорк, а затем забронировал билет в Гонконг через Сиэтл. Но уже у стойки регистрации в нью-йоркском аэропорту Джона Кеннеди он, очевидно, чувствуя, что за ним следят, в последнюю минуту изменил свои

планы, чтобы сесть на самолёт, вылетающий в Гонконг, в Лос-Анджелесе.

В аэропорту Лос-Анджелеса авиалайнер с Хуангом на борту как раз готовился взлететь, когда в самолёт поднялся агент таможенной службы и попросил Хуанга выйти с ним. Хуанга провели в отель, где его поджидала бригада агентов ФБР. Хуанг мало что им рассказал, но согласился встретиться с ними снова во время его следующей поездки в Соединённые Штаты. Он встретился с агентами в Нью-Йорке в мае и ещё раз в августе, но отказался рассказывать больше о своих отношениях с Минем. Тогда Служба иммиграции и натурализации запретила ему въезжать в Америку.

ФБР, однако, чувствовало, что собрало достаточно улик против Миня для судебного процесса. Гарри Джей. Годфри, шеф Кливленда, инспектирующий расследование «Ловушки для тигра», несколько раз нажимал на Джона Л. Мартина, начальника отдела внутренней безопасности Министерства юстиции, чтобы продвинуть дело. Мартин отказался.

Если шпион не пойман на месте преступления, ФБР не может осуществлять аресты в чувствительных делах национальной безопасности без одобрения Министерства юстиции. А это означало - без одобрения Мартина. Неизвестный вне закрытого мира разведки, Мартин был человеком, от которого зависело, попадут ли шпионские дела на первые полосы газет и в вечерние выпуски теленовостей или, возможно, никогда не станут достоянием общественности.

Без признания Миня, как возражал Мартин и Годфри и Кливленду, он не пойдёт к большому жюри. За долгую карьеру Мартина семьдесят шесть шпионов попали под суд, и все кроме одного были признаны виновными. Агенты контрразведки ФБР часто сердились из-за его осторожного подхода, жалуясь, что он, вероятно, больше заинтересован защитой своей репутации, чем ловлей шпионов. Решение Мартина заблокировало любой судебный иск против Миня, но оно не препятствовало тому, чтобы Бюро продолжило своё расследование.

В конце 1981 года китайские чиновники попросили Хэнсона

Хуанга рассказать им об его контактах с ФБР. Затем в начале 1982 года Хуанг исчез из своего гостиничного номера в Пекине. Год спустя он был признан виновным в шпионаже против Китая и приговорён к пятнадцати годам тюремного заключения. Именно тогда «Горничной» удалось посетить его.

* * *

Когда расследование «Ловушка для тигра» было приостановлено, но не закрыто, контрразведчики в штаб-квартире ФБР решили начать более широкое расследование того, продвигал ли Китай свою военную ядерную программу, выпытывая информацию у посещающих Китай американских учёных. Новому случаю, как ответвлению «Ловушки для тигра», дали кодовое название «Силок для тигра». (Редко используемое слово «силок» тоже означает ловушку в виде самозатягивающейся петли с защёлкой.)

Десятки учёных и высших должностных лиц в Вашингтоне были расспрошены в ходе расследования «Силка для тигра». Снова Билл Кливленд и его партнёр, Эл Хейман, проводили множество опросов. Они беседовали с представителями Госдепартамента, послами в Китае, и, по крайней мере, с двумя советника по национальной безопасности Белого дома, Збигневом Бжезинским, руководителем Совета национальной безопасности президента Джимми Картера, и Робертом Макфарлейном, который занимал этот пост при президенте Рональде Рейгане.

ФБР хотело узнать от Бжезинского и Макфарлейна, были ли американские учёные или чиновники уполномочены делиться тайнами ядерного оружия с Китаем. Оба сказали, что такого разрешения не было. Кливленд и сотрудники штаба ФБР хотели убедиться, что не существовало какой-либо сверхсекретной или молчаливой политики на высоком уровне, разрешавшей делиться научной информацией с Пекином. В противном случае, если бы Минь Гобау или другие учёные попали бы под суд за разглашение тайны, у них была бы готовая защита.

ФБР видело ещё одно достоинство в «Силке для тигра». Забрасывая широкую сеть, Бюро тем самым показывало, что

агенты контрразведки опрашивают в ходе своего расследования много разных людей, а не исключительно этнических китайцев.

Одним из тех, кого ФБР тщательно опрашивало, был Джордж А. Кейуорт, ведущий учёный в Лос-Аламосе, который позже служил советником по науке президента Рейгана с 1981 по 1985 год. В ходе своей поездки в Китай в 1980 году Кейуорт встречался в университете с китайскими учёными. Долгие годы после этого в мире разведки ходили сплетни, что он якобы тогда выдал китайцам засекреченную информацию о нейтронной бомбе.

В интервью с автором Кейуорт сказал, что этого никогда не было.

- Кто-то задал мне вопрос о дейтерии и тритии. Вопрос, как он сказал, касался экспериментов в области лазерного термоядерного синтеза и нейтронной бомбы, которая выделяет больше радиации, чем обычное ядерное оружие.

В этом нет никакой загадки, сказал Кейуорт китайским учёным. Изотопы были настолько нестабильны, что даже простой толчок зажжёт их.

- Я сказал, любой, кто несколько лет изучал физику, знает, что это самый простой способ достигнуть синтеза. Поместите их в мяч и бросьте его на пол, и синтез произойдёт.

Некоторые чиновники полагали, что физик из Лос-Аламоса преступил черту, но они едва ли имели возможность уволить его или преследовать по суду за предполагаемое нарушение.

- Были серьёзные основания, чтобы ничего не предпринимать по отношению к Кейуорту, - вспоминал Кен Шиффер, бывший агент контрразведки ФБР. - Он ведь не совершал поездку в вакууме. Это было неофициально, ему не давали заданий. Но его предупредили об определённых пробелах в американской разведке, о новом оборудовании, которое Китай использовал в своей военной ядерной программе, и если бы ему удалось что-нибудь узнать об этом, то это было бы полезно.

Перед поездкой Кейуорта сотрудники ЦРУ рассказали ему о том, на что следует обратить внимание в Китае. Роберт Врумэн, человек ЦРУ в Лос-Аламосе, а позднее руководитель контрразведки в лаборатории, был его основным контактом.

- Я встречался и с другими людьми Управления, но главным образом с Бобом, - рассказывал Кейуорт. - Они хотели знать о лаборатории около Чэнду. Мы думали, что там занимались созданием ядерного оружия. Я смог подтвердить это.

В блее широком смысле спецслужбы хотели узнать о состоянии военной ядерной программы Китая. Как ни странно, Кейуорта постигли неприятности, когда в ЦРУ во время опроса после поездки, он вспомнил, что он сказал китайским учёным о помещении изотопов в мяч, как пример того, как ловко он обращался с их вопросами.

- Во время моего опроса из этого момента раздули целую проблему, а я пытался объяснить, как было возможно обойти их вопрос, дав лишь основной, общий ответ. К удовлетворению ФБР Кейуорт объяснил всё на протяжении нескольких интервью в Бюро во время расследования «Силка для тигра».

Китайцы пригласили Кейуорта вернуться в следующем году, чтобы посетить их испытательный полигон ядерного оружия. Но в 1981 году Рейган назначил его советником по науке Белого дома, и на этом чувствительном посту Кейуорту дали понять, что ему придётся забыть о возможности новой поездки в Китай.

* * *

3 декабря 1982 года, спустя почти два года после того, как Минь Гобау был вынужден уйти из Ливермора, в его доме в Дэнвилле, штат Калифорния, зазвонил телефон. ФБР продолжало подслушивать телефон Миня и услышало, что звонивший представился и сказал, что он был конструктором ядерного оружия в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико.

Согласно результатам теста на полиграфе, которому позже подвергли звонившего, он узнал, что у Миня «были проблемы с некоторыми людьми в Китае», он знал, что Минь был с Тайваня, и звонил просто «из любопытства». Он предложил узнать, кто «настучал» на Гобау Миня.

Звонившего звали Вэнь Хо Ли. Учёный из Лос-Аламоса всплыл в деле «Ловушки для тигра» за семнадцать лет до того, как он сам оказался знаменитым подозреваемым в шпионаже, уже в другом, несвязанном с «Ловушкой для тигра», расследовании ФБР.

Вэнь Хо Ли утверждал, что узнал о проблемах Миня из статьи в американской газете, выходившей на китайском языке. Но звонил он Миню не только из простого любопытства. И Ли, и Минь родились на Тайване, и Ли был в контакте с учёными-ядерщиками на Тайване в течение нескольких лет и делал для них консультационную работу. Генеральный прокурор Джанет Рино свидетельствовала на закрытых слушаниях в Сенате в 1999 году, что Вэнь Хо Ли говорил ФБР, «что он связывался [с Минем], потому что Ли думал, что [Минь] попал в беду из-за того же, что сам Ли делал для Тайваня».*

*Имя Миня было удалено Джанет Рино из доклада Сенату, и для ясности было в вышеприведённой цитате вставлено в скобках.

Согласно совершенно секретному подробному аналитическому отчёту о деле Вэня Хо Ли, подготовленному в 2000 году группой Министерства юстиции, ФБР тревожилось, что «Ли мог действовать по поручению разведывательной службы Тайваня». Билл Кливленд был вызван в Альбукерке, чтобы кратко проинструктировать местное подразделение ФБР о «Ловушке для тигра»

В то же самое время, после телефонного звонка Ли Миню в 1982 году, ФБР начало полное контрразведывательное исследование Вэня Хо Ли. Офис в Альбукерке попросил, чтобы Отдел изучения поведения ФБР (FBI Behavioral Sciences Unit, ещё называют Отделом бихевиористики ФБР) подготовил профиль его личности, чтобы установить, мог ли Ли быть «вовлечён в тайную разведывательную деятельность».

Не зная, что его звонок подслушали, Ли лгал ФБР и, хотя его спрашивали несколько раз, отвечал, что он «никогда не пытался связаться» с Минем. Ли, как следовало из выводов аналитической группы, «давал правдивые ответы только когда сталкивался с неопровержимыми доказательствами (т. е. зная, что ФБР известно об его телефонном звонке)... или когда подвергался проверке на детекторе лжи».

Затем события приняли удивительный оборот. Хотя Ли был в активной разработке как подозреваемый в шпионаже, в декабре 1983 года ФБР попросило его приехать в Сан-Франциско и помочь Бюро в расследовании «Ловушки для тигра». Ли получил инструкции прийти в дом Миня и попытаться побудить его рассказать, какие же тайны он передал китайцам. Прежде чем уехать, Ли, по приказанию ФБР, четыре раза позвонил Миню, а агенты Бюро подслушивали.

Когда Вэнь Хо Ли объявился в доме Миня, бывший инженер Ливерморской лаборатории ему категорически отказал. Он, правда, не захлопнул дверь прямо перед носом Ли, а потратил на беседу с ним около получаса. Но Ли не преуспел в осуществлении миссии, порученной им ФБР.

Аналитическая группа Министерства юстиции, однако, встревожилась, обнаружив, что ФБР заручилось помощью Ли «в установлении непосредственного контакта с объектом расследования случая шпионажа».

В начале 1984 года Ли прошёл проверку на детекторе лжи, во время которой его спросили о телефонном звонке Миню. В ходе проверки он отрицал, что работает на какую-либо иностранную спецслужбу. Хотя Ли лгал, отрицая свой телефонный звонок Миню, пока ему не представили аудиозапись этого разговора, 12 марта ФБР закрыло своё расследование дела Вэня Хо Ли.

* * *

Когда Гобау Минь вынужден был уйти из Ливермора, а издание научного журнала Чиень Нин переместилось в Пекин, Чиень уехала из Сан-Франциско и со своим мужем перебралась в

Пасадену. Она стала американской гражданкой, преподавала сейсмологию в Университете Южной Калифорнии, а также участвовала во многих деловых предприятиях.

Федерико Си. Сэйр, знаменитый своей активностью адвокат в Санта-Ане - он когда-то представлял интересы Сезара Чавеса, харизматического лидера Объединённого союза сельскохозяйственных рабочих - был знаком с Чиень и надеялся через её дружбу стать посредником между китайским правительством и американскими инвесторами, надеющимися заниматься коммерцией в Китае.

- Мы заинтересовались строительством гостиниц и ресторанов, - говорил Сэйр.

В 1984 году Чиень устроила для Сэйра и его юридического партнёра Джея Д. Гоулда поездку в Китай и чтение лекций на юридическом факультете Пекинского университета.

- Она была каким-то очень таинственным человеком, - вспоминал Сэйр. - Я видел, что самолёты ждут её. Она, казалось, обладала слишком большой властью как для человека, не занимавшего правительственных постов. Она говорила, что она не была в правительстве. Она хорошо говорила на английском языке, очень свободно высказывала критику коммунизма и коммунистического правительства, хотя и не тогда, когда они [китайские чиновники] были в пределах слышимости.

Три года спустя Чиень была вовлечена в закупку старых танкеров и грузовых судов для экспорта в Китай, где китайцы превращали их в металлолом и отправляли на переплавку. Её партнёром в том предприятии был Юджин Аллен из компании «Пасифик Линк Интернейшнл», торговой и брокерской фирмы в Лос-Анджелесе.

Чиень подтвердила, что в бизнесе по приобретению судов она представляла интересы китайского правительства.

- Китайское Министерство материалов попросило моей помощи в приобретении металлолома, - говорила она.

ФБР тем временем всё ещё шло по следу Хэнсона Хуанга, надеясь, что гарвардский адвокат всё же мог бы помочь Бюро подобраться к Миню. Хуанга выпустили из китайской тюрьмы в 1985 году после двух лет заключения, но он оставался под домашним арестом какое-то время и не мог выезжать из Китая на протяжении ещё семи лет.

В течение 1980-х Катрина Люн часто ездила в Сан-Франциско для работы с Биллом Кливлендом по расследованию «Ловушки для тигра». Кливленд рассчитывал на помощь Люн из-за её дружбы с Хэнсоном Хуангом. И именно во время её пребывания в Северной Калифорнии между Кливлендом и «Горничной» начался их роман. «По словам Кливленда, инициатива в завязывании отношений исходила от Люн» - так было написано в аналитическом отчёте Министерства юстиции. Любовная связь продолжалось с 1988 до 1993 год, и была возобновлена в 1997 году и в 1999 году, после того, как Кливленд покинул ФБР.

Минь сдал свой американский паспорт, когда ФБР провело его прямые допросы. Чиень Нин говорила, что она пыталась помочь ему восстановить его паспорт. Он вернул его в 1984 году и принялся часто ездить в Китай, совершив восемь поездок за два года. Он также основал импортно-экспортную фирму «Гранд Монд Трейдинг» и консалтинговую фирму «Миньс Консалтинг Ассоусиэйтс».

Как известно, агенты контрразведки очень терпеливые люди. В 1992 году, спустя тринадцать лет после того, как Кливленд начал расследование дела «Ловушка для тигра», Хэнсон Хуанг вернулся в родной Гонконг, что дало ФБР новый шанс связаться с ним.

Хуанг хотел получить разрешение снова поехать в Соединённые Штаты, но боялся, что в этом случае его могли бы арестовать. Он сказал, что он мог бы встретиться с агентами ФБР в Лондоне, чтобы обговорить сделку, которая обеспечила бы ему иммунитет от судебного преследования в США. Кливленд и Джей-Джей Смит вылетели в Лондон в феврале вместе с адвокатом из Министерства юстиции и одним учёным из Ливермора.

Хуанг попросил гарантий неприкосновенности не только для себя, но и для Миня и всех остальных, связанных с делом. Агенты ФБР не соглашались на сделку, пока Хуанг действительно не раскроет всё и не даст точных и полных показаний о том, что же случилось во время поездки Миня в Пекин в 1979 году и на его последующих встречах с Хуангом в Калифорнии. Хуанг действительно говорил о тех событиях, но рассказал, по сути, мало нового.

Группа встречалась с Хуангом в течение трёх дней. В конце концов, ему сказали, что не будет никаких гарантий неприкосновенности для него или кого-либо ещё, проходящего по этому делу.

«Ловушка для тигра» подошла к своему концу. Лондонская встреча была последней надеждой ФБР. Но зато ФБР могло быть спокойным, по крайней мере, зная, что Минь больше не мог передавать Китаю секреты ядерного оружия.

До сих пор полная история этого необычного шпионского случая была окутана тайной. Ключевые роли Хэнсона Хуанга и Чиень Нин ранее никогда не раскрывались. И дело под названием «Ловушка для тигра» остаётся засекреченным в правительственных архивах разведки.

Даже сегодня справочная информация на Гобау Миня в правительственных документах опущена, закрашена чёрной краской, или скрыта. Но осторожное чтение между строк раскрывает историю. Документ ФБР, подшитый в досье дела «Горничной» например, нигде не упоминает Билла Кливленд, «Ловушку для тигра», или его причину:

«SSA [старший специальный агент] ФБР в Сан-Франциско был агентом, ведущим расследование ФБР с кодовым названием, которое касалось... субъекта, который получал совершенно секретную информацию относительно технологии ядерного оружия Соединённых Штатов. Этот субъект передавал информацию КНР».

Если перевести эти строки с зашифрованного языка Бюро, то

его значение становится понятным. Билл Кливленд был агентом ФБР в Сан-Франциско, который вед расследование, кодовым названием коего было «Ловушка для тигра», а Гобау Минь был «субъектом», который, по мнению ФБР, передавал Китаю совершенно секретную информацию относительно ядерного оружия.

Но пресный язык официальной справки ФБР замаскировал самую удивительную и тревожную тайну расследования, названного «Ловушкой для тигра».

Глава 7. Верхом на тигре: Китай и нейтронная бомба

Конгрессмен Кристофер Кокс, консервативный республиканец, избранный от округа Ориндж, проработал в Палате представителей в течение семнадцати лет до 2005 года, когда Президент Джордж У. Буш-младший назначил его председателем Комиссии по ценным бумагам и биржам. Хотя он провёл многие реформы в Комиссии, направленные на внутреннюю торговлю, и ввёл, к примеру, датировку задним числом опционов на акции, ему не повезло с тем, что как раз на время его председательствования пришлись кризис на Уолл-Стрит и рецессия 2008 года. Даже Джон Маккейн, республиканский кандидат в президенты, настаивал на его отставке.

В мире разведки, однако, Кокс был известен не своей противоречивой ролью в Комиссии по ценным бумагам и биржам, а благодаря докладу, документировавшему ведение Китаем шпионской деятельности против Соединённых Штатов. Кокс был председателем двухпартийного Специального комитета Палаты представителей по вопросам национальной безопасности США и военным и коммерческим проблемам в отношениях с Китайской Народной Республикой. Труднопроизносимое название доклада было таким длинным, что неофициально все называли его просто «Доклад Кокса». Комитет выпустил рассекреченную версию этого доклада объёмом в девятьсот страниц 25 мая 1999 года.

Центральным выводом Доклада Кокса было то, что Китай «украл секретную информацию о конструкции самого передового термоядерного оружия Соединённых Штатов», что дало КНР возможность создать и испытать стратегические ядерные ракеты «быстрее, чем это было бы возможно в противном случае». Доклад также предупреждал, что Китай проник в лаборатории, создающие ядерное оружие Америки.

Доклад Кокса вызвал гром и молнии. Критики утверждали, что его выводы были преувеличены, что доклад был политической атакой на Белый дом Клинтона, и что Китай, возможно, развивал своё ядерное оружие самостоятельно, не используя информацию, полученную им из Соединённых Штатов. Несмотря на его недостатки, Доклад Кокса помог предупредить общественность об опасности того, что Китай на самом деле активно занимается шпионажем против Соединённых Штатов, и что лаборатории Лос-Аламос и Ливермор были его главными мишенями, причём с удивительно слабой системой безопасности.

В ходе дебатов по Докладу Кокса очень многие неправильно оценили тот факт, что, в своей сути, результаты работы комитета затрагивали два отдельных вопроса. Все нации ведут разведку, и, несомненно, как свидетельствует множество примеров, китайцы тоже шпионят в США и получают секретную информацию с помощью разведки, наряду с другими методами. Но в состоянии ли Китай использовать информацию, полученную шпионами, чтобы ускорить свою собственную программу создания ядерного оружия, это менее доказуемо. Но это два разных вопроса.

Один из наиболее интригующих разделов Доклада Кокса называется «Расследование похищения информации о конструкции нейтронной бомбы».

Нейтронная бомба, технически известная как усовершенствованное радиационное оружие, или ERW, является термоядерным оружием, сконструированным, чтобы произвести намного большее количество смертельной радиации, чем обычная водородная бомба. Боеголовка выпускает интенсивные волны быстрых нейтронов и гамма-

излучения, с минимальным эффектом взрывной волны. В понимании широкой публики нейтронная бомба представляется оружием, которое уничтожает людей, но оставляет неповреждёнными здания.

Хотя такое описание в определённой мере правильно, оно очень преувеличено. Даже нейтронная бомба мощностью в одну килотонну в тротиловом эквиваленте привела бы к значительному разрушению строений, хотя и меньшему, чем обычный ядерный взрыв. Мощность атомной бомбы, взорванной над Хиросимой в конце Второй мировой войны, составляла пятнадцать килотонн. Она уничтожила приблизительно 140 000 человек и разрушила большую часть города.

Поскольку нейтроны и гамма-излучение могут проникать через броню, ERW было сконструировано, прежде всего, как тактическое оружие поля боя против танков и пехоты. За годы китайско-советского раскола, периода напряжённых политических отношений между Китаем и СССР, который продлился более двух десятилетий, начиная с конца 1950-х, Китай стремился создать нейтронную бомбу, чтобы отбить возможное наземное наступление советских танковых войск. Точно так же во время Холодной войны Соединённые Штаты рассматривали нейтронную бомбу как способ остановить вторжение Советской армии в Западную Европу и при этом оставить города неповреждёнными.

Основной нейтронный заряд, сконструированный Соединёнными Штатами, был спроектирован для боеголовки W-70, созданной в Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора для армейской тактической ракеты «Ланс» ближнего радиуса действия. Президент Кеннеди первоначально отказался от создания нейтронной бомбы, но одобрил её производство после того, как Советский Союз нарушил добровольный мораторий на ядерные испытания в атмосфере в 1961 году. Президент Картер отложил производство нейтронной бомбы в 1978 году после массовых протестов в Европе против американских планов разместить там это оружие.

Президент Рональд Рейган приказал возобновить производство

бомбы, что и произошло в 1981 году. Боеголовки W-70 так никогда и не были развёрнуты, а президент Джордж Буш-старший снял их с вооружения в 1992 году, после окончания Холодной войны. Последняя боеголовка W-70 была демонтирована четыре года спустя.

В 1999 году, однако, Доклад Кокса заставил программы новостей вспомнить о нейтронной бомбе. «В конце 1970-х», утверждалось в Докладе, «КНР украла информацию о конструкции американской боеголовки W-70 из лаборатории Лоуренса Ливермора. Американское правительство впервые узнало об этой краже спустя несколько месяцев после того, как она произошла».

Согласно Докладу, «ФБР разрабатывало подозреваемого в... краже. Подозреваемый работал в Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора и имел доступ к секретной информации, включая конструкции многих типов американского термоядерного оружия, находящегося в то время на складах вооружения США».

«Помимо информации о конструкции W-70, этот подозреваемый, возможно, передавал КНР дополнительные секретные данные о программе ядерного вооружения».

«Администрация Клинтона решила, что дальнейшая информация об этой краже не может быть публично раскрыта».

Не идентифицируя Гобау Миня по имени, Доклад Кокса описывал дело «Ловушки для тигра». То, как Китай, возможно, приобрёл детали конструкции нейтронной бомбы, было важнейшим пугающим секретом, скрытым в правительственных досье расследования «Ловушки для тигра», тайной, которая «не может быть публично раскрыта».

Доклад Кокса не давал подробностей, из которых можно было бы сделать утвердительный вывод, что данные о конструкции нейтронной бомбы были украдены из Ливермора. Но среди пяти вопросов в письме к Гобау Миню от Хэнсона Хуанга и скопированных на учётных карточках Миня, которые находились в его сумке в международном аэропорту Сан-

Франциско, был один вопрос, который, на первый взгляд, казался общим вопросом по физике. Но при дальнейшем анализе правительственные учёные сделали вывод, что этот вопрос мог касаться только нейтронной бомбы, к которой у Миня был доступ в Ливерморской лаборатории.

Так как Минь не признался в передаче секретов ядерного оружия Китаю, Министерство юстиции отвергло повторные запросы ФБР об его аресте. Но на Комитет Кокса не распространялись те же формальные ограничения, которыми вынуждены были руководствоваться правоохранительные органы. Таким образом, Комитет был в состоянии сделать шаг вперёд и утверждать, что Китай «украл информацию о конструкции» нейтронной бомбы из Ливермора.

ФБР и учёные Ливермора боялись, что Минь, возможно, дал Китаю больше, чем информацию о нейтронной бомбе. Другой из этих пяти вопросов, когда их позже проанализировали правительственные физики, похоже, касался критически важной тайны, дававшей возможность Соединённым Штатам создать маленькую, миниатюризированную водородную бомбу с использованием двухточечной детонации атомной бомбы, которая служила спусковым механизмом. Идея состояла в том, чтобы взрывать атомную бомбу только в двух точках вместо того, чтобы полностью окружать её взрывчатыми веществами, и это было ключом к прорыву американских учёных в создании значительно меньшей и более лёгкой ядерной боеголовки.

Минь, казалось, утверждал во время своего телефонного звонка, подслушанного ФБР, что его ответы на поставленные вопросы не достигли Пекина. Он уверял, что курьер или посредник, которому он отдал «информацию», заблудился и не смог найти адрес для её передачи в Гонконге.

Была эта история правдива или нет, но у Миня были и другие контакты с китайцами. По тому, как были написаны эти пять вопросов, было ясно, что они по своей сути являлись дополнительными уточняющими вопросами к данным, Минь уже обсуждал в Китае. Минь предоставил дополнительную информацию на второй из двух встреч в Сан-Франциско с Хэнсоном Хуангом, который потом вылетел в Вашингтон и в

китайском посольстве написал отчёт о встречах, позднее отосланный пекинским чиновникам дипломатической почтой.

В 1988 году Китай испытал нейтронную бомбу, согласно Докладу Кокса. Китай, однако, в то время об этом официально не заявил. Десятилетием спустя, в 1999 году, Китай подтвердил, что он успешно создал нейтронную бомбу. Это сообщение было сделано в форме 36-страничного раздражённого опровержения, последовавшего как реакция на Доклад Кокса.

Опровержение было распространено на пресс-конференции в Пекине, на которой Чжао Цичэнь, высокопоставленный правительственный чиновник, разгромил Доклад Кокса как лживый и расистский. Доклад Кокса, сказал Чжао, подразумевает, что «китайцы не могут быть такими же умными, как американцы, и поэтому они, должно быть, украли технологию».

Китайский ответ под длинным названием «Факты говорят громче слов, и ложь разрушится сама» нападал на Доклад Кокса как на «вымысел», полный «безосновательных обвинений», являющихся «совершенно абсурдными», и «порочной клеветы», «вызвавшей сильное негодование китайского народа».

Опровержение лишь кратко упомянуло нейтронную бомбу. «Нейтронная бомба представляется весьма таинственной обычным людям. Но фактически это специальный вид водородной бомбы. Так как Китай уже обладал технологиями атомной бомбы и водородной бомбы, представляется весьма логичным и естественным, что он смог овладеть технологией и нейтронной бомбы с помощью своих сил».

Документ не раскрывал, испытывал ли Китай нейтронную бомбу, когда создал это оружие, а также производил и развёртывал ли он его. Но он утверждал, что Китай преодолел технические проблемы при создании своего ядерного оружия и при разработке «технологии нейтронной бомбы», полагаясь на свои собственные силы, на большое количество талантливых учёных, полных творческого духа».

Чтобы подчеркнуть, что у Китая была нейтронная бомба, китайское агентство новостей «Синьхуа» распространило в тот же день сообщение под заголовком «Китай овладел технологией нейтронной бомбы». В нём говорилось, что Пекин начал работу над бомбой в 1970-х. «Китай уже овладел технологией создания нейтронной бомбы», заявляла статья.

Доклад Кокса утверждал, что в 1996 году американское разведывательное сообщество узнало, что Китай «успешно украл» больше секретной информации о нейтронной бомбе из американской лаборатории ядерного оружия. В нём не раскрывались никакие дальнейшие детали о втором предполагаемом похищении секретов или о том, был ли источник утечки раскрыт ФБР. Но было проведено совершенно секретное расследование, очевидно, под кодовым названием «Тихий хор» («Silent Chorus») этой второй кражи, о которой сообщал Доклад.

Одно опубликованное сообщение, процитированное Службой исследований Конгресса, ссылалось на неназванных американских официальных лиц, которые предполагали, что Китай, возможно, пытался найти больше американской информации о нейтронной бомбе, потому что испытание китайской бомбы в 1988 году было неудачным.

В январе 1999 года засекреченная версия Доклада Кокса была распространена среди Белого дома и правительственных чиновников, и администрация Клинтона знала, что ей необходимо отреагировать, когда Доклад станет достоянием общественности. В феврале Джордж Тенёт, тогдашний директор ЦРУ, назначил Роберта Д. Уолпола, высокопоставленного сотрудника Управления и бывшего чиновника Госдепартамента, начальником межведомственной целевой рабочей группы для проведения оценки ущерба от похищения китайцами американских ядерных секретов.

Несмотря на шум вокруг Доклада Кокса, в конце концов, группа по оценке ущерба согласилась со многими основными выводами Доклада:

Китай путём шпионажа получил секретную информацию о ядерном вооружении США, что, вероятно, способствовало ускорению его программы создания будущего ядерного оружия.

Китай также получил информацию о большом количестве конструктивных концепций американского оружия и об особенностях разработки и создания вооружений, включая нейтронную бомбу.

Как и Доклад Кокса, оценка ущерба - или, по крайней мере, её опубликованная версия - никогда не упоминала по имени расследование, на которое она опиралась, расследование, начавшееся двумя десятилетиями ранее, под кодовым названием «Ловушка для тигра».

Глава 8. Инициативник

В начале 1995 года произошёл случай, который потряс американские спецслужбы и на многие годы стал причиной споров в их закрытом и секретном мире.

В резидентуре ЦРУ в Юго-Восточной Азии появился китаец средних лет с большой стопкой документов. Среди них была настоящая бомба, китайский правительственный меморандум с грифом «секретно», где описывалась, с пугающими и подробными деталями, миниатюризированная термоядерная боеголовка W-88, которая устанавливается на баллистических ракетах «Трайдент», запускаемых с американских подводных лодок. W-88 - это святая святых, самое передовое оружие в национальном арсенале США.

Человек, который принёс документы, был классическим инициативником, как в разведывательном деле обозначают того, кто сам появляется и добровольно предлагает информацию. В этом случае инициативник принёс документ, который раскрывал засекреченные данные самого секретного ядерного оружия Америки. Эффект был точно таким же, как если бы он пришёл с настоящей бомбой в портфеле.

Инициативник, чьё настоящее имя никогда не раскрывалась американской разведкой, был осторожен. Во время первого контакта он не принёс документы. Но он сказал ЦРУ, что у него есть то, что он описал как вещевой мешок, полный китайских секретных бумаг, которые он хотел бы продать. На следующий раз он принёс бумаги с собой. Он сказал, что получил их из Китая, отправив их оттуда через границу самому себе курьерской почтой DHL.

Инициативник тогда рассказал офицерам ЦРУ, которые долго его допрашивали, такую удивительную историю, что она на первый взгляд могла показаться неправдоподобной. Он сказал, что работал в военной ядерной программе Китая и имел доступ к книгохранилищу библиотеки, где хранились важные секретные документы. Библиотека эта была в правительственном институте.

Китаец сообщил, что пробрался в книгохранилище ночью, обыскал полки, собрал документы, и засунул их в вещевой мешок. Но следующей проблемой было вытащить вещевой мешок из здания и не попасться на глаза охране. Ему в голову пришло необычное решение. Он сбросил вещевой мешок на землю из окна на втором этаже.

Но мешок разорвался, и бумаги разлетелись по земле. У человека уже отказывали нервы, и он, боясь, что его обнаружат, скрылся в книгохранилище и ждал возможности уйти незамеченным. Однажды он услышал приближение шагов, но его не заметили, и, в конечном счёте, шаги удалились.

Успокоившись, он зажёг сигарету. Это было плохой идеей. Кто-то вошёл в комнату и увидел поднимающийся дымок. Его поймали. Он хладнокровно объяснил, что работал допоздна, заснул в библиотеке, а затем, проснувшись, захотел закурить. Но теперь он уже уходит.

Как вспоминал инициативник, после этого он сбежал вниз по лестнице, вышел из здания, и нашёл документы, разлетевшиеся из порвавшегося мешка. Он снова собрал их и запихнул назад в мешок.

Его историю, возможно, отклонили бы как невероятную, но факт был в том, что один из предоставленных им документов точно описывал данные боеголовки W-88. Этот безоговорочный факт, который никак нельзя было проигнорировать, свидетельствовал, что Китай, так или иначе, получил совершенно секретные данные о самой сложной ядерной боеголовке Америки.

Документы были доставлены в штаб ЦРУ в Лэнгли, Вирджиния, где группы переводчиков начали детально изучать находку. Документов для перевода было так много, что ЦРУ пришлось нанять специалистов со стороны, потому что его собственный штат не справлялся.

Работы длились в течение многих лет. Как только документы были переведены, началось их просеивание и анализ массы данных.

Первоначально ЦРУ не делилось своим «уловом» с ФБР и другими американскими спецслужбами, объясняя, что вначале Управление должно было перевести и изучить материал. Только несколько месяцев спустя, осенью 1995 года документ W-88 был передан Министерству энергетики, и была создана межведомственная группа для оценки документов, включающая представителей ФБР, Министерства энергетики и учёных из национальных лабораторий, создающих вооружение, оружия.

ЦРУ, как показалось на первый взгляд, напало на «золотую жилу». Операторы разведки всегда надеются сохранить инициативника как «агента на месте», чтобы он или она могли продолжить предоставлять информацию. Шпион, который становится перебежчиком и теряет доступ к большему количеству тайн, ценится намного меньше.

Согласно правилам ЦРУ, потенциальный агент не может быть завербован в роли полноценного агента, пока его не проверят. Резидентура ЦРУ, которая предлагает вербовку, должна поэтому получить временные оперативные полномочия из штаба в Лэнгли. Прошлое инициативника проверили и определили, что у него прежде не было никаких контактов с

ЦРУ, равно как и каких-либо известных американцам связей с китайским МГБ или военной разведкой НОАК.

Чиновники штаба ЦРУ тогда дали временное оперативное разрешение на внесение инициативника в список информаторов, чтобы сохранить его на работе как источник Управления. С таким временным статусом он был на один шаг от того, чтобы быть официально завербованным.

Инициативника подвергли подробному допросу о том, как он получил документы. Он утверждал, что у него был доступ к библиотеке, содержащей документы, потому что он работал в китайской программе создания ядерного оружия, и он придерживался своей истории, как собрал документы в вещевой мешок и выбросил его из окна. Он также сказал, что его официальный статус позволял ему путешествовать. Хотя он хотел получить деньги взамен на документы, в то же самое время он утверждал, что его мотивы носили идеологический характер.

Инициативник не только предоставил документ ключевого значения с удивительными и строго засекреченными подробностями о W-88, он также передал данные, описывающие пять других термоядерных боеголовок, спроектированных для баллистических ракет в американском арсенале.

Эти пять других боеголовок были: W-78, для межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Минитмен III»; W-76, как и W-88, спроектированная для новейшей баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Трайдент»; W-87, спроектированная для МБР «Пискипер» (МХ); W-62 для МБР «Минитмен III»; и W-56, для МБР «Минитмен II». Первые две и W-88 были разработаны в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе в штате Нью-Мексико; другие были созданы в Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора. Все они были приняты на вооружение и развёрнуты.

В документах инициативника боеголовки были показаны на матрице или таблице. Слева в колонке были перечислены боеголовки сверху вниз, а над другими колонками сверху были

написаны названия параметров, например, мощность, размер и вес, наряду с чертежом с внешними габаритами. Данные в таблице, как определили учёные, были точны.

Аналитики ЦРУ сконцентрировались на документе W-88. Информация о внешних габаритах других боеголовок была вообще доступна из открытых источников. Но в случае с W-88, документ инициативника дал точные измерения компонентов в боеголовке, информацию, которая была секретной и хранилась в тайне.

<wised004.jpg>

Термоядерное оружие состоит из двух частей, ядра, или «ямы», известного как первичный пусковой заряд (инициатор или «триггер») - атомной бомбы, содержащей либо плутоний-239 либо высокообогащенный уран. Бомба, размером с грейпфрут, срабатывает от детонации обычных взрывчатых веществ, создавая имплозию и цепную реакцию. Она в свою очередь вызывает детонацию вторичного заряда, гораздо более мощной термоядерной бомбы. Её называют термоядерной, или водородной бомбой, потому что во время взрыва, термоядерный дейтерид лития сжимается и происходит реакция слияния двух изотопов водорода, дейтерия и трития, выделяя энергию, способную конкурировать с энергией солнца.

Пугало то, что китайский секретный документ, датированный 1988 годом, дал точный диаметр «триггера» W-88, 115 мм, или приблизительно четыре с половиной дюйма. Ещё важнее: документ раскрыл, что «триггеры» W-88 были «асферичными с двумя точками» - очень важная и, как полагали, тщательно охраняемая американская тайна - что означало, что первичный ядерный заряд больше напоминал грушу или мяч для американского футбола, чем грейпфрут, с двумя точками имплозии с каждого конца. Вместо того чтобы обкладывать слоем взрывчатки всю поверхность совершенно круглого заряда-«триггера», взрывчатку можно было размещать только в двух точках. И Пекин знал это.

И даже это было ещё не всё. Китайский документ точно указал радиус круглого вторичного заряда как 172 мм, или чуть

меньше семи дюймов, и это раскрывало, что, в отличие от других ядерных боеголовок, первичный заряд W-88 находился в сужающемся конусообразном корпусе боеголовки, перед вторичным, ещё одна тайна, которая, как предполагалось, строго охранялась.

Наконец, документ точно назвал полную длину боеголовки - 1522 мм, или 5 футов. Были и другие документы в пачке инициативника, сотни, которые касались других иностранных ракет и систем обороны, в том числе из России и Франции. Но именно на W-88 с самого начала сконцентрировалось внимание ЦРУ.

Боеголовка W-88 - это полезная нагрузка баллистической ракеты «Трайдент II» (D5), которой вооружены атомные подводные лодки класса «Огайо», обычно называемые просто подлодками «Трайдент», по имени размещённых на них ракет. Каждая подлодка «Трайдент» вооружена двадцатью четырьмя ракетами. Головные части ракет снаряжены разделяющимися боеголовками индивидуального наведения (Multiple Independently targetable Reentry Vehicles - MIRVs), что означает, что одна ракета несёт сразу несколько боеголовок W-88, и каждая боеголовка самостоятельно наводится на цель в пределах дальности полёта ракеты.

Важное преимущество боеголовки W-88 состоит в том, что она маленькая. Миниатюризированные ядерные заряды, в отличие от гигантских ранних версий, вполне помещаются в сравнительно небольшие боеголовки, и одна единственная ракета может нести сразу несколько их. Соединённые Штаты были в состоянии производить маленькие водородные бомбы к концу 1950-х и к началу 1960-х. Американская разведка пришла к выводу, что Китай не проводил испытаний своей первой миниатюрной ядерной боеголовки, аналогичной W-88, до сентября 1992 года.

Точное количество боеголовок, которые несёт каждая многозарядная ракета «Трайдент», является секретным, но, как полагают, их четыре. Зато целых восемь, возможно даже десять, разделяющихся боевых блоков индивидуального наведения, каждый с боеголовкой W-88, могли быть

установлены на ракетах «Трайдент II», обладающих дальностью полёта в 4600 миль.

Состоящая сейчас на вооружении ракета «Трайдент II» стоит 30,9 миллионов долларов каждая, её длина сорок четыре фута, а вес 130 000 фунтов. Ракета запускается под водой с помощью газа, который расширяется в трубе пусковой установки. Когда ракета достаточно удалилась от подлодки, стартует реактивный двигатель первой ступени, сопла управления «aerospike» телескопически выдвигаются, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, и начинает работать ступень ракетного ускорителя. Через две минуты включается двигатель третей ступени, и ракета на скорости 24 000 футов в секунду несётся к своей цели.

Причина, почему документ W-88, предоставленный инициативником, вызвал такую тревогу в американском разведывательном сообществе, была фундаментальной. Соединённые Штаты для сдерживания нападения противника полагаются на «ядерную триаду»: МБР наземного базирования, бомбардировщики ВВС, и атомные подлодки с ядерными ракетами. В отображённом в фильме «Доктор Стрейнджлав» безумии доктрины взаимного ядерного сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения (MAD), наземные ракеты могли бы быть разрушены врагом, ударившим первым, бомбардировщики можно сбить в полёте, но субмарины относительно неуязвимы. Флот хвастался, что подводные лодки «Трайдент» дают Соединённым Штатам «самую малоуязвимую и устойчивую способность нанесения ядерного удара». И вдруг теперь полезная нагрузка «Трайдента», боеголовка W-88, оказалась под угрозой.

Подводные лодки «Трайдент», известные под прозвищем «бумер», это огромные корабли 560 футов длиной с ядерной энергетической установкой, которые могут идти под водой со скоростью до двадцати пяти узлов. Их экипаж насчитывает 155 человек. Подводные лодки могут провести два с половиной месяца в море. Из восемнадцати подводных лодок класса «Огайо», четырнадцать несут ракеты «Трайдент II» и боеголовки W-88. На каждой субмарине установлены двадцать четыре ракеты, и мощность каждой боеголовки W-88, как

предполагается, составляет 475 килотонн в тротиловом эквиваленте.

В своей статье в официальном издании ВМС отставной капитан Эдвард Л. Бич, герой-подводник Второй мировой войны и автор военного романа-бестселлера 1955 года «Идти тихо, идти глубоко», так описывал огромную мощь подводных лодок «Трайдент»: «Единственный залп такой субмарины - всех 24 ракет, запущенных одновременно - может уничтожить любую нацию на Земле. Ни одна нация - включая и нашу - не может даже надеяться функционировать, или хотя бы продолжить своё существование, столкнувшись с таким залпом».

Для американских спецслужб и вооружённых сил получение Китаем деталей конструкции боеголовки W-88 означало, что где-то на линии произошла ужасная утечка. Но как, когда, и где было неизвестно. Инициативника рассматривали в качестве ключа; возможно, он мог бы распутать тайну и помочь оперативникам контрразведки проследить утечку назад к её источнику.

Но проблема вскоре расширилась. Прежде, чем инициативник смог подняться с временного состояния до статуса официально завербованного агента, он должен был пройти проверку на полиграфе. ЦРУ придаёт большое значение детектору лжи, даже зная о том, что результаты тестов на детекторе лжи, как печально известно, неточны. Олдрич Эймс, русский «крот» в ЦРУ, выдававший Москве тайны Управления и вызвавший этим смерть десяти агентов - русских, работавших на ЦРУ - прошёл проверку на полиграфе после консультации с КГБ. Ему посоветовали хорошо выспаться предшествующей ночью, прийти на проверку отдохнувшим и свежим, быть расслабленным, спокойным и готовым к сотрудничеству, и попытаться установить взаимопонимание с проверяющим. Это сработало.

Когда инициативник «дрожал» (волновался) - в ходе теста на полиграфе - ЦРУ сделало вывод, что он врал.

- Когда его спросили, 'Управляет ли вами другая разведывательная служба?' его ответ вышел за пределы

диаграммы, - рассказывал один офицер ЦРУ. - В конечном счёте, парень фактически допускал это.

ЦРУ решило, после детектора лжи и опросов, что инициативник был «подставой», подосланным агентом под управлением китайской разведки. Летом 1996 года, несмотря на удивительный документ W-88, ЦРУ распространило внутренний циркуляр среди своих сотрудников, предупреждающий, что часть китайского материала была дезинформацией, предоставленной источником, работающим в пользу Пекина. Инициативника не завербовали.

Кроме того, что инициативник не прошёл успешно тест на детекторе лжи, ЦРУ сделало вывод, что он был «подставой», потому что некоторые из документов содержали информацию, которая, казалось, была неверной.

- Сначала, - говорил один офицер ЦРУ, - он [инициативник] сказал, что он украл материал, потом Управление обнаружило, что там был поддельный материал, смешанный с настоящим, а это значило, что материал ему дала китайская разведка.

Были дополнительные причины для скепсиса, утверждал другой сотрудник разведки.

- Он хотел дать нам больше информации в Китае, во время празднования китайского Нового года, когда никого не бывает на улицах. Это походило на ловушку для ареста офицера [ЦРУ], если бы он попытался «очистить» тайник в Китае. Нам не нравилось, как всё это выглядело.

ФБР, однако, не согласилось с анализом ЦРУ.

- Была одна женщина в ЦРУ, которая всегда говорила «нет» любому источнику, - вспоминал один агент ФБР. - Она печально известна тем, что всегда говорила только «нет». У неё, наверное, была большая печать с надписью «Нет». Она сказала, что это провокация, что инициативник подослан.

Бюро провело отдельную проверку инициативника на детекторе лжи, и «китайские» специалисты ФБР решили, что он

был именно тем, за кого себя выдавал. К 1999 году, если не раньше, инициативник уехал из Китая и обосновался в Калифорнии. Позже он переехал в другой штат, где ФБР смогло его найти и опросить.

Для опроса инициативника ФБР послало специального агента Дага Грегори, которого бюро считало своим самым квалифицированным интервьюером, и Дейва Ламберта, агента контрразведки ФБР, расследовавшего прежде шпионские дела Олдрича Эймса и Роберта Ханссена. Они ушли от него полностью убеждённые, что и инициативник и его материал были правдивы.

ФБР, удостоверившись, таким образом, в правдивости инициативника, продолжало иметь с ним дело. Раскол между этими двумя агентствами, историческими конкурентами в мире американской разведки вызвал большой и громкий спор. По сей день обе стороны придерживаются своей позиции

ЦРУ, хоть и отвергло инициативника, смогло подтвердить правдивость датированного 1988 годом документа W-88. Был ли сам инициативник «подставой» или не был, но его информация относительно W-88 была точна.

Хотя документ инициативника ясно подтверждал, что Китай так или иначе узнал параметры W-88, китайцам и дальше нужно было копировать и получать техническую помощь для создания миниатюризированной боеголовки. По словам одного сотрудника разведки: - Если бы у китайцев была W-88, следующее, что они бы искали, это компьютерные программы, для обслуживания этих систем. Существует большая вероятность отказа, если вы не понимаете это оружие. Им понадобились бы компьютерные коды, которые моделируют, что происходит с боеголовкой со временем. Это постоянно следует проверять в течение долгого времени с использованием компьютерного моделирования. Удостоверяться, что оружие фактически работает.

Был ли Китай на самом деле в состоянии использовать данные, полученные его шпионами, чтобы построить миниатюризированную боеголовку и скопировать W-88? Это

стало одним из ключевых вопросов, с которыми столкнулось ЦРУ.

- Управление упорно боролось с этим в своём засекреченном аналитическом отчёте об оценке ущерба, - вспоминал один сотрудник разведки. - Более раннее исследование ЦРУ 1997 года согласилось лишь с тем, что независимо от того, что именно получили китайцы, они выиграли во времени, возможно, от двух до пятнадцати лет, и сэкономили свои ресурсы.

- Китайские подземные ядерные испытания достигли пика в 1994-1995 годах, когда испытывалось взрывное устройство, в некоторой степени подобное W-88. Вы не можете сказать это с полной уверенностью, но вы можете прикинуть мощность, аналитик может свести вместе кучу разных источников, сравнить с оценкой мощности по сейсмическим данным, так что все вместе они могут предположить, что именно тестировалось. Также вы собираете много данных СИГИНТ [разведки связи]. Они болтают, когда проводится испытание.

В мае 1999 года двухпартийный комитет Палаты представителей под председательством Кристофера Кокса издал свой вызвавший множество споров доклад о китайском шпионаже. Доклад Кокса не выражал сомнений, что Китай воспользовался преимуществами украденных секретов. «Китайская Народная Республика (КНР) похитила секретные данные обо всех самых современных термоядерных боеголовках Соединённых Штатов, и о нескольких предназначенных для них блоках индивидуального наведения», утверждал Доклад. «Эта кража - результат разведывательной программы сбора данных, охватывающей два десятилетия и продолжающейся по сей день». «Похищенные американские тайны помогли КНР изготовить и успешно проверить современное стратегическое термоядерное оружие. Похищенная информация включает секретные данные о семи американских термоядерных боеголовках, включая термоядерные боеголовки, которыми в настоящее время снаряжены американские межконтинентальные баллистические ракеты».

Доклад также делал вывод, что Китай был «способен к производству маленьких ядерных боеголовок, основанных на похищенной американской технологической информации, включая похищенную информацию о W-88».

Многие американские учёные не соглашались с выводами Доклада и утверждали, что Китай мог произвести маленькие ядерные боеголовки самостоятельно, не потрудившись копировать американские конструкции. Однако Доклад включал статистику, которая скорее поддерживала версию, что Китай действительно фактически получил преимущества от использования американской технологии, которую он, так или иначе, получил.

Доклад отмечал, что «КНР провела только 45 ядерных испытаний за более чем 30 лет с 1964 до 1996 год (когда КНР подписала Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний), чего было бы недостаточно для КНР, чтобы создать современные термоядерные боеголовки самостоятельно. Следует сравнить это с количеством испытаний, проведённых другими странами: приблизительно 1030 - Соединёнными Штатами, 715 - Советским Союзом, и 210 - Францией».

Оценка ущерба, сделанная разведывательным сообществом, не соглашаясь со всеми аспектами Доклада Кокса, поддержала многие из его главных выводов. «Ключевые результаты», несекретное резюме, выпущенное в апреле 1999 года, полагало, что Китай получал информацию об американском ядерном оружии «с помощью шпионажа», что «вероятно, ускорило его программу разработки перспективного ядерного вооружения», позволив китайцам избежать тупиковых решений в их научных исследованиях.

Резюме также считало, что «Китай получил, по крайней мере, базовую информацию о конструкции нескольких современных американских ядерных боеголовок независимого наведения, включая «Трайдент II» (W-88)». Китай, как следовало из документа, «также получил информацию относительно многих конструктивных концепций американского оружия и особенностей разработки и создания вооружения, включая сведения о нейтронной бомбе».

«Ключевые результаты» косвенно отразили споры, проходившие внутри межведомственной группы, о том, был ли Китай в состоянии использовать информацию, полученную его шпионами. Китайский шпионаж, как отмечалось в оценке, не привёл «к какой-либо видимой модернизации их развёрнутых стратегических сил или к развёртыванию какого-либо нового ядерного оружия». Наконец, резюме пришло к выводу, что Китай имел способность разработать разделяющиеся головные части с боеголовками индивидуального наведения, но так и не сделал этого.

Но оценка ущерба, по крайней мере, обнародованная её часть, уходила от другого загадочного вопроса. ФБР поддерживало своё заключение, что инициативник действительно был тем, за кого себя выдавал. Если ЦРУ было правым, полагая, что инициативник находился под контролем китайской разведки, почему тогда Китай позволил ему передать американцам документ W-88 и сотни других?

ЦРУ оказалось неспособно разгадать эту загадку, но внутри спецслужб ходило много разных версий. Одна идея состояла в том, что Китай, возможно, пытался напугать Вашингтон, демонстрируя, что он добрался до американских ядерных секретов. По этой версии инициативника послали, чтобы запутать или деморализовать американскую разведку, провоцируя её на игру «поймай шпиона». Другие полагали, что документ W-88 попал к остальным документам просто случайно, или чтобы замаскировать настоящую дату, когда информация была получена. Другая теория считала, что инициативник был частью операции, чтобы запугать Тайвань, который Пекин расценивает как часть Китая.

Были и другие теории, включая ту, что документ W-88 был специально задуман, чтобы подкрепить доверие к китайскому агенту, который его принёс, чтобы потом подготовить почву для крупномасштабного обмана американской разведки. Часто подосланный агент передаёт правдивую информацию, чтобы добиться доверия к себе, а затем начинает поставлять дезинформацию.

В конечном счёте, эксперты так и не смогли найти удовлетворительный ответ. Подослали ли инициативника или нет, и кроме дебатов об этом между ЦРУ и ФБР, на первом месте оставался центральный вопрос: как Китай получил информацию о боеголовке. Но один сотрудник отдела контрразведки в Министерстве энергетики был убеждён, что подробные сведения о конструкции W-88 прибыли из Лос-Аламоса, где это оружие было спроектировано.

Он пристреливался там к одному подозреваемому, учёному в лаборатории. Чиновник был уверен, что это он был шпионом.

Глава 9. «Родственный дух»: Вэнь Хо Ли

Нотра Трулок вырос близ Индианаполиса и был сыном пожарного, который позже стал оружейником, и матери, начавшей собственный бизнес - изготовление кукол. По его собственным словам, он был посредственным студентом в Университете Индианы.

Шла война во Вьетнаме; когда он получил высшее образование в 1970 году, его призвали в армию, а там направили в Военный институт иностранных языков в Монтерей, Калифорния, чтобы изучать русский язык. Армейское агентство безопасности послало Трулока в Германию, в Баварские Альпы, где он провёл восемнадцать месяцев, подслушивая советские радиопереговоры. Отслужив, он пошёл на службу в Агентство национальной безопасности в 1975 году, затем работал на мозговой центр в Денвере. В 1990 году он устроился на работу в Национальную лабораторию в Лос-Аламосе. Четыре года спустя его назначили директором Управления разведки в Министерстве энергетики в Вашингтоне.

Контрразведка в отделе была «немного больше чем пустяком», говорил Трулок. Хотя у него не было никакого опыта в контрразведке, Трулок был настроен сделать что-то с проблемами в Министерстве энергетики, особенно улучшить то, что он воспринимал как слабость системы безопасности в лабораториях ядерного оружия. Он плыл против течения; учёные верят в свободный обмен идеями и неизменно

возражают против ограничений безопасности, детекторов лжи, и мышления контрразведки. Была, и вероятно всегда будет, напряжённость между физиками, которые проектируют национальное ядерное оружие, и «полицейскими», которые отвечают за то, чтобы тайны не попали в чужие руки.

В 1992 году произошёл случай, который со временем привёл к длительной охоте на «крота» в Министерстве энергетики, которую возглавил Трулок. 25 сентября Китай провёл подземное испытание ядерного оружия. Американские аналитики пришли к выводу, что Пекину удалось взорвать миниатюризированную бомбу. В последующие несколько лет последовали другие китайские тесты. Весной 1995 года двое учёных в Лос-Аламосе, после анализа данных испытаний, сказали Трулоку, что Китай смог за такое короткое время создать маленькую боеголовку, вероятно, благодаря шпионажу.

В течение июля межведомственная рабочая группа под кодовым названием «Родственный дух» («Kindred Spirit»), включавшая экспертов из ядерных лабораторий, ЦРУ и РУМО, изучала вопрос, создал ли Китай миниатюризированную боеголовку сам или с помощью шпионажа. Осторожные заключения группы, однако, никогда не отправлялись в ФБР. В том же месяце ФБР открыло расследование под тем же самым кодовым названием, «Родственный дух», о возможной утечке ядерных секретов в Китай.

Месяц спустя ЦРУ поделилось с Министерством энергетики потрясающим документом с подробными данными боеголовки W-88, полученной от инициативника, утверждавшего, что работал в программе ядерного оружия Китая. До той поры, подозрения в китайском шпионаже были основаны на анализе ядерных испытаний Китая. Документ, предоставленный инициативником, резко всё это изменил. Теперь центр расследования сдвинулся к W-88. В сентябре Министерство энергетики начало формальное расследование того, как Китай получил секретные точные данные самого передового оружия Америки, боеголовки для ракет «Трайдент».

Трулок жадно схватился за версию, что китайские шпионы

проникли в американские лаборатории и украли ядерные секреты. Кто-то в Китае получил характеристики W-88. Трулок был убеждён, что шпион должен быть в Лос-Аламосе, где это оружие было разработано в 1984 году, хотя данные о боеголовке были широко распространены в пределах правительства.

С помощью агента ФБР, направленного в Лос-Аламос, Трулок составил и отослал в Бюро список из дюжины подозреваемых. Вэнь Хо Ли был в списке, наряду с его женой, Сильвией, которая также работала в Лос-Аламосе. Ли работал в Подразделении «Х», где разрабатывались ядерные бомбы, в самой секретной части лаборатории Лос-Аламоса, и у него были определённые знания о W-88.

Трулок, который, став чиновником, прекратил своё членство в Братстве своего колледжа и вообще расстался с ним, когда оно отказалось принять чернокожего студента, яростно отрицал, что Вэнь Хо Ли был выбран, потому что был китайцем.

- Мы подготовили список из приблизительно дюжины людей, - говорил он. - В списке были американцы как китайского, так и не китайского происхождения.*

*Согласно секретному отчёту Министерства юстиции по делу Вэня Хо Ли, в списке из двенадцати подозреваемых было шесть «этнических китайцев», включая двух Ли.

Но записка, написанная Дэном Бруно, руководителем контрразведывательных расследований в Министерстве энергетики, который докладывал Трулоку, настоятельно рекомендовала, чтобы американцы китайского происхождения, которые работали с W-88, стали объектом расследования.

«Решающий элемент этого расследования - идентификация персонала, который работал над различными аспектами конструкции», говорилось в записке. «Первоначальное рассмотрение должно будет идентифицировать тех американских граждан китайского происхождения, кто работал непосредственно над созданием конструкции или на второстепенных разработках, связанных с ней... Это -

логическая отправная точка, основанная на оценке разведывательного сообщества, что КНР нацеливается и использует в шпионской деятельности этнических китайцев, а не людей некитайского происхождения».

В том же направлении мыслил один куда более забавный документ из числа всплывших в деле Вэня Хо Ли, памятная записка в досье Министерства энергетики от 15 ноября 1995 года о совещании, посвящённом программе китайского ядерного вооружения. В ней было сказано, что Чарльз Кёртис, представитель министра энергетики, «отметил, что в Лос-Аламосе есть семь китайских ресторанов».

Вопрос о том, был ли Вэнь Хо Ли выбран, потому что был китайцем, исследовался в совершенно секретном обзоре Министерства юстиции, законченном в 2000 году Рэнди Беллоузом, федеральным обвинителем. Исчерпывающий обзор, который был чрезвычайно критичен по отношению и к Министерству энергетики, и к ФБР, не нашёл «никаких доказательств расовых предрассудков» со стороны Министерства энергетики или того, «что выбор Вэня Хо Ли был основан на подозрении в адрес американцев китайского происхождения при исключении любой другой группы потенциальных подозреваемых».

В то же самое время обзор Беллоуза сделал вывод, что последний отчёт Министерства энергетики ФБР был отредактирован в Министерстве энергетики, чтобы преобразовать его из «широкой идентификации потенциальных подозреваемых в фактически обвинительный акт супругов Ли». Отчёт Министерства энергетики на сорока четырёх страницах считал, что Вэнь Хо Ли «был единственным человеком, идентифицированным в ходе этого расследования, у которого была возможность, мотив и официальный доступ» к конструкции W-88.

«Вэнь Хо Ли никогда не должен был оказаться *единственным* подозреваемым», утверждал обзор Беллоуза, полагая, что «сообщение, направленное ФБР, означало, что ФБР больше не стоит продолжать дальнейшие поиски подозреваемого внутри Министерства энергетики. Вэнь Хо Ли был тем человеком,

которого они искали».

Короче говоря, Вэнь Хо Ли быстро стал главным подозреваемым Министерства энергетики и Трулока. Широко распространённое в обществе мнение, что Ли выбрали, потому что он был по происхождению китайцем, остаётся спорным моментом, так и не разрешённым в полной мере. Даже те, кто расследовали дело Ли, неоднозначно высказываются по этому вопросу. Например, Роберт Врумэн, бывший офицер ЦРУ, который был руководителем контрразведки в Лос-Аламосе, заявил под присягой суду в августе 2000 года, что учёный был выбран, «потому что Ли - этнический китаец». Но месяц спустя, выступая на телешоу Пи-Би-Эс «Час новостей с Джимом Лерером», он в интервью журналистке Гвен Айфилл заявил, что причиной не было «этническое происхождение или расизм. На самом деле это было лишь нехваткой интеллектуальной строгости в первоначальном расследовании.... Как только они нашли Ли, а он был этническим китайцем, они на этом остановились и не стали рассматривать всех остальных».

Однако было и несколько серьёзных причин, почему Вэнь Хо Ли так быстро засветился на радарах контрразведки. Внимание ФБР и до этого уже дважды привлекало его подозрительное поведение.

В 1982 году ФБР проводило тщательное расследование после того, как он позвонил по телефону Гобау Миню, подозреваемому в деле «Ловушки для тигра», предлагая узнать, кто «настучал» на Миня. Когда его об этом спросили, он солгал, отрицая, что связывался с учёным Ливерморской лаборатории, и сказал правду лишь когда ему предъявили стенограмму его подслушанного телефонного разговора с Минем.

Некоторая проблема состоит и в том, как Ли узнал, что Миня вынудили уволиться из Ливермора. В своих мемуарах «Моя страна против меня» Вэнь Хо Ли написал, что прочитал «в популярном журнале на китайском языке», что «тайваньский учёный-ядерщик был уволен из лаборатории Лоуренса Ливермора». Публикация, он сказал, называла Миня по имени. Но имя Миня не упоминалось публично, по крайней мере, в

какой-либо англоязычной публикации, пока его личность не была раскрыта в судебных документах на процессе Вэня Хо Ли. ФБР подозревало, что Ли узнал о Мине от другого учёного.

23 декабря 1998 года Ли подвергли проверке на детекторе лжи, которую проводила фирма безопасности «Уокенхат» («Wackenhut»), подрядчик Министерства энергетики. Он ответил «нет», когда его спросили, занимался ли он когда-либо шпионажем против Соединённых Штатов. На допросе перед проверкой Ли признал, что за многие годы до этого он узнал, что у «Ко Пау Мина», который, как он знал, был родом с Тайваня, «возникли проблемы с несколькими людьми в Китае», и «из любопытства» позвонил ему.*

*Вэнь Хо Ли сказал оператору полиграфа, что он звонил Гобау Миню. Но служащий фирмы «Уокенхат», который проводил тест на детекторе лжи, очевидно, не потрудился узнать у него правильное написание имени, и записал имя исключительно на слух, что показалось ему похоже на «Ко Пау Мин».

Отчёт «Уокенхат» был рассекречен правительством во время последовавшего судебного процесса Вэня Хо Ли. Минь был позже назван по имени в статье репортёра Дэна Стобера в газете «Сан-Хосе Меркьюри Ньюс».

В начале 1994 года ФБР начало второе расследование Вэня Хо Ли после инцидента, известного в кругах контрразведки как «Объятия». Это началось, когда Ли без приглашения появился на встрече в Лос-Аламосе высших должностных лиц с делегацией важных учёных из Китая.

Делегацию возглавлял Ху Сыде, ведущий конструктор китайского ядерного оружия. Во время перерыва на конференции Ли подошёл к Ху, и главный китайский военный учёный-ядерщик тепло обнял его. У некоторых американских участников встречи немедленно возникли подозрения. Как мог Вэнь Хо Ли, служащий сравнительно низкого уровня в Лос-Аламосе, знать Ху, и чем он заслужил его объятия?

Меморандум ФБР о встрече 1994 года цитирует неназванный источник, который процитировал слова Ху о Вэне Хо Ли, «Мы

его очень хорошо знаем. Он приезжал в Пекин и много помогал нам».

Ли был в Китае дважды, для участия в научных конференциях, в 1986 и 1988 годах. В своём отчёте о поездке на конференцию 1988 года Ли не упомянул, что в гостиничном номере его посетил Ху Сыде, в сопровождении ещё одного учёного по имени Чжен Шаотун. И при этом он не сообщил, что Чжен спрашивал его, использовали ли Соединённые Штаты двухточечную детонацию на W-88. Ли знал, что ответ был строго засекреченным. Он позже утверждал, что ответил Чжену, что «не знал ответ» и не хотел обсуждать этот вопрос.

Детонация в двух точках, конечно, являлась ключом к конструкции боеголовки W-88. Именно благодаря этому способу американские учёные решили проблему создания миниатюризированной боеголовки. Как раз Ху Сыде приписали создание маленькой боеголовки, которую Пекин испытал четыре года спустя, в 1992 году.

Роберт Врумэн, начальник контрразведки Лос-Аламоса, опрашивал Вэня Хо Ли после его поездки в Китай в 1988 году. Согласно Врумэну, Ли не только опустил любое упоминание о встрече в гостиничном номере с Ху Сыде, но и «отрицательно ответил на прямой вопрос», когда его определённо спросили, была ли попытка установления с ним контакта такого рода.

В результате «Объятий» ФБР разрабатывало Вэня Хо Ли в течение полутора лет, до ноября 1995 года. Шесть месяцев спустя, 30 мая 1996 года, по требованию Министерства энергетики ФБР открыло уже вполне масштабное расследование Вэня Хо и Сильвии Ли.

На сей раз следствие, всё ещё под кодовым названием «Родственный дух», касалось не подозрительных объятий. Речь шла уже о том, передал ли Вэнь Хо Ли Пекину тайны конструкции W-88.

Инициативник, был ли он под контролем китайцев или нет, представил документ, доказывающий, что Китай получил подробные сведения о самой смертельной и сложной

боеголовке Америки. Это должно было бы немедленно привести к широкомасштабному расследованию ФБР, ЦРУ, и Министерства энергетики, чтобы попытаться определить источник утечки. Удивительно, но этого не происходило в течение трёх лет. В 1999 году, спустя месяцы после того, как Вэнь Хо Ли был уволен из лаборатории Лос-Аламоса, ФБР, наконец, начало более широкое расследование.

Из-за ограниченных результатов формального расследования Министерства энергетики, которое указывало только на Вэня Хо Ли, ФБР в течение трёх лет не занимался вопросом, как и где Китай, возможно, получил подробные сведения о конструкции боеголовки. Вместо этого оно разрабатывало Вэня Хо Ли и его жену. По словам отчёта Беллоуза, «ФБР расследовало не то преступление».

Вэнь Хо Ли родился 21 декабря 1939 года в семье бедного фермера в Нанту на Тайване. Он был одним из десяти детей, которые росли в трёхкомнатном саманном домике и выживали на овощах, которые выращивала семья, и цыплятах, утках, гусях и свиньях, которых они разводили. Со своими братьями и сёстрами он каждый день ловил рыбу и лягушек на обед. Ребёнком Ли пережил во время Второй мировой войны японскую оккупацию Тайваня. После окончания университета Чен-Кун он один год отслужил в военно-воздушных силах Тайваня по закону о воинской повинности. Ли приехал в Соединённые Штаты как студент в 1964 году, поступил в Техасский университет A&M, и получил степень магистра, а затем и степень доктора философии в технических науках. Он встретил свою будущую жену Сильвию в 1969 году на Параде роз в Пасадене; она, китаянка, родилась на материке, но, как и Вэнь Хо Ли, выросла на Тайване. Они вскоре поженились, и у них родилось двое детей.

В 1974 году он стал американским гражданином, и четыре года спустя был принят в Лос-Аламос для работы над кодами гидродинамики ядерного оружия. Когда металлы плавятся от ядерного взрыва, они ведут себя как жидкости. Используя компьютерные модели, учёные могут написать коды, которые моделируют то, что происходит при реальном ядерном взрыве. В Лос-Аламосе Ли занимался одновременно компьютерным

моделированием и первичных компонентов (инициаторов, «триггеров»), и вторичных водородных бомб. И он создавал коды для тестирования W-88.

Сильвия Ли также была нанята лабораторией как секретарь, а затем как клерк для ввода базы данных, а вскоре она добровольно вызвалась стать своего рода неофициальным гидом для приезжающих с визитами китайских учёных. Она также докладывала ФБР и ЦРУ о том, что узнавала во время таких контактов.

Негласное расследование подозрений по отношению к Вэню Хо Ли создало дилемму и для ФБР и для Министерства энергетики. Если Ли был шпионом и продолжал бы дальше работать в Подразделении «Х», был риск, что он смог бы принести ещё больше вреда. Но если бы его оттуда убрали, то он мог бы заподозрить, что правительство подбирается к нему.

В 1996 году Министерство энергетики придумало сложную схему, как ограничить доступ Вэня Хо Ли к хранилищу в Лос-Аламосе, содержащем самые чувствительные тайны Подразделения «Х», но сделать это так, чтобы не встревожить его. Лаборатория решила установить электронное устройство, которое будет идентифицировать служащих по ладони, чтобы позволить вход в хранилище; тогда нескольким служащим, включая Вэня Хо Ли, сказали бы, что у них больше не будет доступа при новой системе. Руководитель лаборатории думал, что устройство для идентификации по ладони было установлено, но этого так никогда и не произошло.

В июле 1997 года Министерство юстиции отвергло запрос ФБР о прослушивании телефона семьи Ли, утверждая, что Бюро не предъявило достаточно доказательств, чтобы обратиться за ордером к специальному Суду по наблюдению за иностранными разведками. Джон Ф. Льюис-младший, тогда помощник директора ФБР, отвечающий за подразделение национальной безопасности, встретился с Генеральным прокурором Джанет Рино и снова настаивал на прослушивании, но опять получил отказ.

Весной 1998 года Эдвард Джей. Кёрран, бывший

контрразведчик в ФБР и ЦРУ, поступил на службу в Министерство энергетики, чтобы возглавить его Отдел контрразведки. Высокий, спортивный, отец четырёх детей, Кёрран был назначен руководителем группы контрразведки ЦРУ после катастрофы, вызванной разоблачением Олдрича Эймса. Придя в Министерстве энергетики, он был потрясён, узнав, что Вэнь Хо Ли всё ещё работает в Подразделении «Х» в Лос-Аламосе.

В августе ФБР провело против Ли операцию под «чужим флагом». Агент ФБР, американский китаец, позвонил Ли по телефону, утверждая, что он является «представителем 'заинтересованного отдела' из Пекина». Он назвался вымышленным именем Ван Мин-Ли. Но, как это часто случалось в деле Вэня Хо Ли, попытка была ужасно плохо подготовлена и неуклюже проведена. Агент, изображающий из себя чиновника МГБ, говорил только на кантонском диалекте, хотя чиновники в Пекине говорят на путунхуа.

Изначальный план состоял в том, чтобы использовать агента, американского китайца, который говорил бы и на путунхуа, и на шанхайском диалекте, потому что ФБР подозревало, что у Вэня Хо Ли, возможно, была некая связь с шанхайским отделом государственной безопасности, филиалом МГБ в этом городе. Поскольку агент ФБР, посланный в Санта-Фе, говорил только на кантонском диалекте, у него не было никаких шансов выдать себя за офицера разведки из Пекина.

В ходе нескольких телефонных звонков тайный агент ФБР объяснил Вэню Хо Ли, что он приехал в Нью-Мексико, чтобы удостовериться, что у Ли всё в порядке после осуждения в Калифорнии за передачу Китаю информации оборонного значения другого американского учёного китайского происхождения, Питера Ли. Он хотел договориться с Вэнем Хо Ли о встрече. У Ли пояснения звонившего вызвали подозрения, и он ответил, что обязан докладывать своему руководству о любой встрече с иностранными официальными лицами. Он сказал, что предпочёл бы говорить по телефону.

Тайный агент ФБР настаивал на личной встрече с Ли, говоря, что есть и другие чувствительные темы, помимо случая Питера

Ли, которые он хотел бы обсудить. Вэнь Хо Ли тогда согласился встретиться с агентом в отеле «Хилтон» в Санта-Фе. Но десять минут спустя Ли перезвонил и сказал, что передумал.

На следующий день человек ФБР, изображающий из себя китайского разведчика, позвонил снова, чтобы сказать, что он уезжает из Санта-Фе, и продиктовал Ли номер пейджера, принадлежавшего, по его словам, американскому другу, которому можно доверять, и этот номер можно использовать, если Ли захочет войти в контакт с ним. Ли не доложил руководству о телефонных звонках, но рассказал своей жене Сильвии, она рассказала своей подруге, а та уже сообщила в отдел безопасности Министерства энергетики. Когда после этого контрразведка Министерства энергетики расспрашивала Ли о звонках, он признал, что ему звонили, но не упомянул, что ему сообщили номер пейджера.

За два дня до Рождества, по настоянию Кёррана, жёстко настроенного на удаление Ли из Подразделения «Х», он был, наконец, переведён в Подразделение «Т», которое выполняет несекретную работу, где и оставался, пока Билл Ричардсон, министр энергетики, не уволил его совсем.

Ричардсон, конгрессмен с семью сроками и старый дипломат, ступил на политическое минное поле. Вашингтон шумел. Президенту Клинтону угрожал импичмент за его ложь о любовной интрижке с Моникой Левински; обвинения, что Китай внёс деньги, чтобы попытаться повлиять на президентскую кампанию Клинтона в 1996 году, продолжали бурлить в прессе; и Ричардсон знал, что дело Вэня Хо Ли быстро достигает критической стадии. Комитет Кокса, с Трулоком в качестве его главного свидетеля, готовился выпустить свой сенсационный доклад о китайском шпионаже, и республиканцы в Конгрессе унюхали кровь.

Ричардсон теперь видел, что его шансы стать первым испаноговорящим кандидатом в вице-президенты Америки испаряются. Несмотря на его англоязычное имя, мать Ричардсона была мексиканкой, и у него были большие надежды, что его латиноамериканские достоинства и личные качества вместе с опытом дипломата и законодателя могли бы

помочь катапультировать его на пост вице-президента от Демократической партии на выборах в 2000 году. Но Ричардсон был достаточно закалён, чтобы понять, что суматоха в Министерстве энергетики, дискредитирующие сообщения прессы о недостаточной безопасности в лабораториях, и китайский шпионский скандал, хоть и не по его вине, означали, что с политическими амбициями ему придётся повременить.

Вэнь Хо Ли тем временем пребывал в блаженном неведении, что ФБР интенсивно разрабатывало его в течение трёх лет, и что он был главным подозреваемым в получении Китаем подробных сведений о конструкции W-88. Жизнь была прекрасна в Уайт-Рок, городке в округе Лос-Аламос, где Ли купили себе дом. Вэню Хо Ли нравилось готовить для друзей и ухаживать за садом, и он продолжал отдаваться своей извечной страсти к рыбалке. Как уважаемый учёный-атомщик, он на целые миры отдалился от своих столь убогих корней на Тайване.

Всё это вдруг развалилось в субботу, 6 марта 1999 года, когда газета «Нью-Йорк Таймс» на первой полосе опубликовала большую статью. Статья, позже ставшая темой горячих споров, сообщала, что Китаю удалось создать маленькие ядерные боеголовки, «прорыв», который, по словам официальных лиц, был ускорен «похищением американских ядерных тайн из Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико». Статья, написанная Джеймсом Райзеном и Джеффом Гертом, подробно цитировала Нотру Трулока. Она непосредственно не называла имени Вэня Хо Ли, но описывала «главного подозреваемого» как «программиста Лос-Аламоса, американского китайца».

Было очевидно, что Трулок умышленно раскрыл историю для «Нью-Йорк Таймс», факт, который он позже публично подтвердил в программе Си-Би-Эс «Шестьдесят минут», в интервью с Лесли Шталь.

В воскресенье 7 марта, во второй половине дня, когда история уже пронеслась по всему Вашингтону, Вэнь Хо Ли уединился в гостинице «Эль Дорадо» в Санта-Фе с двумя агентами ФБР, Кэрол Каверт и Джоном Хьюденко. Они показали ему статью в

«Нью-Йорк Таймс» и предупредили: - Это не хорошо, Вэнь Хо..., это очень плохо... В лаборатории есть человек, который занимался шпионажем, и это указывает на вас!

- Но у них есть какие-нибудь доказательства, улики? - спросил Ли.

В ответ агенты давили на него, много раз, снова и снова, чтобы узнать, что случилось в гостиничном номере в Пекине в 1988 года, когда его посетил д-р Ху Сыде и расспрашивал его о точках детонации ядерного оружия.

- Скажите нам, что происходило в том номере, - требовала Каверт.

Она предупредила: - Вы намерены стать безработным учёным-ядерщиком. Вы готовитесь оказаться учёным-ядерщиком без допуска. Ну, и где атомный учёный без допуска собирается найти работу?

Он не смог бы получить работу, уступил Ли. Он смог бы только уволиться.

- Если вы уволитесь..., и мы приедем, постучим в вашу дверь, мы должны будем арестовать вас за шпионаж! Когда кто-то приедет и постучит в вашу дверь, Вэнь Хо...

- Нет, нет, нет, - запротестовал Ли.

-... они не дадут вам ничего, кроме пары наручников, да ещё зачитают вам ваши права! Это - всё, что вы получите. Что вы собираетесь сказать вашим друзьям... вашей семье... вашей жена и сыну? Что случится с вашим сыном в колледже..., когда он услышит новости?... [Статья] на первой полосе газеты сообщит 'Вэнь Хо Ли арестован за шпионаж'. Они [репортёры], будут искать вашего сына..., и они скажут ему, а вы знаете, что ваш отец - шпион?

- Но я говорю вам, - сказал Ли, - я ничего такого не делал.

Тогда допрос, и до этого момента мало напоминавший

дружескую беседу во время прогулки в парке, стал по-настоящему зверским.

Каверт: Вы знаете, кто такие Розенберги?

Ли: Я слышал о них, да, я слышал, как их упоминали.

Каверт: Розенберги - единственные люди, которые никогда не сотрудничали с Федеральным правительством в расследовании шпионажа. Вы знаете, что случилось с ними? Их казнили на электрическом стуле, Вэнь Хо.

Ли: Да, я слышал.

Каверт: Розенберги заявляли о своей невиновности. Розенберги тоже не проявляли заинтересованности... Розенберги мертвы.

Вэнь Хо Ли, совершенно уже измученный, упорно стоял на своём, настаивая, что не делал ничего плохого. Всегда вежливый, он на самом деле поблагодарил агентов, когда допрос подошёл к концу. Когда он, наконец, покинул офис ФБР, он дрожал.

В понедельник утром его имя просочилось в средства массовой информации. В 11 утра его вызвали и, по приказу министра Ричардсона, уволили из Лос-Аламоса за то, что он не сообщил о своей встрече с Ху Сыде и о других нарушениях правил безопасности. После двадцати лет его карьера в лаборатории закончилась.

Когда два месяца спустя, в мае, вышел Доклад Кокса, он описывал, как в 1995 году «инициативник» передал ЦРУ документ, содержащий информацию о конструкции W-88 и данные о других термоядерных боеголовках. Доклад не упоминал, что Вэнь Хо Ли был главным подозреваемым Министерства энергетики в утечке данных о W-88, настоящая причина того, почему он был уволен.

Но Доклад действительно обсуждал два случая утечки информации о нейтронной бомбе. Вэнь Хо Ли также подпадал под подозрение в одном из этих случаев. Ссылаясь на

расследование «Ловушки для тигра», не называя этого кодового названия и не идентифицируя Гобау Миня, Доклад утверждал, что в конце 1970-х «КНР похитила засекреченную информацию США о нейтронной бомбе».

Доклад Кокса также содержал таинственную ссылку на вторую утечку о нейтронной бомбе в Китай, раскрытую в 1996 году. Сыщики Министерства энергетики подозревали, что Вэнь Хо Ли мог бы быть связан с этой второй утечкой.

За кратким упоминанием о предполагаемой второй утечке данных о нейтронной бомбе в Докладе Кокса стоял ряд событий за кулисами Министерства энергетики. Китай испытал нейтронную бомбу в 1988 году, но аналитики в Лос-Аламосе считали, что если Пекин использовал данные, полученные от операции «Ловушка для тигра», то, возможно, столкнулся с некоторыми из тех же проблем, которые пришлось преодолевать американцам при создании нейтронной боеголовки.

Всё же Китаю к середине 1990-х удалось, так или иначе, решить эти проблемы. Некоторые из учёных в Лос-Аламосе сказали, что, похоже, китайцы узнали о «пилюле повышения мощности», методе решения, применённом при создании нейтронной бомбы, секретном процессе, который исследовали американские учёные. В Лос-Аламосе в 1992 году прошла секретная конференция, где говорили, как Соединённые Штаты решили проблему проектирования нейтронной бомбы. «Пилюля повышения мощности» обсуждалась на конференции. Следователи Министерства энергетики решили, что доклад на конференции, должно быть, каким-то образом передали Китаю. Министерство энергетики снова заподозрило Вэня Хо Ли.

Но посещал ли Вэнь Хо Ли конференцию? Разочарованные агенты контрразведки в Министерстве энергетики не были в этом уверены, потому что учёные с «бейджиками» Лос-Аламоса могли свободно заходить и уходить с конференции. Учёных с «бейджиками» Ливермора регистрировали, и их имена записывали, поэтому было известно, кто из них посещал конференцию, но аналогичной регистрации их коллег из Лос-Аламоса не было.

Кроме того, продолжался спор о том, получил ли Китай дополнительную информацию о нейтронной бомбе. Другие учёные считали, что исходная «наводка» на предполагаемое похищение данных нейтронной бомбы на самом деле касалась не бомбы, а нейтронного генератора, который не был секретным. Нейтронный генератор, прозванный конструкторами бомбы «застёжкой-молнией», является устройством для создания высокоэнергетичных нейтронов с использованием ускорителя частиц. Хотя миниатюрные нейтронные генераторы, производимые Национальными лабораториями Сандия, учреждением Министерства энергетики в Альбукерке, штат Нью-Мексико, используются во всех видах американского ядерного оружия, у нейтронных генераторов также есть широкое применение в медицине, геологии, и лабораторных экспериментах в фундаментальной физике.

После увольнения из Лос-Аламоса Вэнь Хо Ли нанял Марка Холшера, в то время адвоката мощной юридической фирмы «O'Мелвени энд Майерс» в Лос-Анджелесе, чтобы представлять его интересы. ФБР обвиняло его в шпионаже, и средства массовой информации расположились лагерем вокруг его дома; адвокат был ему необходим. Как федеральный прокурор, Холшер заработал свою репутацию, преследуя по суду Хайди Флейсс, владелицу элитного борделя, прозванную «Голливудской Мадам». В группе защиты к нему присоединился Джон Клайн, опытный эксперт по части Закона о процедурах, связанных с секретной информацией (Classified Information Procedures Act, CIPA), закон, который рассматривает те части дел, которые могли бы раскрыть правительственные тайны, потому судья выслушивает их в своём кабинете при закрытых дверях. Этот закон был введён в действие в попытке, только частично успешной, воспрепятствовать тому, чтобы поверенные защиты воспользовались бы «мягким шантажом», угрожая раскрыть правительственные тайны, если бы обвинители довели дело до суда.

Но чем больше правительство расследовало дело Вэня Хо Ли, тем больше обвинение понимало, что обвинить его в шпионаже невозможно. На самом деле не было ни малейших

доказательств, что именно Ли передал китайцам информацию о W-88, о нейтронной бомбе, или любой другой секрет. Однако при обыске в его офисе в лаборатории следователи обнаружили, что он загрузил компьютерные файлы, коды, моделирующие ядерные взрывы, с засекреченного компьютера в открытую, «зелёную», компьютерную сеть. Кроме того, он тогда скопировал коды на ленты, и никто не знал точно, сколько лент существовало, и что с ними случилось.

Операция «Родственный дух» теперь превратилась в операцию «SEA CHANGE» («Преобразование»). Если Ли нельзя было преследовать по суду за шпионаж, его можно было бы обвинить в ненадлежащем обращении с ядерными секретами. Министерство юстиции начало готовить против Ли процесс по обвинению в загрузке секретных кодов.

Как ни странно, Министерство энергетики узнало о широкомасштабном копировании Ли засекреченных файлов за шесть лет до того, как правительство предъявило ему обвинение в этом. Компьютерный отдел в Лос-Аламосе установил систему под названием «Обнаружение сетевых аномалий и определение незаконных вторжений» (Network Anomaly Detection and Intrusion Recording, неизбежно сокращённую до NADIR (буквально «низшая точка» или даже «крайний упадок»), чтобы определять необычное использование компьютеров учёными лаборатории. В 1993 году система обнаружения заметила загрузку, осуществлённую Вэнем Хо Ли. Но чиновник Министерства энергетики, который знал о подозрительной загрузке Ли, ничего не сделал и не сообщил об этом факте ни в отдел контрразведки Министерства энергетики, ни в ФБР.

В августе 1999 года Нотра Трулок был вынужден уйти из Министерства энергетики. Чтобы помочь справиться с кризисом контрразведки, Ричардсон принял на службу Лоуренса Санчеса, бывшего офицера ЦРУ, который был прикомандирован в Нью-Йорку, когда Ричардсон был там американским послом в Организации Объединённых Наций. Он устроил Санчеса на уровень выше Трулока - руководителем недавно созданного Управления разведки.

В ходе этой реструктуризации Трулока столкнули на обочину. Он вызвал хаос вокруг Вэня Хо Ли, разболтал изначальную историю газете «Нью-Йорк таймс», и выболтал секреты Комитету Кокса.

- Я чувствую себя как пария в этом отделе, - говорил Трулок ровно за несколько дней до того, как ушёл в отставку. Однако, учитывая политическую огненную бурю, которая пронеслась по Министерству энергетики, Ричардсон посчитал благоразумным устроить Трулоку дружеское прощание и дать вознаграждение в 10 000 долларов.

В том же месяце Вэнь Хо Ли пришёл на телепрограмму «Шестьдесят минут», и правительство проиграло его дело прежде, чем начало его. Появление Ли с благожелательно к нему настроенным ведущим Майком Уоллесом повернуло поток общественного мнения в пользу Ли, и обвинители так никогда и не вернули назад свою поддержку.

- Правда в том, что я невиновен, - говорил Ли в передаче телекомпании Си-Би-Эс. - Я не сделал ничего плохого, в чём они пытаются обвинить меня.

Он никогда не передавал ядерные тайны Соединённых Штатов Китаю? - спросил Уоллес.

- Нет, я никогда не делал этого.... Я посвящаю наилучшее время своей жизни этой стране, чтобы сделать страну более сильной..., таким образом мы сможем защитить американский народ.

Уоллес тогда спросил, почему Ли загрузил файлы.

- Чтобы защитить мой код, ответил он. - Чтобы защитить мой файл.

Ли спросили, почему, по его мнению, именно он оказался мишенью.

- Моё лучшее объяснение этого, что они думают, что я, да, вы знаете, что я китаец - я родился на Тайване. Я думаю, что это -

часть причины. И вторая причина, они хотят найти какого-то козла отпущения.

Объяснение Ли в «Шестидесяти минутах», почему он незаконно загрузил коды, звучало загадочно. В своих более поздних утверждениях он сделал уточнения. Он сказал, что он когда-то потерял результаты своей работы, когда лаборатория перешла на новую компьютерную систему, и не хотел, чтобы это случилась снова. Правительственные следователи выдвинули теорию, что, вероятнее, он хотел собрать материал на тот случай, если ему придётся когда-либо уволиться из Лос-Аламоса, чтобы искать новую работу.

Четыре месяца спустя, 10 декабря 1999 года, федеральное большое жюри в Альбукерке огласило обвинительный акт из 59 пунктов, обвиняющих Ли в плохом обращении с секретными данными. Если бы его признали виновным, ему грозило бы пожизненное заключение. Он был арестован ФБР в его доме, на него надели наручники и доставили в тюрьму округа Санта-Фе. Три дня спустя ему отказали в освобождении под залог после того, как Стивен Янгер, заместитель директора программ ядерного оружия в Лос-Аламосе, зловеще предупредил, что коды, которые загрузил Вэнь Хо Ли, могли бы в неправильных руках «изменить глобальное стратегическое равновесие».

Ли провёл следующие девять месяцев в одиночной камере. В условиях жёстких специальных административных мер (special administrative measures, SAM), введённых по приказу генерального прокурора, на него надевали наручники, кандалы на поясе и на ногах в тот один час в неделю, когда ему разрешали прогулку вне камеры.

Адвокаты Ли тщетно пытались освободить его от тягостных тюремных условий. Но за прошедшие месяцы государственное обвинение столкнулось с рядом неудач. Два ведущих обвинителя вышли из дела. Один ушёл, чтобы участвовать в выборах в Конгресс, другого пришлось заменить из-за сообщений, у него была интрижка с женщиной в его штате. Роберт А. Мессемер, старший специальный агент ФБР, признал в суде, что давал неверные показания о Ли.

Джон Клайн обещал вынудить правительство представить совершенно секретные доказательства, если дело Ли дойдёт до суда. Директор ФБР Луис Джей. Фри беспокоился, что если Ли будет признан виновным, правительство никогда не узнает, почему он загрузил коды ядерного оружия и записал их на ленты, семь из которых отсутствовали.

Альберта Ли, дочь Вэня Хо Ли, неустанно и результативно защищала своего отца на собраниях и по телевидению, утверждая, что он был невиновен и пал жертвой расовых предрассудков из-за его китайского происхождения. В августе Джеймс А. Паркер, судья федерального округа, осуществляющий контроль над расследованием, сказал, что он не убеждён в том, что Ли должен находиться в тюрьме, и приказал его освободить. Правительство заблокировало его решение. К сентябрю, однако, обвинители, видя, что дело разваливается, были готовы сдаться. Они предложили Ли соглашение о признании вины.

Условия сделки согласовывались адвокатами двух сторон; правительство готово было снять пятьдесят восемь из пятидесяти девяти пунктов в обвинительном акте. В свою очередь, Ли признал бы себя виновным по одному пункту: плохое обращение с данными оборонного значение, уголовное преступление, и сообщил бы правительству, почему он загрузил секретные файлы и что он сделал со своими лентами.

Затем судья Паркер ошеломил беззвучный зал суда в Альбукерке своими словами.

- Я считаю, что с вами поступили ужасно несправедливо, содержа под арестом до суда в тюрьме округа Санта-Фе в унизительных, излишне жёстких условиях. Я действительно сожалею, что исполнительная власть нашего правительства убедила меня в том, чтобы отдать приказ о вашем аресте в прошлом декабре. Доктор Ли, я говорю вам с большой печалью, что я чувствую, что был введён в заблуждение в прошлом декабре исполнительной властью нашего правительства.... Они сбили с толку не одного меня. Они сбили с толку всю нашу нацию и каждого из нас, который является гражданином её.

- Я мог бы сказать, что мне также грустно и тревожно, потому что я не знаю реальных причин, почему исполнительная власть сделала всё это....

- Хотя, как я указал, у меня нет никаких полномочий говорить от имени исполнительной власти, президента, вице-президента, генерального прокурора, или министра энергетики, в качестве члена третьей ветки Правительства Соединённых Штатов, судебной власти, Судов Соединённых Штатов, я искренне приношу извинения вам, доктор Ли, за несправедливость, которую допустила в отношении вас исполнительная власть, держа вас под арестом.

Вэнь Хо Ли был свободен. Он вышел на яркий солнечный свет Нью-Мексико, сопровождаемый своими адвокатами и Альбертой, и встал перед телевизионными камерами.

- Следующие несколько дней я собираюсь ловить рыбу, - сказал он.

Сторону обвинения высмеивали, потому что правительство обвинило Ли по пятидесяти девяти пунктам, а оказалось в состоянии признать его виновным только в одном. Но необычная длина обвинительного акта была следствием того, что каждый пункт включал отдельный файл, который Ли «переместил», или изменил и скопировал.

Соглашение о признании вины было почти пущено под откос, когда в последнюю минуту Ли упомянул адвокатам, что он не только загрузил коды и скопировал их на ленты, но также сделал и копии лент. Он утверждал, что выбросил ленты в мусорный контейнер около его офиса в лаборатории. ФБР позже поручило несчастной группе агентов рыться на городской свалке в поисках лент, но их так и не нашли.

После этого дела Брайан Сан, проницательный адвокат из Лос-Анджелеса, который позже представлял Джей-Джей Смита на процессе «Горничной», от имени Вэня Хо Ли подал иск о вторжении в частную жизнь против правительства за то, что оно допустило утечку имени Ли в прессу. В 2006 году иск был улажен за 1 645 000 долларов, причём пять служб новостей

согласились уплатить почти половину этой суммы.

Агентства новостей не были упомянуты в иске, но они согласились участвовать в выплате компенсации для мирового соглашения, чтобы избежать наказания их репортёров, возможно, вплоть до тюремного заключения, за отказ назвать свои источники. Репортёров обвинили в неуважении к суду и приговорили к штрафам по 500 долларов в день, но штрафы были приостановлены, когда они обратились с апелляцией.

И вот так закончилась эта сага, без реальных победителей. Расследование было и фиаско, и трагедией. Очевидно, можно предположить, что Вэнь Хо Ли, скорее всего, был выбран на роль обвиняемого, по крайней мере, частично, потому что был американским китайцем. Этого никогда не должно было случиться. Были, конечно, и другие существенные факторы, которые привлекли внимание к Ли, его действия привели к двум предыдущим расследованиям ФБР.

Хотя критики обвиняли Трулока в провале дела Вэня Хо Ли, но именно он действительно встревожил Конгресс и общественность тем фактом, что Китай каким-то путём получил подробные данные о самом сложном ядерном оружии Америки. И ответственность за то, что случай Вэня Хо Ли так плохо расследовали, следует разделить среди широкого спектра чиновников в Министерстве энергетики, Министерстве юстиции, федеральной прокуратуре в Альбукерке, и ФБР.

Став жертвой халатности правительственных органов по причине своего азиатского происхождения, Вэнь Хо Ли, тем не менее, никак не походил на настоящего героя. Он признал себя виновным в уголовном преступлении, ненадлежащем обращении с информацией оборонного значения. Он лгал ФБР, отрицая, что звонил учёному, проходящему по делу «Ловушки для тигра», пока ему не представили запись подслушанного разговора. Он загружал тысячи засекреченных файлов, касающихся ядерного оружия, в незащищённую, несекретную компьютерную систему, а затем копировал на ленты по своим собственным, всё ещё неясным, причинам. Несколько тех лент так никогда и не нашли. Он скрыл свой контакт в Китае с Ху Сыде, главным конструктором ядерного оружия Китая, учёным,

который создал китайскую маленькую ядерную боеголовку.

У него были очень умные адвокаты и проницательное понимание значения связей с общественностью - его появление в передаче «Шестьдесят минут» было блестящим ходом, хотя он так и не смог убедительно объяснить её ведущему Майку Уоллесу, почему же он всё-таки загрузил все те файлы. Но его посадили в тюрьму и содержали там в чрезмерно жёстких условиях, и правительство на каждом шагу уж очень неумело действовало в его деле. Для публики его изображали опасным шпионом, но, тем не менее, его никогда не обвиняли в шпионаже, и он не был признан виновным в шпионаже.

Почти забытым среди громкого негодования вокруг дела Вэня Хо Ли оказался оставшийся по-прежнему без ответа вопрос, с которого всё и началось: тайна того, кто же украл сведения о конструкции боеголовки W-88 и передал их Китаю.

Глава 10. «Саговая пальма»

Роберт М. Брайант, по прозвищу «Медведь», вырос на ферме в Спрингфилде, Миссури, пошёл в юридическую школу в Университете Арканзаса, а затем поступил на службу в ФБР. Он прошёл по всем ступеням кадровой лестницы, чтобы возглавить подразделение национальной безопасности, и в 1997 году был назначен вторым человеком в Бюро, заместителем директора.

В сентябре 1999 года Брайант был недоволен расследованием дела Вэня Хо Ли, которое затянулось и, похоже, ни на шаг не приблизилось к разгадке тайны, как Китай получил данные боеголовки W-88. На самом деле проваленное следствие по делу Вэня Хо Ли вызвало такие острые споры, что более важный вопрос, похоже, мог оказаться забытым в этой неразберихе.

Брайант принял решение. ФБР должно было начать отдельное, основное расследование того, как Китай получил доступ к тайне самого передового ядерного оружия Америки.

Он знал, кому звонить. Стив Диллард, специальный агент, руководитель подразделения в городе Джексон, штат Миссисипи, работал на Брайанта в Канзас-Сити, в Солт-Лейк Сити, и в штабе. Он руководил подразделением, отвечающим за иностранную контрразведку и шпионаж, и за эти годы заслужил полное доверие Брайанта.

Худой, тихий человек в очках, Диллард был рад вернуться в свой родной Миссисипи. Он вырос в Нью-Олбани (население 7 607 человек), в холмистой местности в северо-восточном углу штата, и имел степень магистра в социологии и криминологии, так же как диплом юриста. По манере и поведению его легко можно было бы принять за профессора колледжа, а не контрразведчика и ветерана ФБР, которым он был.

Диллард вспоминал, как закончилась его идиллия в Миссисипи:
- Мне неожиданно позвонил по телефону Боб Брайант. Он сказал, что ФБР крепко досталось на слушаниях в Конгрессе и в национальных СМИ. Брайант прямо выложил свои проблемы и попросил, чтобы Диллард вылетел назад в Вашингтон и проанализировал происхождение и состояние расследования дела Вэня Хо Ли.

- Я попросил, чтобы копию досье полевого отделения в Альбукерке отправили в штаб-квартиру ФБР, - вспоминал Диллард. - Я прибыл в центральный офис в понедельник утром и следующие три дня читал досье и штаб-квартиры и Альбукерке.

По безопасному телефону Диллард сделал несколько звонков в полевое отделение в Альбукерке и в штаб ЦРУ. В четверг днём он сообщил о своих заключениях Брайанту, который устроил ему краткий доклад директору ФБР Луису Фри на следующее утро. В тот же день после обеда Диллард и Фри встретились с Генеральным прокурором Джанет Рино.

В начале следующей недели Рино, Фри и Диллард сидели в кабинете министра энергетики Ричардсона. ФБР хотело бы продолжить своё расследование Вэня Хо Ли, сказали они Ричардсону, но оно также начнёт «полное исследование» документов, полученных в 1995 от инициативника, включая

тот, в котором были описаны параметры W-88, «чтобы расследовать другие области потенциального риска».

Дилларду предоставили свободу действий, чтобы собрать такой большой штат, какой был ему нужен. Новому, более широкому расследованию утечки данных боеголовки W-88 дали секретное кодовое обозначение «Саговая пальма» («Sego Palm»), взятое от названия растения *Cycas revoluta*, произрастающего в южной Японии и ядовитого для людей и животных.

Вскоре Диллард собрал целевую группу из трёхсот человек в одиннадцати правительственных учреждениях. Он работал из штаб-квартиры ФБР, но также подключил и несколько агентов в полевом отделении в Вашингтоне. Один, Дейв Ламберт, стал агентом-следователем по делу в полевом офисе для нового расследования. Ламберт был одним из двух сотрудников ФБР, которые позже опрашивали инициативника и пришли к выводу, что он настоящий перебежчик, а не «подстава», как настаивало ЦРУ.

Большинство членов целевой группы было из Министерства обороны. Тут были исследователи и агенты из малоизвестного подразделения Пентагона, Департамента оперативной контрразведки (Counterintelligence Field Activity). Большая группа переводчиков работала над документами инициативника, главным образом из ФБР и ЦРУ, хотя некоторые были из Агентства национальной безопасности (АНБ) и Разведывательного управления министерства обороны (РУМО).

Расследование было, мягко говоря, амбициозным. Как Китаю удалось получить данные боеголовки W-88, источник или источники документов или информации, которая попала в Пекин, люди, которые могли передавать секреты, когда точно это произошло - всё было неизвестным, ответы были спрятаны в умах и в архивах китайской разведки через половину планеты на другом берегу Тихого океана.

Брайант и Диллард понимали, что не было никакой гарантии, что новое следствие найдёт ответы. Но даже в этом случае Диллард был поражён тем, что он нашёл, когда собирал

огромную целевую группу.

Административное расследование Разведывательного управления Министерства энергетики, по словам Дилларда, сообщало, что информация в документе инициативника «скорее всего, исходила из Подразделения «Х» в Лос-Аламосе, и Вэнь Хо Ли был единственным человеком в Подразделении «Х», который мог бы выдать информацию. Это было совершенно неверно.

Внутреннее доказательство в документе W-88 это ясно доказывало, рассказывал Диллард.

- В любом ядерном оружии у вас есть физический пакет и система доставки, - продолжал он. - Физический пакет - это непосредственно конфигурация и части двухэтапной (двухфазной) бомбы. Системы доставки - это механизмы, которые мы используем, чтобы доставить бомбы к цели - МБР, баллистические ракеты подводных лодок, и стратегические бомбардировщики. В этом документа было мало информации о физическом пакете, но намного больше материала, касающегося систем доставки. Это означало, что большая часть информации в документе могла исходить от Министерства обороны, а не от Министерства энергетики.

Хотя это не исключало совсем Лос-Аламос и Министерство энергетики как источник утечки, но предполагало, что Пентагон был более вероятным местом для поиска. Информация в документе W-88, говорил Диллард, не только была «во всём» связана с Министерством обороны и Министерством энергетики, «она была в инструкциях подводных лодок «Трайдент», и частью этого даже поделились с британцами».

Согласно соглашению, достигнутому в 1982 году, Великобритании позволили вооружить её субмарины ракетами «Трайдент II».

- Всем в мире на протяжении почти полувека было известно, что американцы и англичане сотрудничают в создании ядерного оружия. Мы даже направляли своих учёных из

национальных лабораторий Министерства энергетики на британские объекты военной атомной промышленности в Олдермастоне и Бургфилде.

Диллард не говорил, что информация инициативника просочилась из Великобритании. Он указывал на то, что аналитики Министерства энергетики «не смогли осознать, что утечка материала могла произойти в различных частях американского правительства, включая Министерство обороны, и, возможно, даже в иностранном правительстве.

После того, как Китай испытал свою маленькую боеголовку в 1992 году, Министерство энергетики собрало приблизительно две дюжины учёных в консультативную группу «Родственный дух». Это, в свою очередь, привело к административному расследованию в Министерстве энергетики, которое произвело доклад для ФБР на сорока четырёх страницах с утверждением, что Вэнь Хо Ли был «единственным человеком», который, мог бы выдать информацию о W-88. Административное расследование, скорее всего, черпало выводы из отчётов консультативной группы «Родственный дух». Диллард намеревался копать глубже; он решил, что ФБР будет говорить с консультативной группой.

- Я не мог поверить, что две дюжины наших учёных-оружейников могли настолько ошибиться. К тому времени первоначальные члены группы рассеялись по всей стране. Я сделал так, чтобы наши агенты определили местонахождение и опросили каждого члена первоначальной группы. Только где-то четверо или пятеро из той группы сказали, что утечка могла бы произойти в Лос-Аламосе и Подразделении «Х». Остальная часть их, наряду со мной и моими коллегами из ФБР и Министерства юстиции, полагали, что эта версия была необоснованной.

Согласно Дилларду, «приблизительно двадцать членов консультативной группы сказали, что они не могли идентифицировать источник информации в документе, переданном инициативником. Но зато Министерство энергетики прислало в ФБР результаты административного расследования, где точно указывалось не только на

Подразделение «Х», но и совершенно определённо называлось имя Вэня Хо Ли.

Отчёт Беллоуза, исчерпывающий обзор дела Вэня Хо Ли, согласился с тем, что Министерство энергетики отправило ФБР в погоню за недостижимым. Но отчёт был столь же критичен по отношению к ФБР, потому что оно без дальнейших вопросов приняло выводы Министерства энергетики и сосредоточило все свои ресурсы на Вэне Хо Ли. Отчёт обвинял «ФБР в недостаточном собственном интересе к поиску подозреваемых помимо Вэня Хо Ли».

Но для Дилларда это было древней историей. Его теперь назначили на расследование, которое должно было начаться ещё тремя годами ранее. И след уже простыл.

Китайцы, как он понял, могли получить информацию о W-88 не только из Лос-Аламоса, где боеголовка была разработана, или из другого места в системе Министерства энергетики, но из намного более широкого спектра правительственных учреждений - из Пентагона, вооружённых сил, от сотен подрядчиков Министерства обороны, даже от британцев. Точное определение источника утечки оказывалось почти невозможным.

Тем более не помогала делу конкуренция между ЦРУ и ФБР. Когда Бюро хотело допросить инициативника, ЦРУ сказало, что он вне досягаемости. Диллард думал иначе, и ФБР действительно нашло его, живущего в Соединённых Штатах.

Даг Грегори и Дейв Ламберт, два агента, опросившие инициативника, пришли к заключению, что его не посылала китайская разведка. В отличие от взгляда ЦРУ, они считали, что он не «подстава». Однако инициативник не был способен пролить какой-либо свет на источник документа W-88.

Диллард не ограничивал своё расследование только утечкой информации о W-88, хотя этот вопрос был основным. Хотя только несколько документов инициативника касались ядерного оружия, но там были и другие материалы, интересные для контрразведки, включая засекреченные

документы США, содержащие данные армии, ВМФ и ВВС.

В хранилище в подвале ЦРУ, изнывая среди покрытых пылью коробках, Диллард с удивлением нашёл тысячи документов, которые никогда не переводились, когда инициативник четырьмя годами ранее принёс их. Теперь их должна была исследовать целевая группа.

Это была медленная и кропотливая работа. Сначала переводили заголовки документов. Диллард определял приоритет тех документов, которые казались самыми интересными. Их отбирали, и если у них было разведывательное значение, некоторые тексты переводили полностью. Но во всём прочем материале не было ничего, что могло бы дать хоть какую-то подсказку о происхождении документа W-88.

Диллард надеялся найти документ, где-нибудь внутри системы оборонных и ядерных учреждений, который мог бы совпасть по деталям с китайским документом. Тогда можно было сконцентрироваться на определённом американском учреждении или даже одном из его подразделений для поиска источника.

Но была одна проблема. Некоторые американские документы содержали данные об атомной и водородной бомбах в боеголовке. Другие документы имели дело непосредственно со средством доставки. Но немногие объединили эти два аспекта. Факт, что китайский документ W-88 содержал данные и о физическом пакете - о бомбе - и о внешней оболочке или носовом обтекателе, мог, вероятно, означать, решил Диллард, что информация, полученная Китаем, исходила из более чем одного документа.

В то время как расследование «Саговая пальма» полным ходом шло в штабе ФБР в 1999 году, другие также пытались раскрыть тайну утечки W-88 и документов, полученных от инициативника. В Лос-Аламосе Роберт Врумэн, возглавлявший контрразведку в лаборатории в течение десятилетия, написал записку, сообщая, что четыре учёных в лаборатории полагали, что документы исходили от подрядчика Министерства обороны

в Колорадо-Спрингсе, который производил комплектующие для большей части американского ядерного арсенала.

Диллард также обратил внимание на подрядчиков Министерства обороны в Калифорнии, Флориде, Техасе, Неваде, и в других местах. В попытке точно определить источник документа W-88, ФБР обращалось за помощью к ВМФ, и Следственной службе ВМС, так же как к Пентагону и Министерству энергетики.

Целевой группе Дилларда также необходимо было провести поиск в нескольких других местах. Боеголовка была спроектирована в Лос-Аламосе, но Национальные лаборатории Сандия Министерства энергетики в Альбукерке занимались разработкой прикладной техники для W-88, а многие неядерные элементы производились на фабрике Министерства энергетики в Канзас-Сити. Тритий, ключевой компонент водородных бомб, поступал с завода Саванна-Ривер в системе Министерства энергетики, находящегося близ Айкена, Южная Каролина. Сама боеголовка собиралась на заводе Министерства энергетики Пантекс, к северо-востоку от Амарилло, Техас.

В Лос-Аламосе тем временем Кен Шиффер, «китайский» специалист контрразведки в ФБР в течение двадцати девяти лет, ушёл в отставку и в 1998 году стал директором внутренней безопасности в лаборатории. Шиффер также попросил, чтобы три учёных-ядерщика в Лос-Аламосе проанализировали документ W-88 для поиска подсказок относительно его происхождения.

Прошлое Шиффера было необычным. Он вырос около Шеридана, штат Вайоминг, где его отец разводил лошадей и крупный рогатый скот, а позже купил ранчо в Кэйси, на землях знаменитых разбойников Дикого Запада Бутча Кэссиди и Сандэнса Кида. Шиффер, поступивший на работу в Бюро после окончания Университета Колорадо, участвовал в родео и выигрывал призы и продолжал заниматься этим и во время своей карьеры в ФБР. В феврале 1970 года он, вероятно, забыл, что был не на полудикой лошади, когда разбил служебный автомобиль ФБР «Плимут Фьюри III».

Как наказание он получил письменное порицание от самого Дж. Эдгара Гувера - «очевидно, что вы не уделяли надлежащее внимание своему вождению» - и, кроме того, был направлен на курсы китайского языка. Вероятно, руководитель ФБР подозревал, что в Китайских кварталах американских городов водятся шпионы, потому что Шиффер был обязан изучать «тайшань», кантонский диалект, на котором говорят многие из старых иммигрантов, приехавших в Соединённые Штаты и открывших тут китайские рестораны.

Шиффер, который вставил письмо Гувера в рамку и повесил его на стену, к большому недовольству своей жены, никогда, вероятно, не стал бы агентом «китайской» контрразведки, если бы не разбил служебный «Плимут». В 1980-х он возглавил «китайский» отдел в полевом подразделении Вашингтона, затем работал в центральном офисе, а позже контролировал контрразведку в Сан-Диего.

Учёные Лос-Аламоса сообщили Шифферу, что документ инициативника о данных W-88, казалось, соответствовал «интерфейсному» документу 1986 года, более ранней стадии создания боеголовки. Этот термин был использован, чтобы описать доклад о достигнутых результатах в осуществлении проекта. Когда Пентагон хочет получить новое ядерное оружие, он составляет «интерфейсный» документ и отсылает его Министерству энергетики и лабораториям, которые проектируют оружие.

Шиффер передал заключения учёных в ФБР, но их выводы не приблизили Бюро к ответу, как китайцы получили детальные сведения о боеголовке. И так как документ циркулировал взад-вперёд всюду по лабораториям и Пентагону, даже если Китай и получил его, не было никакой возможности сказать, в каком именно месте в этой петле, возможно, был разрыв.

Одной из причин разногласий среди экспертов по разведке, которые проанализировали документы инициативника, было очень небольшое несоответствие между размерами W-88 в китайском документе и истинными габаритами боеголовки. Китайские данные, как говорили, отличались на один миллиметр.

Кен Шиффер говорил, что несоответствие могло быть объяснено тем фактом, что документ инициативника был основан на размерах, названных в документе 1986 года.

- Так было на ранней стадии, а потом размеры изменились.

Рэй Уикмен, который возглавлял «китайскую» команду ФБР и позже работал в контрразведке Министерства энергетики, предложил другую причину для крохотного различия в китайских данных от фактических габаритов боеголовки. «В американском документе были данные в дюймах. В китайском документе были размеры в миллиметрах. Если вы, переводя американский документ, перевели дюймы в миллиметры и округлили цифру, а затем перевели всё назад в дюймы, то могло получиться небольшое несоответствие».

Приблизительно через шесть месяцев ведения расследования «Саговая пальма», Диллард решил позвонить «Джейсонам». Скрытная, элитная группа ведущих американских учёных, «Джейсон» («Ясон») - организация использует единственное, а не множественное число в названии - как полагают, насчитывает приблизительно пятьдесят участников, и имена только некоторых из них известны. Дважды в год группа готовит исследования для Пентагона и разведывательного сообщества. Большинство её докладов являются секретными.

Диллард попросил «Джейсонов» и Ричарда Л. Гарвина, блестящего физика-ядерщика и правительственного советника, проанализировать документ W-88. Для помощи были подключены и многие другие учёные-ядерщики.

ЦРУ убедило «Джейсонов» провести совершенно секретное информационное совещание, посвящённое документу и его возможному происхождению. Брифинг состоялся в защищённом помещении SCIF в штабе Корпорации MITRE, которая управляет группой «Джейсон», в городке Маклин, Вирджиния. В SCIF, защищённом помещении, насколько возможно, закрытом от посторонних глаз и ушей, не разрешено пользоваться ноутбуками или другими электронными устройствами. Учёные, по крайней мере, на некоторое время

были лишены своих смартфонов BlackBerry и сотовых телефонов.

«Джейсоны» одобрили методологию «Саговой пальмы» и дали некоторые дополнительные рекомендации. Но даже самые умные учёные могли только предполагать, где или как информация о боеголовке W-88 могла добраться до Китая.

В Министерстве энергетики новый директор разведки Ричардсона, Ларри Санчес, тоже изучал утечку подробностей конструкции W-88. Санчес не был типичным кабинетным правительственным чиновником. Он был родом из Вашингтона, округ Колумбия, где его мать была вице-консулом бразильского посольства. Поработав капитаном наёмной лодки и инструктором подводного плавания, он пошёл на службу в ЦРУ в 1984 году и служил за границей в агентурной разведке в нескольких резидентурах в Восточной Азии. Темноволосый и мускулистый, он участвовал в соревнованиях по тяжёлой атлетике и прыгал с самолёта с парашютом для разрядки. Он пришёл на работу в Министерство энергетики с золотой бусинкой в левом ухе - это была награда, полученная им годом раньше за пятьсот прыжков с парашютом.

Санчес быстро обнаружил, что списки распределения больше чем полудюжины засекреченных инструкций Министерства энергетики, каждая на нескольких страницах и содержащая ту же информацию, что и в китайском документе, распределялись как внутри Министерства энергетики, так и в Министерстве обороны, в вооружённых силах, и среди приблизительно пятисот правительственных учреждений и частных подрядчиков.

Чиновники разведывательного сообщества, проводившие оценку ущерба в 1999 году, думали, что документ, переданный инициативником, очень похож на документ ВМС США, широко распространённый в пределах правительства. В одном только Лос-Аламосе были найдены пятьдесят копий. Документ ВМС был меморандумом заместителя министра обороны по науке и технике, направленным начальнику оперативного отдела ВМС. Оказалось, он был написан в Управлении проектов стратегических систем флота в начале 1980-х.

Различных теорий циркулировало так много, что Диллард был по горло занят, стараясь справиться с этой горой информации, большей частью противоречивой. А потом произошла трагедия. 11 сентября 2001 года в 9.37 утра некоторые из следователей целевой группы Дилларда оказались среди погибших в результате теракта, когда рейс 77 авиакомпании «Американ Эйрлайнз», угнанный террористами, врезался в западную стену Пентагона, убив 125 человек в здании и все 64 пассажира на борту самолёта.

Работа продолжалась, и подразделение Пентагона, часть группы расследования «Саговой пальмы», действительно нашло точное свидетельство происхождения, по крайней мере, одного из документов инициативника. Согласно Дилларду, «Мы нашли один оригинал документа от подрядчика Министерства обороны с теми же самыми схематическими диаграммами, с той же самой информацией, с теми же самыми названиями, и это точно совпадало с одним из документов инициативника, написанных на китайском языке. Но этот документ был не о W-88, это была засекреченная часть одной из систем доставки».

В конце концов, Диллард решил, что китайцы, скорее всего, сводили вместе данные о W-88 и других системах оружия постепенно шаг за шагом на протяжении длительного времени.

- Если посмотреть на все материалы, которые мы исследовали, то мы могли сделать вывод, что утечки, вероятно, либо исходили от многих людей либо были добыты разными путями за многолетний период с 70-х до начала 90-х годов. По словам Дилларда, Китай получил информацию, либо с «помощью шпионов, либо с использованием технических средств, либо из-за небрежного обращения».

После двух с половиной лет руководства «Саговой пальмой» директор ФБР Роберт С. Мюллер в начале 2002 года назначил Дилларда начальником Управления контрразведки в Министерстве энергетики. Управление было создано вслед за случаем Вэня Хо Ли. Диллард оставался старшим чиновником ФБР, командированным на его новый пост в Министерстве энергетики.

Майк Доннер, ветеран контрразведки ФБР, возглавил операцию «Саговая пальма». Доннер, занимавшийся делом шпиона Олдрича Эймса, был хорошо информирован и о загадке W-88, и об истории дела Вэня Хо Ли. Двумя годами ранее он помогал составить Отчёт Беллоуза по этому делу.

Доннер руководил «Саговой пальмой» в течение ещё двух лет. За этот период ФБР проводило и другое исследование, ответвление под кодовым названием «Осадки» («FALOUT»). Если «Саговая пальма» исследовала документы инициативника в поисках подсказок об их происхождении, то операция «Осадки» искала подозреваемых, которые, возможно, допустили утечку сведений о подробностях конструкции W-88. Но ни один не был точно определён или попал под суд.

«Саговая пальма» и «Осадки» оказались неспособны раскрыть тайну того, как Китай получил данные о конструкции самого передового ядерного оружия Америки, или кто допустил утечку информации. В то время как громкий провал дела Вэня Хо Ли привлёк к себе всё внимание средств массовой информации, ФБР, подключив триста человек и десять других учреждений, втайне от публики в течение четырёх с половиной лет изо всех сил старалось найти утечку и разгадать загадку человека, который пришёл в ЦРУ с вещевым мешком, полным тайн. В конечном результате, ответ остался скрыт там, где всё это и началось - в Китае.

Глава 11. Неприятности в раю

Специальный агент Джей-Джей Смит пребывал на верху блаженства. С Катриной Люн как своим «золотым» осведомителем по Китаю он продолжал наслаждаться уникальным статусом в полевом отделении ФБР в Лос-Анджелесе и в штаб-квартире в Вашингтоне. Экстраверт, самоуверенный - кое-кто сказал бы даже нахальный - его не легко было расстроить неожиданными новостями. Но даже Джей-Джей замер, по крайней мере, на мгновение, когда услышал новости, которые «Горничная» привезла из Пекина в марте 1991 года.

На сей раз, она сообщила о чрезвычайной встрече, которая состоялась у неё с Цзян Цзэминем, генеральным секретарём Коммунистической партии Китая, намеревающимся стать президентом Китая, Цзя Чуньваном, шефом МГБ и главным китайским разведчиком, и Мао Гохуа, начальником американского отдела МГБ.

Месяц спустя Джей-Джей Смиту предстояло узнать из перехвата телефонного разговора, осуществлённого Агентством национальной безопасности, что Мао был оператором Люн в МГБ и что она, используя кодовое имя Ло, передавала ему секреты ФБР. Но «Горничная» и словом не намекнула на это, когда Смит опрашивал её в её доме в Сан-Марино.

Так сильно потрясла Джей-Джей Смита тема встречи в Пекине. Цзян Цзэминь и другие высшие китайские чиновники хотели, чтобы Люн стала главным спонсором Республиканской партии. Президент Джордж Буш-старший готовился к избранию на второй срок в следующем году.

По словам «Горничной», как написал Джей-Джей в секретном меморандуме для ФБР, «Секретарь Цзян спросил, 'Каковы шансы президента Буша на переизбрание?'» Люн, ошибочно, как выяснилось впоследствии, осмелилась сказать, что его шансы «превосходны». Как известно, на самом деле Буш потерпел поражение от своего противника от Демократической партии Билла Клинтона.

«Цзян сказал, конечно, мы беспокоимся, потому что мы не знаем, будет ли новый президент столь же дружественным как Буш». Партийный руководитель, по словам Катрины, добавил, что «мы воспользуемся любой возможностью, чтобы поддержать людей, которых мы любим... Было бы хорошо иметь таких друзей как вы (прокитайски настроенных), которые будут вовлечены в американскую политику. Каждая мелочь помогает».

Цзян воодушевился своей темой. «Вы могли бы быть вовлечены на различных уровнях. Если ваша причастность сделает вас

другом Республиканской партии на местном уровне, на уровне штата или на уровне Конгресса, тогда у нас будет одним врагом меньше. Я уверен, что мы окажем вам поддержку, в которой вы нуждаетесь».

Ой-ой-ой. Смит понял, что эта беседа в Пекине с китайскими чиновниками самого высокого уровня касалась оказания влияния на американские президентские выборы. Это была чувствительная, чрезвычайно важная и политически взрывоопасная информация, не того уровня, который агенты контрразведки обычно собирают и сообщают штабу ФБР.

Встреча состоялась ранним утром 4 марта в Чжуннаньхай, комплексе правительственных зданий, граничащем с Запретным Городом в Пекине.*

*Чжуннаньхай, находящийся под охраной и закрытый для публики, является месторасположением центральных органов Коммунистической партии и правительства КНР. Название обычно используется для обозначения центра власти Китая, подобно тому, как американцы называют «Белым домом» президента и его администрацию.

Мао Гохуа спросил Люн, «Как вы можете активно участвовать на этих выборах?» Люн тогда предложила китайским лидерам краткий курс американской политики для новичков (US Politics 101). «Большинство людей начинает на уровне штата. Вы могли бы участвовать в качестве 'важного члена', если вы пожертвуете приблизительно 10 000 долларов Республиканской партии. Тогда вы попадаете во внутренний круг».

Она объяснила, что случится потом. «Тогда вы сможете войти во внутренний круг и на национальном уровне. Конечно, как только вы приглашены во внутренний круг, вас просят и от вас ожидают пожертвований больших сумм различным сборщикам средств».

«Эти группы по сбору средств могут включать группы для президента, сенаторов, конгрессменов и других политических деятелей штата. Все эти люди искали бы вас. Даже люди из

других штатов. И их рука была бы открытой для пожертвований».

Мао спросил: - Когда начинается этот процесс? - За год до проведения выборов, - ответила Катрина. Мао спросил, если мы хотим, чтобы вы были вовлечены, вам следует начать рано, правильно? Люн сказала, да.

Было обсуждение также штаба предвыборной кампании президента Буша, к которому китайские чиновники проявили живой интерес. Мао кратко сообщил Цзян Цзэминю о том, что узнал от Люн о кампании Буша, что «человек по имени Юттер возглавит штаб кампании, сменив человека по имени Этуотер, который очень болен».

Двумя месяцами ранее, Клейтон К. Юттер, выращивавший кукурузу фермер из Небраски и Министр сельского хозяйства в правительстве Буша, сменил Ли Этуотера на посту председателя Национального комитета Республиканской партии. Этуотер, мастер агрессивной политики, попал в больницу как раз в день встречи Люн в Пекине и умер от опухоли головного мозга три недели спустя в возрасте сорока лет. Именно Этуотер, организовав выборы Буша в 1988 году, нанёс сокрушительное поражение кандидату от Демократической партии Майклу Дукакису с помощью знаменитого телевизионного ролика об убийце и насильнике Вилли Хортоне.

Когда примерно через час встреча закончилась, Мао проводил Люн в её гостиницу, где они беседовали ещё четыре часа, согласно сообщению Смита.

«Мао сказал, я получил одобрение для вас, чтобы делать пожертвования для Республиканской партии. Если вы правы, что сумма около 10 000 долларов сделает вас важным членом Республиканской партии, мы хотим, чтобы Вы присоединились к ним в качестве важного члена».

Она ответила: - 10 000 долларов введут меня в круг, но мне понадобится ещё больше денег, чтобы поддерживать усилия длительный период времени.

Мао ответил: - Я знаю, что 10 000 долларов это ничто и для Республиканской партии и для нас. Мы и не ожидаем, что вы сможете хоть кем-то управлять с 10 000 долларов.

Мао тогда объяснил: - Одна из причин, почему мы хотим, чтобы вы продвигались вперёд, таким образом, вы бы укрепили свой имидж и подняли бы ваш статус так, что вы смогли бы оказаться в лучшем положении, чтобы заняться другими вещами. Я ясно понимаю, что, как только вы начнёте этот процесс, это будет бесконечным рядом пожертвований. Если 10 000 долларов будут разумной суммой, чтобы вы смогли попасть «вовнутрь», и если дальнейшее поддержание вас в этом статусе потребует разумной суммы денег, то мы поддержим вас.

Затем Люн и Мао принялись спорить о деньгах.

Она сказала: - Определите свои условия. Что для вас является разумной суммой? Дайте мне бюджет, и я буду работать с ним.

Мао уклонялся. - Мне дали лишь принципиальное разрешение, - сказал он. - Мне не дали никаких подробностей.

В тот же вечер министр Цзя Чуньван, шеф МГБ, появился в гостинице и принял гостей за деловым ужином в номере 17, президентском «люксе». У Цзя «была серьёзная инфекция верхних дыхательных путей» и, заботясь о здоровье своего важного источника, он «настаивал на том, чтобы сидеть, по крайней мере, на расстоянии в 5 футов от источника [Люн], и он прикрывал рот салфеткой, когда говорил». Сильно кашляя, шеф разведки вместо напитков попросил только принести ему горячую воду.

Здесь встреча шпионов приняла фарсовый оборот. Люн настаивала, чтобы он попробовал старое средство от гриппа, любимое китайскими студентами, вскипячённую кока-колу с лимоном.

- Не беспокойтесь обо мне, - ответил руководитель МГБ, - позаботьтесь-ка лучше о Мао, он слишком тощий.

Это было правдой, Мао ответил, что у него язва. Люн сказала, «у меня тоже», а затем Люн и её «куратор» в МГБ «сравнивали симптомы».

Пока чиновники в гостинице обсуждали свои болезни с Люн, Китай готовился праздновать День Лэй Фэна, названный по имени национального героя КНР, двадцатидвухлетнего солдата Народно-освободительной армии Китая, который погиб в 1962 году, когда грузовик, которым он управлял, дал задний ход и врезался в телефонный столб, упавший на Лэй Фэна. Он был позже прославлен пропагандистами Мао Цзэдуна как символ патриотической молодёжи, верности Китаю, и самоотверженной преданности другим. «Учитесь у Лэй Фэна» - такой был лозунг, который вбивали в головы китайских школьников.

Люн заметила: - Вы, вероятно, думаете, что я слишком молода, чтобы помнить Лэй Фэна, но я помню и даже помню песню, которая была написана о нём. Потом она пропела несколько куплетов. «Цзя после этого спел песню полностью к всеобщему развлечению», говорилось в сообщении ФБР.

«Подражайте прекрасному примеру Лэй Фэна, всегда скромного и простого», выводил трели начальник разведки. «Подражайте прекрасному примеру Лэй Фэна, который всегда хранил в своём сердце учение Председателя Мао». И так далее.

После этого группа вернулась к делу. «Министр Цзя сказал, я уверен, что Мао рассказал вам, что как только вы определитесь с бюджетом, чтобы присоединиться к Республиканской партии, мы дадим вам деньги. Не волнуйтесь, что мы не даём вам никаких специальных заданий. Я думаю, что это принесёт вам много пользы, если вы достигнете более высокого статуса, который даст вам лучшую защиту. Если благодаря вам Китай получит какую-то пользу, то тем лучше».

Инструкции Цзя полностью соответствовали концепции «тысячи песчинок». Станьте активным республиканцем, пожертвуйте деньги, и потом посмотрим, что получится. В целом это обсуждение предшествовало намного более

активному и спорному участию китайских спонсоров в избирательной кампании президента Клинтона в 1996 году, где Катрина Люн сыграла роль главного информатора ФБР.

Люн фактически становилась важным спонсором для Республиканской партии. Как уже упоминалось, она дала десять тысяч долларов мэру Лос-Анджелеса Ричарду Джей. Риордану, который проиграл республиканские предварительные выборы на пост губернатора Калифорнии в 2002 году. И после встречи в Пекине Люн и её муж за 1990-е годы внесли приблизительно 27 000 долларов в фонд Республиканской партии.

А спустя всего месяц после встречи Люн с Цзян Цзэминем, Цзя и Мао Гохуа, Билл Кливленд предупредил Джей-Джей Смита, что, по данным аудиозаписи подслушанного телефонного разговора, «Горничная», используя агентурный псевдоним Ло, выдавала Мао тайны ФБР.

То, что она получила свой псевдоним «Ло» ни от кого иного, как от Чжу Цзичжэня, видного чиновника в министерстве иностранных дел Китая, свидетельствовало о значительном росте её значимости. Как заместитель министра, Чжу руководил североамериканским отделом, и был послом в Соединённых Штатах с 1989 по 1993 год. И сам Чжу дал Люн кодовое имя Ло Чжунцань.

Но сигналы тревоги относительно «Горничной» поступали задолго до того, как аудиозапись Агентства национальной безопасности предоставила неопровержимое доказательство, что Люн информировала МГБ. Осенью 1987 года «Горничная» попросила одного служащего в китайском консульстве в Сан-Франциско позвонить ей из телефона-автомата. Это означало, что она предполагала или знала, что консульство прослушивалось ФБР, и должна была сообщить ему что-то, о чём не должно было узнать Бюро.

Если консульство прослушивалось, ФБР могло услышать, как Люн просила, чтобы ей позвонили из телефона-автомата. Или, возможно, ФБР узнало об её просьбе от завербованного источника на месте, который был у Бюро в консульстве в Сан-

Франциско. В любом случае, Бюро начало расследование. Но его быстро прекратили, когда стало известно, что Люн являлась источником Джей-Джей Смита.

В июне 1990 года, почти за год до того, как Джей-Джей Смит и Билл Кливленд узнали о подслушанном телефонном разговоре Люн с Мао Гохуа, ФБР получило информацию, что «Горничная» проинформировала китайцев о подслушивании ФБР китайского консульства в Лос-Анджелесе. Вскоре после этого сверхсложные подслушивающие устройства ФБР внезапно замолчали.

Когда штаб допрашивал Джей-Джей Смита о выдаче Катриной Люн служебной тайны, тот уверял, что «Горничная» не могла бы сообщить китайцам об электронных системах подслушивания в консульстве в Лос-Анджелесе, потому что и сам Джей-Джей не знал об этом. Штаб ФБР принял его объяснение и спустил вопрос на тормозах. Но тогда не было известно, что Люн во время своих свиданий с Джей-Джей спокойно таскала секретные документы ФБР из его портфеля.

Джей-Джей пользовался в то время таким уважением, что штаб ФБР решил, что он может лично справляться с любыми проблемами, касающимися надёжности Люн. Таким образом, инцидент с телефоном-автоматом, информация, что она сообщила китайцам о подслушивании консульства в Лос-Анджелесе, и аудиозапись её переговоров с Мао, всё это оставили в руках Джей-Джей Смита.

Для него это было прекрасно. Эпизод в середине 1980-х показывал, насколько Джей-Джей был уверен, что он может делать всё, что заблагорассудится. Джей-Джей Смит был ведущим агентом в расследовании ФБР своего собственного сотрудника Ричарда Миллера, неуклюжего толстяка, человека ФБР в Лос-Анджелесе, который запутался в романтических связях со Светланой Огородниковой, тридцатичетырехлетней похотливой дамой и агентом КГБ, и в знак своей привязанности передал ей засекреченные документы. Светлана была приговорена к восемнадцати годам; Миллер, первый агент ФБР, который был признан виновным в шпионаже, получил двадцать лет тюрьмы. В то самое время, когда Джей-Джей расследовал

дело Миллера, он беспечно продолжал интрижку со своей собственной любовницей Катриной Люн.

Несмотря на «красные флажки», сигнализирующие об опасности, исходящей от Люн, ФБР с уверенностью полагалось на неё, потому что она прошла два теста на детекторе лжи, и потому что китайский невозвращенец подтвердил большую часть её информации. ЦРУ также с удовольствием пользовалось сведениями, которые она предоставляла Джей-Джей Смиту. Особенно справедливо это было в 1989 году, когда она поехала в Китай вскоре после подавления сопротивления площади Тяньаньмэнь. После возвращения она предоставляла ФБР информацию о политической конкуренции в китайском руководстве в то время, когда почти никакой информации такого рода из Китая не поступало.

Но не все в ФБР и ЦРУ было в восторге от «Горничной». В конце 1980-х Люн привезла видеозапись, которую она сделала в Китае. Билл Кливленд запустил видеозапись для «китайской» команды в полевом подразделении Сан-Франциско.

Он не называл «Горничную» как источник видео, но команда знала, что плёнка поступила от главного источника Джей-Джей в Лос-Анджелесе. Люн пошла в штаб МГБ в районе Западном сада в Пекине. Видеозапись показывала вход, а затем и внутренний двор в штаб-квартире разведслужбы.

Как она могла сделать это, не будучи пойманной? - задавались вопросом некоторые из агентов контрразведки в команде. И офицеры ЦРУ в подразделении Управления в Сан-Франциско тоже выражали сомнения относительно удивительного доступа, которым, похоже, обладал источник Джей-Джей, и развединформации, поставляемой ею из Китая. Это было, как заметил один из сотрудников ЦРУ, «слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Другой сигнал тревоги прозвучал в марте 1992 года после беседы в Лондоне с Хэнсоном Хуангом, адвокатом и выпускником Гарварда, являвшимся ключевым игроком в шпионском расследовании «Ловушки для тигра». После того, как Смит и Кливленд опросили Хуанга в британской столице,

Джей-Джей взял пять дней отпуска и уехал в экскурсионную поездку по Англии.

Без ведома кого-либо в офисе ФБР в Лос-Анджелесе, Катрина Люн вылетела в Лондон, чтобы присоединиться к Джей-Джей в туре по Великобритании. Дороти И. Келли, по прозвищу «Дот», назначенная старшим специальным агентом, руководителем Джей-Джей Смита за несколько месяцев до этого, была от него в восторге. В глазах Келли Джей-Джей не мог сделать ничего неправильного. Они часто обедали вместе. Она решила сделать ему сюрприз, встретив его в аэропорту Лос-Анджелеса, когда он возвращался.

Келли была поражена, увидев, как Джей-Джей и «Горничная», которую она знала, проходят таможню. Они, очевидно, прибыли одним рейсом. Келли приветствовала Джей-Джей и отвезла его домой. Всё время в автомобиле, Джей-Джей волновался, что его начальница заметила Катрину Люн и расспросит его об этом или сообщит в штаб ФБР. К облегчению Джей-Джей она не сделала ни того, ни другого.

В докладе главного инспектора об инциденте было сказано, что старший специальный агент Келли «чрезмерно зависела от Смита, с неохотой противодействовала ему, и была с ним неуместно почтительной». Как рассказывал один агент ФБР в Лос-Анджелесе, «я видел, как Дот приносила кофе Джей-Джей на совещаниях команды».

Следующий сигнал опасности был тоже в 1992 году. Согласно обзору Министерства юстиции, источник ФБР сообщил, что женщина по имени «Катрина» была двойным агентом, «работающим в ФБР». Штаб приказал, чтобы Джей-Джей опросил источника. Джей-Джей отмахнулся, аргументируя, что источник был «лгуном и женоненавистничеством», и, объясняя, что информация точно описала его официально одобренные отношения с Люн как информатором ФБР.

Три года спустя другой инцидент едва не привёл к крушению «Горничной». Старший специальный агент в штабе ФБР насторожился по отношению к информации Люн и всех тех денег, которые ей платило Бюро. Он подозревал, что её

перевербовали и используют против Соединённых Штатов.

Этот агент поручил аналитику ФБР сделать всесторонний обзор досье Люн. Аналитик обнаружил, что Люн не проходила проверки на полиграфе в течение десяти лет, и составил проект письма в Лос-Анджелес с распоряжением провести её проверку на детекторе лжи.

Но старший специальный агент полагал, что штаб не мог заставить полевое отделение действовать, если это не требовалось по правилам. Он смягчил язык сообщения, чтобы из него следовало лишь, что отделению в Лос-Анджелесе стоило бы проверить «Горничную» на полиграфе. Так как это было только предложение, а не приказ, Джей-Джей смог его проигнорировать.

Тяжеловесная бюрократия ФБР пропустила ряд красных флажков тревоги, которые, возможно, разоблачили бы «Горничную» более чем за десятилетие до того, как она была, наконец, поймана. Например, тот старший специальный агент в штабе, который считал, что Люн работает против Соединённых Штатов, был переведён на другой пост ещё до того, как закончил анализ её досье.

Постоянная текучка руководителей ФБР означала, что никто всерьёз не присматривался к Джей-Джей и Люн. Между 1990 и 1996 годами, когда в быстрой последовательности прозвучало сразу несколько тревожных звонков, в штабе сменились четыре старших специальных агента и ещё три старших специальных агента «китайской» команды в Лос-Анджелесе, все ответственные за «Горничную». В результате Джей-Джей был единственным агентом ФБР, который знал полную историю операции «Горничная». И из-за его положения и общепризнанной ценности Катрины Люн как главного информатора Бюро, все эти различные намёки, вызывавшие вопросы о ней, ни к чему не привели.

В октябре 1996 года Дот Келли уехала из Лос-Анджелеса, и Джей-Джей стал её преемником в роли шефа «китайской» команды. Обычно агент контрразведки, который становится руководителем, больше не «курирует» источник. Но престиж

Джей-Джей был настолько высок, что в его случае было сделано исключение. Ему разрешили продолжать руководить «Горничной».

В течение следующих трёх лет Джей-Джей контролировал работу полевого офиса в CAMPCON, расследовании ФБР предполагаемой китайской причастности к президентской кампании Билла Клинтона в 1996 году. Люн стала основным источником для Джей-Джей в расследовании о пожертвованиях в фонд кампании.

В том самом году Джонни Чун, калифорнийский бизнесмен, встретился в Гонконге с генералом Цзи Шенде, начальником китайской военной разведки. Генерал, используя псевдоним, появился из тени у входа на кухню в ресторане, где подают морские ушки. Руководитель разведки, как свидетельствовал позже Чун на заседании комитета Палаты представителей, выслал ему 300 000 долларов и сказал, что надеется, что деньги будут использованы, чтобы помочь президенту Клинтону выиграть выборы. Приблизительно 35 000 долларов из общей суммы действительно были вложены в кампанию. «Нам действительно нравится ваш президент», сказал генерал Цзи, как утверждал Чун.

Это было взрывоопасное свидетельство, и из-за него Джонни Чун оказался в центре расследований Конгресса и Министерства юстиции о китайском влиянии на избирательную кампанию президента Клинтона. Именно Джей-Джей Смит допрашивал Чуна для ФБР.

Затем Джей-Джей охранял Чуна, когда тот получал таинственные угрозы убийства от некоего калифорнийца, намекавшего на то, что Чун проживёт значительно дольше, если воздержится от дальнейших показаний. Среди других проблем, которые ФБР было позже вынуждено вновь расследовать, был и вопрос, не могла ли Катрина Люн подбросить Бюро умышленную дезинформацию в его расследовании CAMPCON о роли Китая в кампании Клинтона.

Джонни Чун признал себя виновным в 1998 году в банковском мошенничестве и в других обвинениях, связанных с

незаконными пожертвованиями в фонд кампании. Он был приговорён к пяти годам пробации (условного осуждения с пребыванием на свободе под надзором полиции) и трём тысячам часов общественных работ. Генералу Цзи повезло куда меньше. Его поймали на растрате и коррупционном скандале, в котором, как говорили, были замешаны миллионы долларов, вложенные в оружие, престижные автомобили и даже в танкер с сырой нефтью, ввезённой контрабандно в Китай через юго-восточный порт Сямынь. Вначале генерала в 2000 году приговорили к смертной казни, но, в конечном счёте, наказание было смягчено до пятнадцати лет тюрьмы.

Катрина Люн энергично и публично защищала своего друга Тэда Сьонга, тоже ставшего объектом расследования незаконного финансирования кампании. Китайское консульство в Лос-Анджелесе выдало чек на 3 000 долларов гостинице, принадлежавшей Сьонгу. Когда эту историю опубликовал журнал «Ньюсуик», то едва не раскрыл тем самым факт, что ФБР установило свои электронные устройства в копировальные машины консульства. В 1980-х Сьонг, бизнесмен-миллионер из Индонезии, заключал контракт с китайским правительством, чтобы продавать за границей самые популярные китайские сигареты «Хунташань», импортируемые за рубеж под маркой «Гора Красной пагоды». Сьонг через свою дочь пожертвовал 250 000 долларов Демократическому Национальному комитету, направляя средства Джону Хуангу, другой ключевой фигуре в расследовании CAMPCON.

Сьонг переехал в Лос-Анджелес, где стал влиятельным лицом в азиатском сообществе и сотрудничал с Люн в проведении некоторых местных мероприятий. Ему также принадлежала пропекинская газета, издающаяся на китайском языке в Монтерей-Парке, городке под Лос-Анджелесом, где проживала наибольшая в округе китайская община. Заметная фигура, с густыми седыми бакенбардами, Сьонг сидел рядом с вице-президентом Элом Гором на печально известной акции по сбору средств для Демократической партии в буддистском храме в Хасиенда-Хайтс, Калифорния, в апреле 1996 года.

И Генеральный прокурор Джанет Рино и директор ФБР Луис

Фри сказали расследователям Сената, что в их руках были достоверные разведывательные сведения, как сообщалось, полученные путём электронного перехвата, связывающие Сьонга с попытками китайского правительства повлиять на американские выборы через вклады в фонды кампании. Сьонг отрицал, что он или его семья когда-либо действовали в качестве агентов китайского правительства. Люн в интервью газете «Лос-Анджелес Таймс» в 1997 году назвала сообщения о Сьонге «чушью».

- Если бы Китаю нужен был хороший агент, зачем бы ему обращаться к кому-то, кто не знает Соединённых Штатов и недостаточно хорошо говорит по-английски? - спросила она. При ретроспективном взгляде её комментарий звучит иронично. В то время, когда она высмеивала сообщения, что Сьонг был китайским агентом, сама она передавала китайскому МГБ тайны ФБР.

В конце 1990-х ФБР обнаружило, что некоторые из его операций стали известны противнику, и несколько информаторов, первоначально завербованных Бюро, были арестованы и допрошены в Китае. Как правило, ФБР не управляет информаторами за границей; это, прежде всего, работа ЦРУ, прозванного агентами контрразведки ФБР «кузенами». Когда ФБР вербует источник развединформации, студента или бизнесмена, например, то если завербованный возвращается в Китай, его или её обычно передают ЦРУ. После того, как были обнаружены утечки и проблемы в Китае, была сформирована специальная целевая группа контрразведки для расследования случившегося. Частью работы целевой группы должен был стать и анализ досье Катрины Люн.

Затем весной 2000 года осведомитель, которым руководило полевое отделение Сан-Франциско, являвшийся двойным агентом для ФБР и для китайской разведки, сообщил, что Люн работала на секретную службу КНР и имела источник в ФБР. Хотя источником в ФБР был, очевидно, сам Джей-Джей, руководитель подразделения в штабе рассказал ему об этом сообщении. Осведомитель также утверждал, что Люн сообщила китайцам, что он, осведомитель, был источником ФБР.

Штаб ФБР приказал, чтобы целевая группа расследовала сведения осведомителя, но расследование шло очень медленно и, в конечном счёте, закончилось неудачей, не сделав выводов. Позже в том же 2000 году, тот самый осведомитель сообщил, что Люн была «в постели с» подразделением ФБР в Лос-Анджелесе. И хотя это было абсолютно верно, начальники Джей-Джей в штабе не воспользовались этими сведениями.

В ноябре 2000 Джей-Джей Смит вышел в отставку. На вечеринке по случаю его отставки собралось множество сотрудников ФБР и других разведчиков, включая некоторых из ЦРУ. Происходило это в престижном калифорнийском загородном клубе «Ривьера Кантри Клаб». И мало кто удивился, когда Катрина Люн, постороннее лицо, появилась в клубе рядом с женой Джей-Джей Смита и его сыном. И едва ли хоть кто-то, казалось, заметил, когда «Горничная» установила видеокамеру на треноге в задней части помещения и записывала все речи и все лица в толпе.

В декабре Джей-Джей Смита удостоили прощальных почестей. Директор ЦРУ Джордж Тенёт наградил его Национальной медалью за заслуги в разведке, что увенчало его тридцатилетнюю карьеру в ФБР.

Несмотря на медаль и празднование отставки, у Джей-Джей было плохое предчувствие. Операция «Горничная» была рискованным делом. Её контакты с большинством влиятельных руководителей Китая и его разведывательной службой, рано или поздно, должны были принести неприятности. Как квалифицированный игрок в игру «Whac-a-Mole» («Прихлопни крота» - игра для игровых автоматов), Джей-Джей Смит смог приглушить сигналы опасности и открутиться от вопросов, которые продолжали выскакивать. Но он был теперь вне Бюро и больше не управлял операцией. Отныне конец его везения мог быть только вопросом времени.

Глава 12. «Небесный трон»: шпион, которого не было

Это началось вполне невинно. Его ноутбук забарахлил, поэтому

Джеффри В. Ван, инженер компании «Рэйтеон» в Эль-Сегундо, Калифорния, вызвал службу технической поддержки компании. Произошло это в августе 1999 года.

Приехавший компьютерщик долго возился с ноутбуком и, наконец, решил проблему. Ван, в то время тридцатисемилетний инженер на предприятии, являющемся подрядчиком Министерства обороны, больше не думал об этом. Но довольно скоро ему позвонила женщина из отдела безопасности фирмы «Рэйтеон».

Не мог бы Ван зайти к ней? Есть кое-какие проблемы с чем-то в его ноутбуке, и следователь военно-воздушных сил хотел бы поговорить с ним, чтобы решить их.

Ван не возражал. Он работал в подразделении «Рэйтеон», разрабатывавшем радары для самолётов, в том числе для таких, как реактивные истребители F-15 и F-18 и бомбардировщик «Стелс» B-2. У него были и постоянное разрешение от службы безопасности, и «специальный допуск» с разрешением даже для самых секретных объектов. Он знал, что ВВС всегда заглядывают через плечо подрядчика, чтобы удостовериться в надёжности систем безопасности.

Это было неудивительно - «Raytheon's Space and Airborne Systems», предприятие фирмы «Рэйтеон» в городе Эль-Сегундо, создающее космические и авиационные системы, разрабатывало не только бортовые радары, но и множество сложных систем радиоэлектронной борьбы, радары для электронного сканирования, космические и ракетные технологии, и системы разведки и наблюдения.

Ван встретился со следователем ВВС, который показал своё удостоверение и попросил Вана пройти тест на детекторе лжи. Проверка на детекторе лжи, как предполагалось, должна была пройти на авиабазе ВВС в Эль-Сегундо. Но в этот раз произошло изменение: Ван должен был прибыть не на авиабазу, а в офис ФБР на Бульваре Уилшир в Лос-Анджелесе. К Вану, всё ещё беззаботному, прикрепили провода полиграфа. Прибор включили, и Вану задали пять вопросов.

Оператор полиграфа исследовал напечатанную диаграмму.

- Вы не сказали правду о ваших иностранных контактах,- сообщили Вану.

Американец, родившийся в Гонолулу, Ван не мог вообразить, о чём говорил человек ФБР. Он и не думал о каких-то иностранных контактах.

После детектора лжи Вана допросил специальный агент Гил Кордова. Высокий, крупный человек, ветеран бюро, Кордова был агентом контрразведки в течение четырнадцати лет. Он работал в офисе ФБР в Лонг-Бич, но приехал в Лос-Анджелес для допроса Вана.

- Будьте мужчиной, - уговаривал Кордова Вана. Потом он рассказал ему историю. - Однажды, когда я был молод, я попал бейсбольным мячом в окно. Сначала я отрицал это. Потом я встал как мужчина, и признался.

Вана это не впечатлило. Разбить бейсбольным мячом окно? Это походило на Допрос 101 (начальный уровень для новичков). Теперь ему пришла мысль, что проблемы с его ноутбуком, возможно, не были случайны. Он заподозрил, что компьютер испортили, что это было уловкой службы безопасности, чтобы привести его в офис ФБР в Лос-Анджелесе для допроса. По непонятным для него причинам он, так или иначе, подпадал под подозрение.

Это походило на сценарий, написанный Кафкой. Ван был расстроен, а затем вспомнил: у него был друг в ФБР, в том самом здании. Дениз Ву была специальным агентом в Лос-Анджелесе и другом детства жены Вана, Дайаны.

Дайана Мисуми родилась в Лос-Анджелесе. Её родители были по происхождению американскими японцами, американцами во втором поколении. Во время Второй мировой войны в панике после Пёрл-Харбора, когда десятки тысяч американских японцев были интернированы, мать Дайаны, Грейс, и мать Дениз Ву, Сара, были обе отправлены в «центры переселения». Мать Ву была американской японкой, а её отец - наполовину

китайцем.

Эти две семьи были близки; они вместе ездили в туристические походы, а старший брат Джеффа Вана и младший брат Дениз были одногодками и дружили ещё со школы. Из офиса ФБР Джефф позвонил своей жене, которая позвонила Дениз Ву.

Если Джеффа пригласили в ФБР, то можно ли было бы устроить так, чтобы Дениз поговорила с ним и попыталась помочь? Дениз симпатизировала ему, и потому после звонка от своей жены Джефф позвонил Ву.

Она выслушала, что случилось, и спросила Вана, - Было хоть что-нибудь, что могло бы вызвать такой результат проверки на полиграфе? Но Вану ничего не приходило в голову. Дениз сказала, что она придёт навестить его, как только она появится в офисе.

Без ведома Джеффа Вана и его жены ФБР разрабатывало Вана уже больше года. ФБР дало этому делу кодовое название «ETHEREAL THRONE» («Небесный трон»). Джей-Джей Смит, как руководитель «китайской» команды контрразведки, отвечал за расследование. Ведение следствия он поручил Кордове и двум другим агентам, Серене Олстон и Брэйди Гилберту.

Джефф Ван не знал ничего этого. Не знал он и того, что специальному агенту Дениз Ву также поручили заниматься его делом почти годом раньше, как раз из-за её дружбы с Ваном и его семьёй. Ван явился в ФБР в полдень, сейчас было уже шесть часов вечера, а он всё ещё сидел в офисе Бюро на Бульваре Уилшир. Кордова сказал ему, что ФБР хотело бы обыскать его дом. Так как у Вана не было ничего, что следовало прятать, он позвонил Дайане, и она согласилась на обыск. Джефф подписал расписку, разрешающую Бюро провести обыск.

Когда Дениз Ву появилась, она предложила провести Вана до дома. Он почувствовал облегчение, увидев, что его подруга будет присутствовать, и поехал домой, а Ву сопровождала его в своей машине.

В доме Ву и другой агент ФБР сидели в гостиной комнате с Джеффом и Дайаной. Приближалось время сна для двух маленьких детей Вана, трёхлетнего Дэниела и Киане, годовалой девочки.

В половине десятого вечера более дюжины агентов ФБР во главе с Джей-Джей Смитом добрались до дома Вана. Джефф не ожидал такой большой группы. Агенты забрали домашний компьютер Вана. Дайана тщетно протестовала, что в компьютере хранились и её собственные личные файлы. Как практикующий клинический психолог, она специализировалась на лечении детей. Компьютер содержал конфиденциальные сведения о детях, которые были её пациентами.

Агенты обыскали дом сверху донизу. Они изъяли компакт-диски, ноутбуки и дискеты, и открыли письма, которые поступили на электронную почту. Три агента перерыли игрушки в комнате трёхлетнего сына, пока трое других копались в игрушках годовалой дочки.

Дэниел был расстроен, потому что в компьютере была его любимая игра «Грузовик Тонка». Много дней позже он спрашивал отца, «Когда эти плохие люди собираются вернуть мою игру?» Но компьютер, с игрой «Грузовик Тонка» и с конфиденциальными файлами Дайаны, оставался в руках ФБР.

Пока обыск продолжался, Джей-Джей попросил Джеффа о конфиденциальной беседе. Они вошли в спальню родителей, и Джей-Джей представился.

- Китай в суматохе, сказал Смит, это же ваша родина. Люди выдают друг друга. Если люди называют вас, то и вы должны назвать их.

Джефф про себя подумал, но не сказал, «я не знаю о чём, чёрт возьми, вы говорите».

- Подумайте, кого вы знаете, у кого есть контакты с Китаем, убеждал его Джей-Джей.

Ван был ещё более озадачен, чем когда-либо. Его отец приехал

из Китая перед захватом власти коммунистами в 1949 году, чтобы изучать науки в Нью-Йорке. Он стал радиологом и обосновался на Гавайях. Мать Джеффа была хоть и китайского происхождения, но американкой уже во втором или третьем поколении, выросшей в Нью-Йорке. Джефф окончил Калифорнийский университет в Беркли и получил степень магистра по электротехнике в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В 1983 году Ван поступил на работу в авиастроительную компанию «Хьюз Эйркрафт», которая слилась с «Рэйтеон» в 1997 году, и он работал на эти две компании в течение уже шестнадцати лет.

Он ни слова не знал по-китайски и не чувствовал личной привязанности к Китаю, где он никогда и не был.

- Большинство моих друзей - японские американцы,- сказал Ван Джей-Джей Смиту.

Он был сбит с толку тем, что случалось. Сначала ВВС разрабатывали его, теперь ФБР. Ему сказали, чтобы он поступил как мужчина, встал и признался, но в чём признаваться? Люди в Китае называли его, намекнул Джей-Джей, и он, как предполагалось, должен был назвать их. Назвать, но кого? Это было нереально.

- Могло ли это как-то быть связано с его семьёй?- спросил Джефф. - Нет, - сказал Джей-Джей, - это не при чём. Независимо от того, что подразумевал Джефф, он получал один и тот же ответ: - Это не это. Беседа зашла в тупик.

Хотя об этом упоминалось в очень немногих словах, Вану стало ясно, что ФБР подозревает его в шпионаже в пользу Китая. Пока обыск его дома продолжался, Дениз Ву также говорила с Джеффом. Она поощряла его подумать о ком-то, кто мог бы обвинить его в передаче тайн Китаю. Были ли у него враги?

Джефф замучил свой мозг, роясь в памяти, вспоминая о событиях двадцатилетней давности в средней школе, пытался думать о сотрудниках, знакомых, всех, кто, мог бы высказать такое ужасное обвинение. Он назвал Ву несколько имён, но не был уверен, что кто-то из них стал причиной ужасных

неприятностей, в которых он теперь оказался.

Группа агентов ФБР продолжала обыскивать дом. Они прочесали автомобили Вана, и его чердак, всё-всё. Уже было два часа утра, когда они, наконец, уехали, спустя четырнадцать часов после того, как Джефф зашёл в офис ФБР на Бульваре Уилшир, чтобы пройти тест на полиграфе.

Кошмар для Джеффа Вана и его жены только начался. Тень подозрения, нависающая над ним, стоила ему работы в фирме «Рэйтеон». Подрядчик не хотел, чтобы инженер, попавший под подозрение ФБР, продолжал работать над радарами для самых сложных реактивных истребителей ВВС и бомбардировщика «Стелс». Джефф был временно отстранён от работы и потерял свой специальный допуск. Без допуска ему трудно было бы найти новую работу в аэрокосмической промышленности.

Для Дениз Ву «Небесный трон» стал иным видом испытания. Чрезвычайно лояльная по отношению к Бюро, она оказалась в сложнейшем положении. С самого начала она очень сомневалась, что Джефф мог сделать что-то неправильное. Тем не менее, ей приходилось скрывать от давнего друга семьи, что примерно одиннадцатью месяцами раньше ей тоже поручили выслеживать его.

Ещё хуже: после того, как Вана вызвали в ФБР, ей приказали возобновить их дружбу, использовать её в своих интересах, и ещё сильнее сблизиться с Джеффом. Шпионить за шпионом, так сказать. Дениз Ву никогда не ожидала, что окажется в такой трудной ситуации, когда пришла на службу в Бюро в 1994 года. Она начала свой путь в колледже в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, затем окончила школу бизнеса в Университете Южной Калифорнии.

Когда Ву поступила в ФБР, ей было около тридцати пяти лет, и её послали на обучение в Академию Квантико, Вирджиния, затем направили в подразделение ФБР в Лонг-Бич, Калифорния, для расследования беловоротничкового преступления. Там она произвела очень хорошее впечатление на своего босса, специального агента Джека Келлера, красивого ирландца с квадратной челюстью и ветерана Бюро,

который помог ей в изучении мастерства уголовного расследования. Американские прокуроры и другие правительственные чиновники, с которыми она работала, очень хвалили Ву как первоклассного агента.

Время от времени коллеги-агенты предлагали Ву из-за её азиатского происхождения пойти работать в «китайской» контрразведке. Хотя её мать была американской японкой, а отец наполовину китайцем, сама Ву, калифорнийка в четвёртом поколении, не умела ни писать, ни говорить по-китайски. Она не заинтересовалась советом своих коллег, частично потому что в ФБР существовало убеждение, разделявшееся некоторыми агентами, что если вы не достаточно хороши для расследования уголовных преступлений, тогда вы закончите в контрразведке. В результате этого контрразведка (CI) не считалась лучшим путём для карьеры.

В сентябре 1998 года Гил Кордова направил старшего специального агента на встречу с Ву. На неё оказали давление, чтобы она согласилась на перевод в контрразведку. Бюро, сказал старший специальный агент, знало, что Ву знакома с Джеффри Ваном. У ФБР были убедительные улики, что Ван шпионил в пользу Китая, продолжал контролёр, но оно было ещё не в состоянии доказать его вину в суде, и потому нуждалось в её помощи. Старший специальный агент размахивал флагом: это - то, что означает быть американцем, сказал он, это - то, для чего вы пришли в Бюро.

Ву неохотно согласилась помочь трём агентам, проводившим расследование «Небесный трон». Она предоставила им информацию об истории семьи Джеффа и о длительной дружбе её семьи с семьёй Вана.

В начале 1999 года Ву решила, что ей, наверное, стоило бы уйти из отдела в Лонг-Бич и попробовать что-то новое. В июне её просьбу одобрили, и она была переведена в Лос-Анджелес, в подразделение, расследующее преступления, связанные с детской порнографией, прослеживая сексуальных преступников в Интернете. Вот потому и случилось так, что она была в офисе на Бульваре Уилшир в тот день, когда Джеффа вызвали в ФБР и проверяли на детекторе лжи.

К тому времени Ву уже подобрала некоторые из деталей, которые привлекли подозрения к Джеффу. Но она не знала всего.

Она не знала предыстории, начавшейся в Сан-Франциско. Дэйв ЛеСюер был агентом контрразведки ФБР в том городе, в «китайской» команде. ЛеСюер, человек с излишним весом, говорил медленно и всегда, казалось, чувствовал себя недооценённым. Но у него было два положительных качества. Он говорил на кантонском диалекте, и, возможно, благодаря этому он завербовал и вёл несколько полезных осведомителей, включая двух женщин.

Но лучший осведомитель ЛеСюера был человеком, который за эти годы предоставил много ценной информации ФБР. Источник не работал в китайском консульстве в Сан-Франциско. Но ему, похоже, доверяли китайские чиновники, потому что кое-какие сведения, которые он предоставлял Бюро, были слишком интригующими, чтобы их можно было узнать, просто слоняясь по барам в Китайском квартале Сан-Франциско. ФБР решило, что источник, хотя и предоставлял полезную информацию Бюро, контролировался китайской разведкой.

Где-то в 1990-х осведомитель ЛеСюера переехал в Лос-Анджелес. Причина переезда осталась тёмной, но, возможно, это была романтическая история, потому что когда-то в этот период он, кажется, женился. Хотя источник переехал, агент ЛеСюер продолжал его курировать.

В сентябре 1997 года информатор сообщил ФБР историю, которая и вызвала расследование под кодовым наименованием «Небесный трон». Он утверждал, что встретил китайского офицера разведки, или IO, в гостинице в Сан-Габриэль-Вэлли. Офицер, как утверждал источник ФБР, не говорил по-английски, но попросил, чтобы он набрал номер телефона в Торрансе, Калифорния.

Человек ответил на звонок, продолжал информатор ФБР, и сказал, что он ожидал звонка. Далее информатор, как

проинструктировал его китайский разведчик, сказал этому человеку, чтобы тот приехал в гостиницу. По рассказу источника, человек, которому он звонил, приехал в гостиницу и обменялся конвертами с IO. Хотя осведомитель не мог видеть, что было в конвертах, он предполагал, что наличные деньги обменяли на секретные документы.

Конверт, который человек принёс в гостиницу, был достаточно большим, чтобы содержать документы, сказал осведомитель. И конверт, который дали тому взамен, выглядел в точности как тот, в котором ему самому дали деньги. Это было интересным утверждением, потому что, если это было правдой, то означало, что осведомителю, который числился в платёжной ведомости ФБР, заплатил также и Китай.

Расследуя историю информатора, Серена Олстон, Кордова и Гилберт смогли получить распечатки телефонных звонков, из которых следовало, что телефонный звонок был сделан из номера, в котором был зарегистрирован предполагаемый китайский разведчик. А вот номер, на который тот звонил, был номером домашнего телефона Джеффа Вана.

Теперь у ФБР был подозреваемый. Разрешение на основании Закона о наблюдении за иностранными разведками (FISA) было получено, и бюро начало прослушивать телефоны Джеффа. Контрразведка - трудное и часто сложное дело. У ФБР не было никаких причин сомневаться в истории осведомителя. Он был давним источником Бюро и всегда предоставлял полезную информацию.

Но проблемы с «Небесным троном» были с самого начала. МГБ часто вербовало людей, приглашая их в Китай. Олстон и другие агенты не могли найти связей между Джеффом и Китаем. Тогда они начали исследовать его родственников, чтобы увидеть, не наведут ли они их на какой-то след.

Отец Джеффа, как узнало ФБР, эмигрировал из провинции Шанхай в 1920-х. Но Бюро не смогло найти его иммиграционного досье, в котором мог бы быть список его родственников. Вероятно, досье его отца был потеряно или уничтожено.

Тем временем с помощью Дениз Ву Джефф изо всех сил старался выяснять, кто мог бы побудить ФБР подозревать его как шпиона. Он ничего не знал об истории, рассказанной осведомителем, о звонке по телефону из гостиницы, или об обмене конвертами.

Отец Джеффа умер в возрасте семидесяти двух лет в июле 1999 года, за месяц до того, как Джеффа вызвали на допрос в ФБР. Он спросил свою мать, знала ли она кого-то, у кого могла бы быть причина обвинить его. Она смогла пролить первый лучик света на тайну.

Он узнал от неё, что родственники его отца в Лос-Анджелесе утверждали, что отец, когда он был ещё жив, пообещал помочь им деньгами. Однако в его завещании ничего такого не было. Но родственники утверждали, что он говорил им, что, если они будут нуждаться в деньгах, он попытается помочь им.

К этому моменту Дениз Ву была уже совершенно уверена, что Джефф Ван невиновен. Она предполагала это всё время. Но теперь она узнала, что были семейные разногласия вокруг денег, и это могло бы стать ключом к загадке. Джефф дал ей имена нескольких родственников, которые, по его мнению, могли злиться на него из-за денег, якобы обещанных им его умершим отцом. Ву передала имена своим начальникам в ФБР, но ей сказали, что ни один из тех людей не был осведомителем, который «навёл» на Джеффа.

Тем временем Ву узнала, что, хотя распечатка звонков из гостиницы показывала, что звонили на номер Джеффа, но продолжительность звонка составляла только тридцать секунд. После шести гудков звонок был бы зарегистрирован, даже если бы на него не ответили. Не было ясно, поднял ли кто-то трубку в доме Вана, и, даже если и так, то не сказал ли человек, который ответил, или сам звонивший, что это просто ошиблись номером.

Когда ФБР исследовало компьютер, изъятый агентами из дома Джеффа, то помимо игры «Грузовик Тонка» его сына Дэниела, они нашли там несколько связанных с работой документов из

«Рэйтеон», но ни один из них не был секретным. И в компьютере не было ничего, чтобы предположить, что Джефф Ван был не совсем лояльным американским гражданином.

Расследование ФБР было остановлено. Оно шло полным ходом больше года, и Бюро никак не приблизилось к доказательству его вины. Кроме того, расследование было разделено между Лос-Анджелесом, где Джей-Джей Смит был старшим специальным агентом, контролировавшим работу Олстон, и Лонг-Бич, где агент по имени Линас Данилевичюс был старшим специальным агентом Кордовы.

Установив «жучки» в доме Вана, ФБР подслушивало, как Джефф обсуждал расследование, пытаясь выяснить, кто навёл подозрения на него, говорил с матерью о своих родственниках, и упоминал разных теть и дядей. К этому времени ФБР узнало имена многих родственников, хотя старое иммиграционное дело его отца так и не нашли.

Проверяя их имена, Олстон заметила, что одной из кузин Джеффа, племяннице его отца, принадлежал дом, и что у совладельца дома, её мужа, было то же самое имя, что и у осведомителя ФБР. Это казалось случайным совпадением. Но тут была причина для этого.

Её муж, совладелец дома, действительно *был* тем самым осведомителем.

Теперь ФБР столкнулось с тем, что осведомитель, на которого оно полагалось в течение многих лет, скрыл тот факт, что его жена была кузиной Джеффа Вана. Когда его прямо об этом спросили, осведомитель отрицал, и продолжал отрицать, что он знал, что его жена была родственницей Джеффа. В конечном счёте, он признал, что Джефф был кузеном его жены, но утверждал, что сам он этого не знал.

Вся история осведомителя разваливалась. Под нажимом Бюро он признал, что на самом деле встречался с Джеффом. Это было, сказал источник, на большом семейном обеде. Но информатор уверял, что они не разговаривали, потому что Джефф не говорил на китайском языке в отличие от всех

остальных.

Эта встреча состоялась приблизительно за год до того, как осведомитель рассказал свою историю ФБР. Родители Джеффа навестили его и Дайану и устроили большой семейный обед в Монтерей-Парке. Джефф впервые встретил брата своего отца, так же как племянника своего отца, племянницу, и других родственников. Осведомитель был там.

Теперь картина была ясна. Джей-Джей Смит, Олстон и ФБР не верили рассказу осведомителя. Он использовал свои отношения с ФБР, чтобы решить личные проблемы. Он выдумал всю историю. Позже, когда офис в Сан-Франциско расследовал эти неприятности, то пришёл к выводу, что осведомитель всё время хорошо знал, что его жена была кузиной Джеффа.

- Его просто подставили, - прямо сказал один старший агент ФБР.

Если тучи поддельного обвинения в шпионаже, нависавшие над Джеффом Ваном, теперь рассеивались, то другая буря собиралась обрушиться на Дениз Ву. Ей приказали стать доверенным лицом Джеффа. Он в течение многих месяцев пытался выяснить, кто навёл на него подозрения и почему. Поэтому было логично, что Ву, убеждённая в его невиновности, поддерживала бы его усилия.

Но ФБР рьяно охраняет идентичность своих источников. И агенты Бюро, подслушивавшие телефонные разговоры Джеффа с Ву, решили, что она пересекла грань, даже затронув в беседах с Джеффом вопрос, кем мог бы быть обвинивший его человек. То, что сам Джефф размышлял о том, кто из его родственников мог бы испытывать к нему неприязнь, казалось, не имело значения. И при этом, похоже, не имело значение и то, что ФБР специально поручило Ву завоевать доверие Джеффа, выслушивать его с сочувствием, и действовать как его друг.

На протяжении недель после того, как Ван был вызван в Бюро, Ву доказывала своим начальникам, что он невиновен. Она со всех сил пыталась узнать, какие есть доказательства вины

Вана. Ей сказали, что она стала жертвой своего рода «стокгольмского синдрома», оказавшись слишком близкой к человеку, которого подозревали в шпионаже.

В ноябре ФБР допросило Ву. Она отрицала, что обсуждала личность осведомителя с Джеффом, или давала ему какие-то подсказки, или намекала на то, что его телефон прослушивается. То, что ФБР прослушивали телефоны семьи Ван, едва ли удивило бы Джеффа, инженера; он и Дайана предполагали это с того самого момента, когда агенты ФБР обыскивали их дом. Спустя несколько недель после этого допроса ФБР временно отстранило Дениз Ву от службы.

Оказавшись теперь в сложной ситуации, Ву наняла адвоката Марка С. Харриса, который сотрудничал с нею в уголовных делах, когда он был помощником американского прокурора в течение восьми лет.

- Она была фантастическим агентом, - говорил он. - Она была великолепной, чрезвычайно прилежной и добросовестной.

Но маленькая юридическая фирма Харриса не могла справиться с таким делом, потому что расследование Ву обещало оказаться долгим и трудным. Марк Холшер, в то время работавший в адвокатской фирме «О'Мелвени энд Майерс», занялся этим делом бесплатно.

Федеральные обвинители собрали большое жюри - не для того, чтобы заняться расследованием того, как осведомитель ФБР лгал Бюро и представил невинного человека как китайского шпиона, но чтобы выстроить обвинение против Дениз Ву, агента ФБР, пытавшейся помочь несправедливо обвинённому восстановить своё доброе имя.

Джеффа и Дайану Ван вызвали, чтобы дать свидетельские показания перед большим жюри. Обвинители запустили аудиозапись телефонного разговора между Дайаной и её матерью. Лента подтвердила подозрения семьи Ван, что их телефоны прослушивались. На ленте Дайана очевидно сказала своей матери, что позвонит ей по другой линии. Правительство запустило аудиозапись, чтобы попытаться показать, что

супруги Ван знали о прослушивании, и им это кто-то подсказал.

Ву по-прежнему была временно отстранена от службы в ФБР. В начале 2003 года, через четыре года, Бюро уволило её. В августе 2004 года Дениз Ву предъявили уголовное обвинение из пяти пунктов за предполагаемое раскрытие Вану личности «тайного агента», предполагаемое сообщение Джеффу, что его телефон прослушивается, и за ложь, когда она отрицала, что совершала какое-либо из этих действий. Если бы её признали виновной, то ей грозило бы минимальное тюремное заключение сроком на десять лет. 6 декабря она была привлечена к суду и освобождена под залог в размере 50 000 долларов.

Правительство набросилось на Дениз Ву, несмотря на то, что его дело против Джеффа Вана было полностью раскрыто. Судебное преследование Ву содержало ряд скрытых рисков для ФБР, которое вовсе не мечтало, чтобы общественность узнала, что один из видных осведомителей «китайской» контрразведки оклеветал невинного человека. В обвинительном акте Ву имя Вана не называлось. Он был упомянут только по инициалам как «Джей. В».

Столкнувшись с пятью пунктами обвинения в уголовном преступлении и возможностью оказаться на десять лет в тюрьме, Ву по совету её адвокатов, согласилась принять соглашение о признании вины. 6 июня 2006 году она признала себя виновной в единственном проступке - раскрытии конфиденциальной информации.

Изначальные обвинения, что она идентифицировала источник ФБР, намекнула Вану о прослушивании, и давала ложные показания, отрицая, что она это сделала, были вычеркнуты. И в соглашении о признании вины она не заявляла, что раскрыла Джеффу личность осведомителя.

Соглашение было сформулировано хитро, ловко обходило тему и неявно намекало, что Ву сообщила имя источника, но прямо этого не говоря. Соглашение о признании вины утверждало, что Ву «обсуждала, и таким образом раскрыла Джей. В. конфиденциальную информацию относительно идентичности тайного осведомителя ФБР». Формулировка не утверждала, что

Ву раскрыла личность осведомителя, только что она раскрыла информацию «относительно идентичности». Это могло означать почти всё что угодно, возможно, что-то столь же безвредное как поддержку предположения Джеффа, что кто-то из его родственников или родственников по браку, затаив на него злобу из-за имущества его отца, мог его оклеветать.

30 октября 2006 года, спустя семь лет после того, как она была отстранена ФБР от службы, Ву была приговорена судьёй окружного суда Робертом Гэри Клаузнером к условному сроку в форме пробации и к штрафу в одну тысячу долларов.

- Это своего рода сладко-горькое окончание затяжной и длительной трагической несправедливости, - сказала Ву после приговора. - Мне стало легче, что после долгих лет ложных обвинений, моя семья и я сможем, наконец, вернуться к нашей обычной жизни.

Марк Холшер критиковал преследование Ву правительством.

- Очень прискорбно, что именно ФБР хотело предъявить обвинение Дениз, - сказал он. - Она любила Бюро. Она вынуждена была оказаться в ужасной ситуации, ведя расследование против друга её семьи. У ФБР есть принципы и процедуры, касающиеся агентов, работающих под прикрытием. Эти правила включают, что вы не должны расследовать дела тех, кого вы знаете лично. Если бы Бюро следовало этим своим принципам, Дениз сегодня была бы заслуженным агентом ФБР.

Если бы дело дошло до судебного процесса, Холшер был готов показать связь между расследованием Ву и Вана и Джей-Джей Смитом и Катриной Люн. И здесь сюжет, как и очень многие аспекты контрразведки, становится одновременно и тёмным, и сложным.

Хотя в то время это ещё не было известно, Джей-Джей информировал Катрину Люн о расследовании Джеффа Вана и консультировался с нею относительно всех деталей дела. Джей-Джей позже сказал главному инспектору Министерства юстиции, что сообщение осведомителя о Джеффе «не имело никакого смысла».

Источник, который весной 2000 года сказал ФБР, что Люн была агентом разведывательной службы Китая, был тем же самым осведомителем, который выдумал историю о Джеффе Ване. Осведомитель был сердит на «Горничную», обвиняя её в том, что она рассказал МГБ об его отношениях с ФБР. Он также утверждал, что Люн сообщила Пекину о следствии против Джеффа Вана.

Он был тем же самым осведомителем, который несколько месяцев спустя сказал, что Люн была «в постели с» подразделением ФБР в Лос-Анджелесе. Но штаб-квартира ФБР расценила это как обвинение одним осведомителем другого, и не предприняла никаких дальнейших действий.

Когда Бюро, наконец, определило, что осведомитель ложно обвинил Джеффа Вана, он, по словам бывшего агента контрразведки ФБР и нынешнего чиновника Бюро, был вычеркнут из платёжной ведомости информаторов ФБР за ложь. К 2006 году, когда Ву подписала своё соглашение о признании вины, он уже больше не использовался как осведомитель.

Пока это всё тянулось, Джефф Ван не мог получить другую работу в оборонной промышленности, так как для этого требовалось пройти проверку на благонадёжность. Его имя кратко появилось в прессе, когда он посетил вынесение приговора Дениз Ву. Но многие из деталей «Небесного трона» он впервые узнает только из этой книги.

Брайан Сан, представлявший Джеффа Вана в начале исследования ФБР, подвёл итог того, что произошло. «Совершенно невиновный человек и его семья перенесли ряд очень тяжёлых потрясений. Вот, парень проработал в «Рэйтеон» больше пятнадцати лет, у него были прекрасные характеристики, и он теряет свою работу. Это испытание, через которое им пришлось пройти, было для них настоящим бедствием».

Джефф и его жена попытались собрать осколки своих жизней и идти дальше. ФБР, наконец, сообщило его адвокату, что Ван

больше не был для них «лицом, представлявшим интерес». Это было очень приятно узнать. Но Джефф Ван не мог понять, почему ФБР так никогда и не принесло ему своих извинений.

Глава 13. Штормовые тучи

В 2000 году подразделение национальной безопасности ФБР, возглавляемое тогда Нейлом Джей. Галлахером и его заместителем Шейлой Хоран, было озабочено поиском российского «крота» в американской разведке, которым оказался агент самого ФБР Роберт Ханссен. Но подразделение также начало получать тревожные сигналы, что что-то очень сомнительное происходило с программой «китайской» контрразведки в Лос-Анджелесе.

В июле Кен Гейде стал руководителем китайского отдела подразделения в штаб-квартире. С поощрения Галлахера, Шейла Хоран и Гейде начали подробный анализ программы «китайской» контрразведки отделения в Лос-Анджелесе. Они сконцентрировались на «Горничной», возможно, лишь потому, что Катрина Люн была источником в течение очень многих лет.

Группа исследовала то, что «Горничная», возможно, рассказала МГБ, и что она получила взамен.

- Баланс, - как сказал один агент ФБР, - не выглядел благоприятным. Начали собираться штормовые тучи.

Когда Гейде исследовал это дело, он пришёл к выводу, что Люн была прекрасно известна МГБ ещё со времён её учёбы в аспирантуре в Чикагском университете. Он задавался вопросом, не действовала ли она в интересах МГБ всё это время. Если бы этот сценарий оказался правдой, то Бюро в любом случае следовало бы оглянуться назад. Поскольку, как волновался Гейде, это могло означать, что программу «китайской» контрразведки ФБР контролировал Китай.

Там были «аномалии», как агенты контрразведки называют подозрительные или необъяснённые проблемы. В конце 2000 года исследователи обнаружили информацию, которая была

получена десятью годами ранее, и идентифицирующую «Горничную» как источник, который информировал китайцев об очень успешной электронной операции ФБР против консульства в Лос-Анджелесе. Как только китайцы обнаружили «жучки», операция ФБР прекратилась.

- Для китайцев не было бы новостью, если бы им просто сказали, что консульство прослушивалось, - объяснил один агент ФБР. - Но тут был выдан использованный нами сложный технический метод.

Хотя микрофоны замолчали, прошло ещё несколько лет, прежде чем чиновники консульства заподозрили, что в их копировальные машины поставили специальные устройства, чтобы передать копируемые документы ФБР. Только осенью 1999 года копировальные машины были отправлены назад в Китай для разборки и проверки.

В 2001 году китайцы раскрыли двадцать семь управляемых со спутников подслушивающих устройств, которые Агентство национальной безопасности и ФБР установили в китайской версии президентского самолёта («Air Force One»), пока самолёт проходил переоборудование в Техасе. Самолёт Боинг 767 был предназначен для Цзян Цзэминя, президента Китая. Американские подрядчики в Сан-Антонио установили в нём большую спальню, ванную с душем, и кинозал с широкоэкранным телевизором для Цзяна, пока контингент Народно-освободительной армии Китая охранял самолёт стоимостью 120 миллионов долларов.

Работы были выполнены четырьмя подрядчиками: фирмами Dee Howard Aircraft Maintenance, Gore Design Completions, Rockwell Collins и Avitra Aviation Services. Самолёт поставили Китаю в августе 2001 года, и вскоре в нём были обнаружены «жучки», включая некоторых в спинке кровати Цзяна. Согласно сообщениям из Китая, двадцать офицеров китайских военно-воздушных сил и два чиновника были задержаны и подверглись опросу после раскрытия подслушивающих устройств.

ФБР изучало возможность, что Люн также выдала Пекину

«жучки» в самолёте, но не смогло связать её с эпизодом.

- Возможно, она не имела никакого отношения к этому, - сделал вывод один чиновник.*

*После того, как случай «Горничной» стал достоянием общественности в апреле 2003 года, Джей-Джей Смит горячо отрицал, что когда-либо обсуждал с Люн тему подслушивающих устройств в самолёте. Его адвокат Брайан Сан говорил, что тут не было «абсолютно» никакой связи. - Мой клиент совсем не говорил с нею о самолёте, - сказал он.

Контрразведка - это такой замысловатый мир зазеркалья, что некоторые американские чиновники даже выдвинули гипотезу, что весь эпизод с прослушиванием самолёта был сложной уловкой китайской разведки. Согласно этой теории, китайцы, зная, что Соединённые Штаты, естественно, попытались бы прослушивать самолёт, напоказ выставили вокруг него охрану, но преднамеренно позволили американцам установить подслушивающие устройства, и использовали американских подрядчиков вместо того, чтобы настоять на китайских рабочих.

Когда же самолёт вернулся в Пекин, его разобрали, а выявленные «жучки» проанализированы, чтобы изучить уровень мастерства американской технологии подслушивания.

В октябре 2001 года Галлахер вылетел в Лос-Анджелес, чтобы поговорить с Роном Иденом, помощником директора, отвечающим за подразделение Лос-Анджелеса, о Джей-Джей Смите и «Горничной». Месяц спустя ФБР попросило ордер FISA у специального суда, созданного на основании Закона о наблюдении за иностранными разведками, чтобы поместить дом Катрины Люн под электронное наблюдение. У ФБР уже была видеокамера в гостиной комнате «Горничной», замаскированная под датчик движения. Но она была установлена с её ведома, чтобы ФБР могло тайно записывать на плёнку и регистрировать приходивших к ней китайцев или других посетителей.

Заручившись ордером суда, ФБР тайно обыскало дом Люнов, и

подключилось к её телефону, факсу и электронной почте. Бюро также установило за ней наружное наблюдение.

Одобрение для ордера FISA было выдано секретным судом в декабре. Затем в тот же месяц, Шейла Хоран стала временно исполняющим обязанности руководителя подразделения национальной безопасности ФБР после ухода Галлахера в отставку.

К тому времени слухи о романе «Горничной» и Джей-Джей Смита достигли центрального офиса ФБР. Как только в доме в Сан-Марино было подключено прослушивание линий связи и установлены «жучки», любовная интрижка «Горничной» с Джей-Джей была быстро подтверждена. «Специальные методики», используемые ФБР, обнаружили, как изящно выразился отчёт главного инспектора Министерства юстиции, что отношения между Джей-Джей и Люн были «больше, чем дружбой».

Секс это не федеральное преступление, за что нам всем следовало бы быть благодарными. Но электронное наблюдение за домом Люнов предоставило очевидные доказательства, что в полевом отделении Лос-Анджелеса была серьёзнейшая проблема. Теперь Бюро предстояло рассмотреть пугающую возможность того, что китайская разведка внедрилась в ФБР.

В начале января 2002 года Хоран проинформировала о ситуации Роберта Мюллера. Ветеран Бюро, Хоран была направлена ФБР в Африку для руководства расследованием террористических взрывов посольств США в Кении и Танзании в 1998 году, когда погибло 224 и было ранено 4 000 человек.

Поскольку директор ФБР вступил в должность непосредственно перед 11 сентября 2001 года, крупномасштабные террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне заняли большую часть его внимания. Когда он услышал, что происходило в Лос-Анджелесе, он взорвался от ярости.

В начале января 2002 года Мюллер провёл ряд нервных встреч с Хоран, Гейде, Иденом и Лансом Ву, старшим специальным агентом «китайской» команды в полевом отделении Лос-

Анджелеса. Атмосфера была более чем напряжённой.

Сотрудники отделения в Лос-Анджелесе и чиновники штаба обвиняли друг друга в медленном продвижении расследования программы «китайской» контрразведки в Лос-Анджелесе.

- Кто является ответственным? - требовал Мюллер. Никто не предложил ответ.

Однажды Иден уехал из штаба ФБР в вашингтонский международный аэропорт имени Даллеса, и был уже в самолёте, летящем в Лос-Анджелес, когда ему позвонил Мюллер и приказал вернуться в штаб для другой встречи. Как только Иден приземлился в международном аэропорту Лос-Анджелеса, у него не было времени даже чтобы приехать домой и сменить рубашку - он повернулся и сел на ночной рейс назад в Вашингтон.

Шейле Хоран, опытному агенту с двадцатью девятью годами стажа в Бюро, досталось за все негативные последствия. Как исполняющая обязанности руководителя подразделения национальной безопасности, она оказалась в центре мишени, и на неё обрушился весь гнев Мюллера.

- Я отстраняю вас, - сказал ей Мюллер.

Сметённая в неразберихе вокруг дела «Горничной», и не получившая других хороших вариантов, Хоран перешла на административную должность в Бюро и вышла в отставку позже в том же году. Многие из её коллег в ФБР чувствовали, что её несправедливо обвинили в катастрофе в Лос-Анджелесе.

После того, как Мюллер получил краткое изложение дела, он приказал провести полное полевое расследование, начатое против Джей-Джей Смита. Он также назначил Рэнди Беллоуза, того самого федерального прокурора, который расследовал действия ФБР в деле д-ра Вэня Хо Ли, проанализировать ситуацию в Лос-Анджелесе и рекомендовать дальнейшие действия. Беллоуз, который был обвинителем на судебном процессе Роберта Ханссена, «крота» КГБ в ФБР, отреагировал быстро. Он посоветовал Мюллеру назначить агента ФБР в ранге

инспектора, чтобы он возглавил расследование.

Мюллер знал, что ему следует сделать. Он вызвал Леса Уайзера.

Глава 14. Контрразведчик

«Директор хочет вас видеть»

Лес Уайзер, первоклассный агент контрразведки ФБР, человек, который поймал Олдрича Эймса, понятия не имел, зачем руководитель ФБР Роберт С. Мюллер III вызвал его в свой кабинет. Но Уайзер предчувствовал: что бы это ни было, это точно не могло быть хорошей новостью. Директор не послал бы за ним, если бы не назревали большие неприятности.

Но даже в таком случае Уайзер не был готов к тому, что узнал. Мюллер не тратил впустую время на вступление.

- В ФБР, сказал он Уайзеру, - проникла китайская разведка. Катрина Люн - кодовое имя «Горничная» - женщина, на которую Бюро полагалось как на своего лучшего шпиона против Пекина, фактически работала на коммунистический Китай больше десятилетия. Это был кошмар, ставший реальностью. Мюллер был мрачен, всё ещё разъярён из-за подробностей, которые он узнал только несколькими днями ранее.

Всё оказалось ещё хуже. Уайзер едва мог поверить тому, что затем раскрыл ему Мюллер. Операторы «Горничной», которые были двумя главными агентами контрразведки ФБР, работающими против Китая, длительное время поддерживали любовную связь с Катриной Люн. Агент ФБР в Лос-Анджелесе, который завербовал её двадцать лет назад, был её любовником. Таким же её любовником, в течение нескольких лет, был главный «китайский» эксперт Бюро в Сан-Франциско.

Более того, оба агента ФБР *знали*, что «Горничная» была завербована китайской разведкой. Они узнали об этом в 1991 году, но штаб, тем не менее, согласился, что им можно

продолжать руководить ею. Это было невероятным безобразием.

Бюро должно было бы рассмотреть всё, что «Горничная» сказала ФБР в течение многих лет, включая информацию, которая пошла прямо в Белый дом. Люн считали настолько надёжным источником, что её информация поступала на самый верх четырём американским президентам Рональду Рейгану, Джорджу Бушу-старшему, Биллу Клинтону, и Джорджу Бушу-младшему. Теперь ФБР следовало предположить, что большая часть её сведений могла быть ложной.

Затем Мюллер отдал Уайзеру приказ о выступлении.

- Отправляйтесь в Лос-Анджелес и займитесь этим, - сказал он.

Директор ФБР не должен был обстоятельно объяснить то, что осталось невысказанным. Бедствие в Лос-Анджелесе было только последним по времени бедствием, поразившем Бюро. Всё ещё шатаясь после того, как ему, наряду с ЦРУ, не удалось предотвратить теракты 11 сентября 2001 года, и после ареста ранее в том же году специального агента ФБР Роберта Ханссена как российского шпиона, ФБР теперь имело дело с взрывоопасным внутренним скандалом, который наверняка должен был стать достоянием общественности.

Секс! Шпионаж! Китайская леди-дракон! Голова Уайзера шла кругом, когда он вышел из офиса директора в феврале 2002 года. Ему только что сунули в ладонь скорпиона, а он не носил перчаток.

Для Мюллера это было одно дело - сказать ему, что происходило в Лос-Анджелесе. Но как Уайзер должен был это доказать? Ему следовало собрать убедительные доказательства, чтобы взломать дело, доказать, что «Горничная» работала на Пекин, что у двух мужчин из ФБР был секс с их агентом, и что они знали, что она была завербована Китаем, но, несмотря на это, продолжали работать с нею. Задача казалась невозможной. Ещё более осложняло расследование то, что оба агента ФБР, Джей-Джей Смит в Лос-Анджелесе и Билл Кливленд в Сан-Франциско, уже ушли в

отставку.

И Уайзер знал, что столкнётся с жёстким сопротивлением внутри Бюро, которое всегда смыкало ряды, чтобы защитить своих. При попытке провести расследование, в которое вовлечены два агента ФБР, Уайзера будут рассматривать как постороннего, марионетку штаба. Он нарушил бы основное правило культуры бюро, принцип старого Дж. Эдгара Гувера: «не ставить Бюро в неудобное положение».

Конечно, Гувер уже давно умер, но здание штаб-квартиры в Вашингтоне не зря носило его имя, и о его старых указах не забыли полностью. Уайзер уже был мишенью ревности и критики среди руководящих кадров Бюро из-за его успеха и известности, которую он получил в случае Эймса. Это Уайзер, игнорируя приказы своего начальника, выкопал из мусорной корзины Эймса жёлтый листочек из блокнота с клейким краем post-it, который оказался главной явной уликой в деле. Листочек доказал, что Эймс являлся активным российским шпионом, и был свидетельством, что ФБР должно было арестовать его.

Уайзер заработал свою репутацию в деле Эймса, когда ему было тридцать восемь, но это было ничто по сравнению с вызовом, который ждал его в Лос-Анджелесе. Он чувствовал себя подобно одинокий шерифу в вестерне «В самый полдень». Но это не был голливудский вестерн. Если бы он провалился, то Мюллер точно знал бы, кого сделать виноватым.

И при этом он вовсе не добровольно вызвался для этой работы. В ФБР агенты обычно надеются со временем подняться до уровня помощника руководящего специального агента (assistant special agent in charge, ASAC) главного полевого отделения, а затем, возможно, даже получить высокий пост руководящего специального агента (special agent in charge, SAC). Уайзеру, после девятнадцати лет службы, предстояло стать SAC. Теперь это продвижение должно было приостановиться. Ему пришлось делать то, что приказал Мюллер; у него не было другого выбора.

Ещё до того, как специальный агент Уайзер посадил Олдрича

Эймса за решётку на всю его оставшуюся жизнь, он в течение большинства лет его службы в ФБР работал в контрразведке. Он заработал репутацию человека быстрого, решительного, и осторожного.

Высокий и худой, с седеющими каштановыми волосами и широкими усами, Уайзер, бывший адвокат ВМС, не соответствовал стереотипу лаконичного агента ФБР с квадратной челюстью, знакомому по кинофильмам и телевидению. Уайзер много улыбался и мог посмеяться над собой; при серьёзной и ответственной работе у него сохранилось спасительное чувство юмора.

Уайзер знал, что для сохранения безопасности ему потребуется новое кодовое имя для Катрины Люн и расследования, объектом которого будет она. Он не мог допустить, чтобы какие-либо документы, составленные в ходе его расследованием, попали бы в досье «Горничной», где их могли бы увидеть другие агенты. Для Люн компьютер придумал случайно выбранное новое кодовое имя «Poetic Fit» («Поэтически пригодная»).

Джей-Джей Смиту и расследованию, направленному против него, дали отдельное кодовое название «Rich Foliage» («Богатая листва»).

С четырьмя тщательно отобранными агентами из штаб-квартиры Уайзер вылетел в Лос-Анджелес. Вместе с приблизительно двумя дюжинами проверенных агентов из Лос-Анджелеса Уайзер устроил свой отдельный офис в здании в Санта-Монике, достаточно далеко от месторасположения полевого отделения ФБР на Бульваре Уилшир, 11000. Джей-Джей ушёл в отставку, но он иногда появлялся в офисе, а ему никак не следовало бы сталкиваться с группой Уайзера.

Хотя Уайзер не хотел назначения, которое дал ему Мюллер, но если Китай проник в ФБР, и два агента были скомпрометированы, он был настроен добраться до сути проблемы, а там уже - будь, что будет.

К апрелю 2002 года Уайзер был вооружён другим ордером FISA,

и ФБР стало подслушивать его собственного бывшего агента Джей-Джей Смита. Агенты из группы Уайзера начали следить также и за ним.

ФБР тем временем продолжало использовать «Горничную» как информатора. Новый «куратор», специальный агент Стив Конли, был назначен руководить ею, когда Джей-Джей ушёл со службы. Незадолго после того, как Уайзер прибыл в Лос-Анджелес, он обнаружил, что офис ФБР на Бульваре Уилшир всё ещё платил ей деньги. Он обдумывал, не заподозрит ли «Горничная» в случае прекращения выплаты жалования, что против неё открыто расследование, но решил, что на такой риск можно пойти. Уайзер рассуждал, что с уходом Джей-Джей Люн просто предположит, что Бюро в меньшей степени требуются её услуги. Он приказал прекратить выплаты.

Чтобы объяснить своё присутствие в Лос-Анджелесе, Уайзер сообщил полевому отделению на Бульваре Уилшир, что приехал в город для проведения исследования эффективности. Его должность инспектора помогала его «легенде».

Рано или поздно агентов ФБР отбирают на ограниченный срок для работы в инспекционном подразделении Бюро. Они посещают полевые отделения, тыкают пальцами вокруг, и пишут отчёты о том, как хорошо или плохо подразделения работают. Так как никто, как легко предположить, не любит инспекторских визитов, Уайзеру не задавали много вопросов.

И после прослушивания и наблюдения за Джей-Джей и Люн быстро выяснилось, что их романтичные отношения не закончились с отставкой Смита более года назад. В марте наблюдатели видели, что они вместе проводили время в гостинице.

Тем временем агенты, действующие из секретного офиса в Санта-Монике, копались в финансовых делах «Горничной». Люнам принадлежал китайский книжный магазин на Ист-Гарви-Авеню в Монтерей-Парке. В июле Катрина Люн подала ходатайство о банкротстве книжного магазина в соответствии с Главой 7, предусматривающей, что помещение должно быть закрыто, и весь бизнес немедленно прекратится, в отличие от

положений Главы 11, где компания реорганизуется и снова возникает, чтобы работать дальше.

Согласно показаниям под присягой в федеральном суде специального агента ФБР Шэрон Лоуренс, Кам Люн позвонил своей жене 9 июля, чтобы сказать, что возникла «большая проблема» с их планом банкротства. «Господин Люн объяснил своей жене, что она может попасть в тюрьму за мошенническую просьбу о банкротстве, так как только одно её имя значится на ходатайстве, и она оказалась бы человеком, фактически солгавшим, заявляя, что её бизнес, о котором идёт речь, был закрыт, когда в действительности он всё ещё работал».

ФБР потратило сотни человеко-часов, наблюдая за книжным магазином, чтобы увидеть, был ли он действительно всё ещё открыт. Некоторые из событий, описанные на сухом, напыщенном языке длинного показания под присягой, неумышленно вызывали смех. Магазином управляли для Люнов Куон Ваи Ли Тан и её муж И. Ко Тан. «8 августа 2002», сообщало показание под присягой, «наружное наблюдение ФБР выявило следующее. В 8.57 утра госпожа Тан вышла из машины и вошла через чёрный ход [в книжный магазин]. Тан несла с собой несколько белых полиэтиленовых пакетов». Полчаса спустя, «приблизительно в 9.28 утра», служащий ФБР зашёл в книжный магазин и увидел, что он набит журналами, газетами, видеокассетами и книгами.

«Служащий ФБР сказал госпоже Тан, что он ищет подарок для друга. Госпожа Тан сказала ему, что магазин закрыт». В течение следующих сорока пяти минут сыщики ФБР видели, как «несколько людей азиатского происхождения вошли и вышли из» книжного магазина, и «один азиатский мужчина вышел из него... с газетой, которую он очевидно за это время приобрёл внутри».

Несомненно, столкнувшись с тем, что за ними наблюдали, владельцы книжного магазина, знали точно, что делать. Две недели спустя, у магазина на передней двери висела табличка «Закрыто». «Однако задняя входная дверь... была (подпёртой) открытой». В течение следующего часа ФБР видело как

«восемь человек, все с азиатской внешностью», вошли в магазин и позже вышли довольными с газетами или хозяйственными сумками. Люни занимались коммерцией через чёрный ход. Книжный магазин был закрыт только для ФБР.

В этом была дополнительная ирония, потому что, когда контакты «Горничной» в Китае, очевидно, предложили ей открыть книжный магазин, Джей-Джей тоже поддержал её в этом. ФБР всегда очень интересовалось китайскими книжными магазинами на Западном Побережье, рассматривая некоторые из них как пункты распространения пропаганды или фирмы прикрытия для МГБ. Например, книжный магазин «Eastwind Books» в Сан-Франциско играл некоторую роль в расследовании дела «Ловушки для тигра». Потому, когда Люн открыла книжный магазин в Монтерей-Парке, Смит оценил это как очередной успешный ход «Горничной» для ФБР.

На слушаниях по заявлению о банкротстве в августе, Катрине Люн было очень трудно объяснить, почему протоколы заседания совета директоров книжного магазина, одобрившего просьбу о признании его банкротом, были подписаны Си Шансяо, президентом, и Питером М. Чоу, директором, тогда как те же протоколы свидетельствовали, что на заседании присутствовала лишь одна она. Так или иначе, менеджеры магазина, «вероятно, гм, отправили их по факсу», сказала она.

Озадаченный судья по делам о признании несостоятельности задался вопросом, как же было возможно, что Си подписал протокол, если Люн сказала, что она не видела его уже десять лет. На самом же деле, и Си и Чоу были в Китае, очень далеко от Монтерей-Парка.

5 сентября «Горничную» опросили об её банкротстве два агента ФБР, и она заявила, что её поверенный сказал ей, чтобы она подделала подписи. Она, однако, всё ещё волновалась по поводу этих подписей неделю спустя; в телефонном разговоре с госпожой Тан, согласно документу ФБР, она сказала, что «она лишилась сна из-за подделки подписей директоров, потому что, как она заявила, 'если вы подделываете подпись, это очень серьёзное преступление'».

К этому времени «Горничная», должно быть, догадалась, что что-то происходит. Её вычеркнули из платёжной ведомости Бюро. Она, разумеется, узнала от Танов, что агенты наблюдения ФБР прятались вокруг книжного магазина. И почему это её хорошие друзья в Бюро расспрашивали её о таком несущественном вопросе как банкротство маленького розничного магазина в Монтерей-Парке? Но больше не было повода для беспокойства. Независимо от того, что это было, это всё, наверное, скоро закончится, да и у Джей-Джей, хоть он и ушёл в отставку, всё ещё оставалось много друзей в Бюро.

В июле Катрина Люн, не подозревая, что её прослушивает и за ней следит группа Уайзера, связалась с Роном Иденом, руководителем ФБР в Лос-Анджелесе, и попросила встречаться с ним, якобы по вопросу «программы помощи» Бюро китайскому сообществу. Более вероятно, как подозревали следователи ФБР, она хотела во время её следующей поездки в Пекин похвастаться перед МГБ, что она была знакома и имела личный доступ к помощнику директора ФБР, отвечающему за подразделение Лос-Анджелеса.

Как главный чиновник бюро в Лос-Анджелесе, Иден был проинформирован о следствии, которое вёл офис в Санта-Монике. Уайзер попросил Идена пойти и встретиться с Люн, что он и сделал 22 июля. Всё было устроено так, чтобы Рэндалл Томас, один из ключевых агентов Уайзера, мог тайно следить за встречей, слушая всё происходящее из смежного офиса.

Четыре месяца спустя, 5 ноября 2002 года, ФБР сделало видеосъемку Джей-Джей Смита и «Горничной» в гостиничном номере Лос-Анджелеса. Технический персонал поместил скрытую камеру в номер после того, как ФБР при прослушивании услышало о двух договорённостях о встрече. Это в свою очередь потребовало помощи со стороны гостиницы, чтобы паре дали правильный номер. Рэндалл Томас, который участвовал в операции, сообщал в документе для суда: «электронное наблюдение показало наличие сексуальных отношений между Смитом и Люн».

Видеозапись со всеми подробностями подтвердила факт, что спустя почти два года после увольнения Джей-Джей, его

отношения с «Горничной» всё ещё продолжались. Только неделю спустя, 11 ноября, бюро узнало, что он также продолжал предоставлять ей информацию об агентах ФБР.

Группа Уайзера тайно обыскала багаж Люнов в международном аэропорту Лос-Анджелеса, когда они улетали в Китай. Они нашли факс от Джей-Джей с шестью фотографиями, снятыми на встрече Общества бывших специальных агентов ФБР в предыдущем месяце.

На двух из фотографий были агенты, которые всё ещё находились на службе.

Две недели спустя, когда «Горничная» возвратилась из Китая, специальный агент Питер Дюрст был в международном аэропорту Сан-Франциско, ожидая за кулисами, пока её багаж выгрузят из самолёта. Когда он обыскал её сумки, то нашёл там листок бумаги с рукописными заметками на английском и китайском языках. Одна из заметок гласила: «Посетила Рона Идена 7/29/02: помощь сообществу». На том же листке он нашёл имена и информацию об агентах ФБР, которые работали с Люн.

«Горничная» продолжала свою поездку, вылетев в тот же день в Лос-Анджелес, где Томас принял участие во втором тайном обыске её багажа. Все обыски были разрешены Судом по наблюдению за иностранными разведками. Когда ФБР проверило её сумки, то заметили, что шесть фотографий агентов ФБР, которые они видели в её багаже при полёте за границу 11 ноября, отсутствовали.

Теперь Уайзер был готов сделать следующий ход. 9 декабря агенты ФБР допросили Джей-Джей в номере в гостинице «Крану Плаза» на Бульваре Сенчери, а Уайзер следил за этим из своего офиса в Санта-Монике по замкнутой системе видеосвязи. Это не был хороший день для Джей-Джей Смита, двумя годами раньше ушедшего в отставку под аплодисменты своих коллег и с вручением медали от директора ЦРУ Джорджа Тенёта.

Это был на самом деле очень плохой день, первый из многих,

которые последуют для Смита. За два дня допросов в гостиничном номере, Джей-Джей, согласно показаниям Томаса под присягой, сказал, что «он, вероятно, рассказывал Люн слишком много лишнего». Несколько раз Джей-Джей признавал, что любая информация, которую «Горничная» получала об операциях и источниках ФБР, скорее всего, исходила от него.

Следователи всегда радуются больше всего, когда они уже знают ответы на вопросы, которые задают. Они оказываются ещё сильнее, если допрашиваемый человек не понимает, что следователи уже знают правду. В этом случае у группы Уайзера была видеозапись, сделанная в предыдущем месяце, показывающая свидания Джей-Джей и Катрины в гостиничном номере.

Когда его спросили, были ли у него сексуальные отношения с Люн, Джей-Джей сначала отказался отвечать, «а затем отрицал, что у него были сексуальные отношения». Джей-Джей Смиту это отрицание впоследствии обошлось очень дорого.

На другой вопрос, о любых его поездках за границу, Джей-Джей сказал, что он летал в Гонконг в феврале 2001 года, вскоре после своей отставки, и снова отправился туда в 2002 году. Каждая поездка продлилась приблизительно неделю, и Джей-Джей сказал, что он каждый раз путешествовал один и не встречался ни с кем в Гонконге. Позже на том же допросе, он повторил, что он совершал поездки только в одиночку.

Один из агентов тогда решительно спросил Джей-Джей, летала ли Люн с ним в Гонконг. Смит ответил, - Она, она была там.

Но Джей-Джей настаивал, что он никогда не ездил с Люн в какое-либо другое место за границей кроме Гонконга. Когда следователи нажали на него, Смит признал, что встретил Люн в Лондоне и прилетел обратно в Соединённые Штаты с ней. Это было то самое путешествие, которое он предпринял в 1992 году, когда Джей-Джей и Билл Кливленд летали в Лондон, чтобы опросить Хэнсона Хуанга о «Ловушке для тигра». Позже Джей-Джей и Люн отправились в туристическую поездку по Англии, и по их возвращению Дот Келли, его старший

специальный агент, увидела их двоих в секторе таможенного контроля в аэропорту Лос-Анджелеса, куда она приехала, чтобы сделать сюрприз Смиту и встретить его в аэропорту.

11 декабря, после двух дней интенсивного допроса Джей-Джей Смита, настала очередь «Горничной». Она согласилась на допрос, и ФБР расспросило её в гостинице в Сан-Фернандо Вэлли. И в этот раз Уайзер тоже видел всё на телеэкране замкнутой системы видеосвязи. Что случилось тогда и через несколько дней в ходе более поздних допросов, Рэндалл Томас описал в своём документе для суда.

Брюс Карлсон, помощник начальника китайского отдела в штаб-квартире ФБР, вылетел в Лос-Анджелес, чтобы провести допрос. Карлсон, высокий, худой и уравновешенный, свободно говоривший по-китайски, был поражён, когда «Горничная» принялась рассказывать намного больше того, что он даже мог бы себе представить, В гостиничном номере Люн начала описывать засекреченные документы, которые она, по её словам, тайно брала из портфеля Джей-Джей и копировала.

Это было ошеломляющее признание. Зачем Катрина Люн призналась, что брала документы, осталась своего рода загадкой. Возможно, после двадцати лет работы информатором ФБР в тесном сотрудничестве с Бюро, она чувствовала, что ей нечего бояться. Тут были агенты ФБР, её друзья, они поймут «византийские» методы двойных агентов, тонкость контрразведывательных операций. Она могла, оправдываясь, выпутаться из любой неприятности.

На вопрос, были ли у неё «близкие» отношения с Джей-Джей, она сначала описала их связь как «деловые отношения» и уверяла, что она была не больше, чем «хорошим другом семьи». Она, разумеется, не знала о видеозаписи их свидания, которую ФБР сделало в гостиничном номере всего лишь месяцем ранее. Она также отрицала, что путешествовала с Джей-Джей за границу.

Поскольку допрос продолжался, Люн признала, наконец, что она и Джей-Джей были больше чем друзья. Она сказала, что она вступила с ним в интимную близость впервые в начале

1980-х, «очень давно, но я не могу сказать вам точно, в каком году».

«Горничная» с готовностью согласилась встретиться с ФБР в своём доме в Сан-Марино и показать им документы, которые, как она сказала, вытащила из портфеля Джей-Джей. Допрос переместился в её дом.

На глазах у Карлсона и другого сотрудника ФБР, специального агента Эдгара Дель Розарио, Люн открыла запертый сейф в спальне наверху и вынула документ на пяти страницах, вызвавший ещё большее удивление. В нём были выдержки из расшифровок стенограммы её телефонного разговора, с использованием кодового имени Ло, с Мао - Мао Гохуа, её «куратором» от МГБ в Пекине.

Люн теперь призналась, что Мао руководил ею от МГБ, а Ло был её псевдонимом в МГБ, и что это кодовое имя Ло Чжунцань она получила ни от кого иного, как от Чжу Цзичжэня, посла Китая в США. Она вспомнила историю, которую она рассказала Джей-Джей Смиту одиннадцатью годами раньше во время их разговора на кухне. Она утверждала, что Мао получил заметки о перебежчике, которые был изъяты из её багажа, и так как они были более подробны чем то, что она рассказала ему, она призналась Мао, что работала на ФБР, и согласилась с этого момента сообщать МГБ всё, что могла узнать об операциях ФБР.

Распечатка, которую агенты нашли в сейфе Люн, была, разумеется, стенограммой того самого телефонного разговора 1990 года, перехваченного Агентством национальной безопасности, в котором «Горничная» информировала МГБ, что Билл Кливленд планировал поездку в Китай под прикрытием Государственного департамента. Перехвата, который принудил Смита и Кливленда вылететь в Вашингтон, чтобы убедить штаб позволить Джей-Джей продолжать руководить «Горничной».

Уайзер был ошеломлён и разъярён, узнав о распечатке перехваченного разговора, которая нашлась в доме Люн. Директор ФБР направил его, чтобы расследовать неразбериху в Лос-Анджелесе, но удивительно, что штаб никогда не

рассказывал ему о разговоре между Ло и Мао. Основной частью его работы должно было найти доказательства того, была ли «Горничная» агентом китайской разведки. Но никто в Вашингтоне не счёл целесообразным рассказать ему о ключевой улике в её деле, телефонном разговоре, который ясно показывал её связь с МГБ.

Когда её спросили, как она получила расшифровку стенограммы перехваченного звонка, Люн ответила, «я думаю, что я её стащила».

Она сказала, что Джей-Джей «оставил свой портфель открытым и карманы для папок в портфеле часто содержали документы, текстом наружу». Таким образом, по её словам, она могла видеть документы, которые хотела, и «вытаскивала их, и копировала без ведома Смита, когда он оставлял свой портфель без внимания».

Люн рассказывала, что она делала копии документов или с помощью фотокопировального устройства или на факсе в её доме. «Вообще, она заявила, что делала рукописные выписки из документов, которые она тайно скопировала, а затем выбрасывала сами копии в мусор».

Она также сказала, что иногда делала заметки о документах, «которые она тайно похищала у Смита, не копируя сами документы», и также делала заметки об информации, которую рассказывал ей Смит. За эти годы, она «признала, что передавала МГБ разведывательную информацию, которую она получала таким путём».

Произошло даже ещё более потрясающее открытие. «Горничная» признала, что Китай заплатил ей 100 000 долларов, потому что «она понравилась» китайскому президенту Ян Шанкуню. Ян, президент Китая с 1988 до 1993 годы, ветеран Великого похода Красной Армии, был более всего известен как военачальник, который расправился со студенческими демонстрациями на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года, убив сотни студентов и рабочих.

Так как Джей-Джей Смит часто консультировался с Люн

относительно расследований ФБР, и фактически рассматривал её как неофициального члена «китайской» команды, никак невозможно было определить объём информации, которую она передала китайской разведке. Например, одним расследованием, о котором она, естественно, много знала, была «Ловушка для тигра», над которым, из-за своей дружбы с Хэнсоном Хуангом, она работала в тесном сотрудничестве и с Биллом Кливлендом, и с Джей-Джей Смитом.

Спустя несколько дней после того, как «Горничная» отдала расшифровку её телефонного разговора с Мао, Питер Дюрст и Карлсон пошли в полевое отделение ФБР на Бульваре Уилшир и зашли в SCIF, защищённое хранилище, где хранятся секретные документы. Они нашли там несколько совершенно секретных резюме телефонных разговоров между Ло и Мао, содержавших части расшифровок стенограммы в документе, который Люн вытащила из сейфа в своей спальне.

Сначала агенты ФБР удивлялись, что побудило Смита взять расшифровку стенограммы телефонного разговора «Горничной» с Мао к ней домой. Конечно, Джей-Джей Смиту не требовалось какое-то напоминание о перехвате, открывшем ему, что «Горничная», его главный источник, переметнулась к МГБ. Но Смит воспользовался расшифровкой стенограммы как доказательством, что Люн работала на МГБ, когда он напрямую сказал ей в 1991 году о перехваченном звонке в Пекин. И в результате документ оказался в сейфе её спальни.

На следующий день, с согласия Люн, два агента ФБР провели обыск в её доме и обнаружили документ под грифом «секретно», который был ещё более важен, потому что датировался 1997 годом, уже значительно позже перехвата телефонного разговора между Ло и Мао. Дата была крайне важна, потому что она означала, что даже спустя шесть лет после того, как Джей-Джей прямо сказал ей о доказательстве её работы на МГБ, «Горничная» всё ещё вытаскивала документы из его портфеля.

Документ от 12 июня 1997 года был одним из четырёх, обнаруженных специальным агентом Стивеном Лоуренсом в книжном шкафу на втором этаже. Это было сообщение ФБР,

отправленное по линии электронной коммуникации, или EC, написанное легатом Бюро в Гонконге.

Документ сообщал, что Китай пытался купить американское электронное оборудование, которое дало бы Пекину возможность «перехватывать ту же самую разведывательную информацию», собранную американскими спутниками-шпионами, одновременно с отправкой этих данных со спутников на наземные станции контроля и управления.

Но здесь у истории был необычный поворот. Документ сообщал, что МГБ предложило награду в один миллион долларов за информацию о местонахождении двух китайских граждан, Лю Цзоцина, менеджера компании в северном Китае, и Чжэн Децюаня, его зятя. Пара обвинялась в похищении 140 миллионов долларов, которые, как предполагалось, должны были использоваться для закупки высокотехнологичных «самых современных технологий спутниковых поисковых систем, производившихся одной американской фирмой».

Согласно сообщению легата, МГБ приказало, чтобы его агенты в Соединённых Штатах нашли беглецов; китайская разведка была готова уничтожить эти двух человек и их семьи. Документ также сообщал, что разведывательная операция по приобретению спутниковой технологии осуществлялась по приказу, поступившему с «самого высокого уровня» китайского правительства и, что разоблачение попытки покупки технологии будет «намного более вредным для [Пекина] чем потеря денег».

Сенсационное сообщение было, очевидно, основано на информации от источника, полученной агентом ФБР в Гонконге. И вот теперь оно оказалось в книжном шкафу в доме Катрины Люн в Сан-Марино.

В том же самом книжном шкафу, где ФБР нашло сообщение из Гонконга о двух китайских беглецах, агенты нашли ещё три других документа. Один был телефонным справочником 1994 года китайской команды NSD-2 в Лос-Анджелесе, это сокращение обозначало подразделение национальной безопасности ФБР. Справочник включал домашние номера

телефонов агентов ФБР из подразделения контрразведки.

Другой обнаруженный документ был справочником легатов за 1994 год, включающем имена, номера телефонов и служебные адреса юридических атташе ФБР за границей. Наконец, книжный шкаф хранил список телефонов агентов ФБР и членов Специальной группы наблюдения, гражданских лиц, известных как Gs, разрабатывавших шпионский случай под кодовым названием «Королевский турист».

В этом шпионском деле Питер Ли, родившийся на Тайване учёный-ядерщик, работавший в лабораториях как Лос-Аламоса, так и Ливермора, в 1997 году признал себя виновным в передаче засекреченной информации оборонного значения Китаю и лживых показаниях об этом. Хотя Джей-Джей контролировал дело «Королевского туриста», правительственные документы не объясняют, почему он принёс список агентов ФБР в дом Люнов.

Агенты, обыскивающие дом Люнов, нашли также дневник с рукописными заметками на китайском и английском языке. Среди слов на английском языке были: «военный двойной агент», «знание о ракетах», и «американские военно-воздушные силы». Брюс Карлсон перевёл дневник и объяснил коллеге-агенту, что эти термины трудно выразить на китайском языке, и для кого-то, хорошо знающего оба языка, легче было использовать для них английские обозначения.

Тут в головы Леса Уайзера и его группы пришла мысль, что могло быть другое объяснение того, как «Горничная» получала засекреченные документы ФБР. Они спрашивали себя, но не знали, возможно ли, что Джей-Джей подозревал или знал, что Люн брала документы, и молчаливо позволил ей делать так, чтобы «подкрепить» её, как в искусстве контрразведке называют обеспечение двойного агента информацией, чтобы повысить его ценность в глазах секретной службы противника.

Чем более сильное впечатление «Горничная» производила на МГБ, тем больше информации она могла бы доставить Джей-Джей Смиту, который, в свою очередь, ещё выше поднял бы свой статус в ФБР. Он, возможно, позволял «Горничной» брать

документы «с подмигиванием», предположил один чиновник, что позволило бы ему правдиво отрицать, что он когда-либо давал ей какой-то материал из файлов ФБР.

ФБР не получило никаких доказательств, чтобы сделать вывод, что Смит знал или подозревал, что «Горничная» похищала документы. Но Уайзер и его коллеги также признали, что они никогда не смогут полностью понять динамику сложных отношений между Джей-Джей Смитом и его сверхценным информатором.

Спустя неделю после обыска в доме Люнов ФБР провело первый из четырёх допросов Билла Кливленда. После ухода в отставку из Бюро в 1993 году, Кливленд был принят в Ливерморскую лабораторию как руководитель её контрразведки. В свете его сексуальных отношений с «Горничной» ироничным кажется то, что его работой стала защита лаборатории, занимающейся ядерным оружием, от проникновения китайских или других иностранных разведывательных служб. Также он отвечал за программу понимания безопасности для служащих (Security Awareness for Employees, SAFE) в лаборатории, которая поощряла служащих сообщать о подозреваемых шпионах или ещё о чём-нибудь «подозрительном».

Как часть программы понимания безопасности, Кливленд информировал учёных лаборатории о важности избегания запутанных сексуальных связей, которые могли бы оказаться компрометирующими. Он предупреждал, что иностранные разведывательные службы могут попытаться использовать такого рода информацию, чтобы шантажировать учёных и заставить их выдать секреты.

На первой беседе со специальным агентом Дюрстом Кливленд говорил о том, как Люн предоставляла ему информацию, как он часто встречался с нею в Сан-Франциско и в Лос-Анджелесе, часто вместе с Джей-Джей. Но во время этого начального опроса он, однако, и словом не обмолвился о своей собственной любовной связи с Катриной Люн.

Только на второй встрече с Дюрстом 28 января, больше чем месяц спустя, Кливленд признался в своих длительных

сексуальных отношениях с «Горничной». Но ему было трудно вспомнить, когда точно они начались. Он думал, что начало было в 1991 году, но в следующем интервью исправил на 1989 год. Наконец 4 февраля Кливленд прошёл тест на полиграфе, и перед тестом он сказал, что их связь началась в 1988 году, продолжалась в течение пяти лет до его отставки, а затем была восстановлена в 1997 и 1999 году.

Кливленд описал, как он в 1991 году слушал магнитофонную ленту с записью разговора Ло и Мао и узнал голос Люн. Он вспомнил, как встревожился, поняв, что она «передавала информацию МГБ без разрешения ФБР», как это описывало показание под присягой специального агента Рэндалла Томаса. Как Смит, «явно расстроенный», вылетел в Сан-Франциско, когда он услышал новость. И как Джей-Джей позже уверил его, что «проблема» была решена.

Брюс Карлсон после нескольких дней допросов Люн в декабре сделал вывод, что её связь с МГБ «ставили под сомнение все её предыдущие сообщения». ФБР полагалось на её информацию «в проведении различных контрразведывательных расследований деятельности иностранных спецслужб... ФБР должно теперь переоценить все свои действия и выводы разведывательного анализа, основанные на её информации».

Бюро, предупредил Карлсон, предстоит теперь выяснить, какие контрразведывательные расследования «были расстроены или скомпрометированы» из-за передачи информации «её обработчикам в КНР, так же как из-за дезинформации, которой она, возможно, снабжала своих «кураторов» в ФБР».

Для Джей-Джей Смита, Катрины Люн или Уильяма Кливленда не было весёлого Рождества или счастливого Нового года. Уайзер и его группа определили мрачную, несчастную правду. Разведывательная служба Китая, МГБ, проникла в Федеральное бюро расследований.

Никто не говорил, что должно было случиться потом. Все трое могли лишь ждать следующего хода правительства. Это было раздражающее время, особенно для Джей-Джей и «Горничной». Лишь немного легче было Кливленду, так как не

было никаких доказательств, что Люн получила от него документы или информацию. Но его работа в Ливерморе оказалась бы под угрозой срыва, если бы его отношения с Люн стали достоянием общественности.

Было лучше попытаться вообще не думать о том, что могли бы принести грядущие дни или недели, и Джей-Джей справлялся с ожиданием, стараясь как можно больше занять себя. После отставки, как многие бывшие агенты ФБР, он открыл частную фирму безопасности недалеко от своего дома в городке Уэстлейк-Виллидж. На его визитной карточке было написано: «Джеймс Джей. Смит, Частные расследования и консультации по безопасности». На обратной стороне тот же текст был на китайском языке.

В конце января 2003 года Джей-Джей и его прежний босс Дот Келли, которая тоже вышла в отставку, в отдельных автомобилях вели наблюдение в северном пригороде Лос-Анджелеса для корпоративного клиента «Эмеральд Груп», частной фирмы безопасности, возглавляемой Томом Паркером, отставным агентом ФБР в Лос-Анджелесе. Улицы в этом районе, возможно, были немного более переполненными, чем обычно, потому что в то время, и в течение уже нескольких недель, Джей-Джей оставался под наблюдением ФБР, пока он в свою очередь осуществлял своё собственное наблюдение для Паркера. Это была сцена, достойная Мака Сеннетта, знаменитого режиссёра эпохи немого кино, мастера эксцентричной комедии.

Но комическое облегчение, увы, длилось недолго. Вскоре Лес Уайзер, сделав свою работу, закрыл офис в Санта-Монике и готовился вернуться на восток, после многих месяцев, проведённых вдали от семьи.

Столкнувшись со столь устрашающе сложной работой, какой она показалась ему вначале, он сделал то, что намеревался сделать. Остальное было делом прокуроров.

Глава 15. «Королевский турист»

В июле 1997 года Робин Ли рассердилась, когда розетка в кухне её дома в Манхэттен-Бич, Калифорния, внезапно прекратила работать. Она отвинтила лицевую панель, чтобы взглянуть: может быть, она смогла бы сама разобраться с неполадкой и сэкономить на услугах электрика.

Она удалила пластинку и тут же увидела нечто, что показалось ей чрезвычайно подозрительным. В розетке был дополнительный провод, и он было непохож на то, что она когда-либо видела прежде.

Её муж, Питер Хунъе Ли, физик и выпускник Калифорнийского института технологии, без труда понял, что странный проводок это миниатюрный «жучок», замаскированный микрофон, чтобы слушать всё, о чём говорили в помещении.

Для Питера Ли это был первый признак опасности, предвестник большой беды, которой вскоре предстояло обрушиться на него. До этого момента жизнь Ли была прекрасна. Питер Ли был уважаемым учёным, экспертом по лазерам, работавшим и в Лос-Аламосе и в лабораториях ядерного оружия Лоуренса Ливермора. К тому моменту ему исполнилось пятьдесят восемь лет, и он трудился в компании TRW, подрядчике Ливермора, в Редондо-Бич, Калифорния.

Застенчивый человек, интроверт, который хорошо говорил и писал по-китайски, Ли родился в Чунцине в центральном Китае в 1939 году, вырос на Тайване, а затем иммигрировал в Соединённые Штаты.

Ли, натурализованный гражданин США, на короткое время засветился на радаре ФБР в начале 1980-х, когда работал в Ливерморе. Во время поездки в Китай, по словам Пола Мура, бывшего аналитика ФБР, «за завтраком он сказал коллеге, что произошла очень странная вещь, кто-то пришёл в мой гостиничный номер и хотел поговорить со мной. Человек, которому он доверил это, заметил, 'Об этом событии следовало бы рассказать парням из службы безопасности, не забудь написать об этом в твоём отчёте о командировке'. Ли не написал, но другой парень это сделал. ФБР отправилось к Ли, чтобы опросить. Билл Кливленд вёл беседу. Ли говорит, - О, да,

я не написал об этом в моём отчёте, а должен был бы это сделать.

- Вы сохранили дневник поездки? Ли говорит да, но он не может его найти это, придите ещё раз попозже. ФБР возвращается, и Ли говорит, что он не хочет больше иметь с этим никакого дела. Вот потому теперь Ли значится в досье ФБР».

Питер Ли не знал, что десятилетие спустя, в 1991 году, Джей-Джей Смит открыл расследование ФБР против него, после того, как бюро получило информацию о Ли от одного осведомителя. Учёный подозревался в передаче правительственных тайн Китаю. ФБР дало файлу Питера Ли кодовое название «Королевский турист».

У дел, связанных с китайским шпионажем, есть своего рода «усики», которые часто, кажется, вытягиваются наружу и сцепляются с другими делами. Случай Питера Ли использовался как предлог, когда ФБР разрабатывало столь неудачную попытку «вербовки под чужим флагом» доктора Вэня Хо Ли, и агент Бюро пытался сыграть роль шпиона МГБ. И имена агентов, которые работали с делом Питера Ли, были найдены в книжном шкафу «Горничной» в 2002 году, когда ФБР добралось до Катрины Люн и Джей-Джей Смита.

В TRW Ли работал над Объединённой программой Великобритании и США по радиолокационному зондированию океана (Joint UK/US Radar Ocean Imaging Program), попыткой стоимостью в 100 миллионов долларов Соединённых Штатов в сотрудничестве с Великобританией использовать радары на спутниках и самолётах для обнаружения субмарин в подводном положении. Идея состояла в том, что радиолокаторы дистанционного зондирования могли обнаружить демаскирующие признаки подлодок по едва заметным изменениям на поверхности океанских волн. Программа Пентагона базировалась в Ливерморской лаборатории.

В феврале 1994 года ФБР, с одобрения секретного суда, созданного в соответствии с Законом о наблюдении за иностранными разведками, начало «техническое наблюдение»

за Питером Ли, эвфемизма для прослушивания. Установка «жучка» в кухне была одобрена позже, в августе 1996 года.

В мае следующего года Ли и его жена посетили Китай в трёхнедельной поездке, которая включала Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, и другие города. На своём формуляре-заявке для заграничной поездки в TRW Ли указал, что едет в отпуск как турист и сам оплачивает свои расходы. Но на самом деле его пригласил читать лекции китайский Институт прикладной физики и вычислительной математики в Пекине, который и оплатил его поездку.

В Пекине Ли читал лекции о микроволнах, рассеивающихся от океанских волн, и говорил о своей работе над проектом получения радиолокационных изображений океана. Он показывал учёным фотографию следа надводного корабля, которую он принёс с собой, и нарисовал схему, иллюстрирующую его слова. В ответе на вопрос он сказал, что такая технология могла бы также использоваться, чтобы обнаруживать подлодки, двигающиеся в подводном положении.

Среди этих тридцати учёных присутствовали Хе Сянту, Ду Сянвань, Чен Ненкань, с которыми Ли встречался во время своей более ранней поездки в Китай в 1985 году, и Минь Ю, которого он тоже встречал в прежней поездке, и которого один сотрудник Ливермора описал как Эдварда Теллера китайской программы ядерного оружия.

Очевидно, Ли понимал, что у него могут возникнуть неприятности из-за его несогласованной со своим руководством лекции для китайских учёных, потому что прежде, чем покинуть институт, он стёр схему и разорвал фотографию на мелкие кусочки. Несколько дней спустя, он читал лекции учёным в другом городе.

Вернувшись в Калифорнию в конце мая, он заполнил анкетный формуляр для TRW, и написал, что китайцы не спрашивали его «относительно технической информации» и не пытались убедить его раскрыть засекреченные данные. Однако он не обнаруживал признаков неприятностей - пока Робин не

обнаружила «жучок» два месяца спустя.

Джей-Джей Смит назначил для расследования «Королевского туриста» трёх агентов: Гилберта Кордову, Серену Олстон и Брэда Гилберта. Они были той же самой группой, которая расследовала Джеффри Вана в деле «Небесного трона».

В конце июня Кордова допросил Ли, который настаивал, как он и написал в своей заявке на заграничную поездку для TRW, что он заплатил свои собственные деньги за то, что он описал как поездку для развлечения и осмотра достопримечательностей. Он отрицал, что участвовал в каких-либо технических или научных обсуждениях с кем-то в Китае. Солгав по обоим вопросам, Ли не понимал, что тем самым вырыл себе ещё более глубокую яму.

Как только Робин Ли обнаружила «жучок» на кухне, наблюдение, очевидно, оказалось под угрозой. Джей-Джей Смит и другие агенты поняли, что им следует действовать быстро. В августе ФБР дважды допросило Ли в гостиничном номере в Санта-Барбаре.

Ли не догадывался, что у него было много слушателей. Пока Кордова и Олстон расспрашивали учёного в гостинице сети Фесса Паркера, Джей-Джей и вся его команда в составе приблизительно пятнадцати агентов ФБР из Лос-Анджелеса собрались в соседнем номере, наблюдая за допросом по видеосвязи.

К некоторому удивлению агентов ФБР Ли теперь признал, что он лгал и о цели его поездки, и о том, что якобы он не говорил с китайцами о технических делах. Но он продолжал настаивать, что платил за поездку сам. На втором из допросов, 14 августа, его попросили предъявить квитанции, чтобы проверить его расходы в поездке.

Вскоре после этого Ли послал по электронной почте и по факсу письмо к Го Хуну, китайскому чиновнику, по «чрезвычайно срочному вопросу». Он попросил, чтобы Го прислал ему квитанции на английском языке с именами его и Робин, доказывающие, что он сам заплатил за поездку. Китайский

чиновник пошёл ему навстречу, и в начале сентября Ли представил ФБР фальшивые квитанции.

Месяц спустя Ли согласился на новый допрос и на тест на детекторе лжи. Когда ему сказали, что он провалился на детекторе лжи, Ли признался на видеозаписи, что он действительно говорил в Китае о секретных данных и солгал в своём анкетном отчёте после путешествия. Он сказал, что раскрыл информацию, потому что Китай - «такая бедная страна», и один из учёных попросил его о помощи. Это был классический пример *«гуаньси»* и приёма «помогите модернизации Китая», которые работали и в других случаях.

Но Питер Ли приготовил агентам ФБР ещё больший сюрприз. Решив облегчить душу, он начал рассказывать о четырёхнедельном путешествии, которое он предпринял в Китай в январе 1985 года.

Во время поездки Ли работал в Лос-Аламосе. В течение восьми лет перед этим, однако, он занимал в Ливерморской лаборатории должность физика-исследователя, специализировавшегося на управляемом термоядерном синтезе с инерционным удержанием (inertial confinement fusion, ICF), использовании лазеров для инициирования миниатюрных, буквально «настольных» термоядерных взрывов. В этих экспериментах мощные лазеры были сфокусированы на «хольрауме» (буквально - «полости»), маленьком золотом цилиндре, не больше скрепки для бумаг, в котором находилась крошечная капсула, содержащая дейтерий и тритий. Цель эксперимента состоит в том, чтобы заставить топливо в капсуле загореться, создавая на доли секунды миниатюрную звезду и производя новую энергию путём синтеза, тем же способом, как создаёт энергию Солнце. Процесс, в случае успеха, мог использоваться для получения ядерной энергии для производства электричества, но этот процесс подобен и тому, что происходит в термоядерной бомбе.

Танцы начались 9 января 1985 года, когда Ли встретился с Чен Ненканем, учёным китайской Академии инженерной физики, учреждения, которое проектировало и развивало ядерное оружие страны. В гостиничном номере Чена в Пекине Чен задал

Ли вопросы, касающиеся секретных данных. Чен сказал Ли, что он не должен был говорить, он мог только кивать да или нет.

Это помешало бы любому прослушиванию. Но это также позволило бы Ли утверждать, что он никогда не «говорил» Чену о каких-то американских тайнах.

Чен, один из главных учёных Китая в его программе разработки ядерного оружия, получил степень доктора философии по физике в Йельском университете в 1950 году. Он нарисовал для Ли схему «хольраума» и задал ряд вопросов об этом. Идею отвечать на вопросы только кивком скоро забыли, и Ли отвечал на вопросы о размерах цилиндра и о том, где в нём располагалась капсула.

На следующий день Чен забрал Ли из его гостиницы и привёз в другую гостиницу, где группа китайских учёных ждала в маленьком конференц-зале. В течение двух часов Ли отвечал на вопросы и нарисовал несколько диаграмм, включая эскизы «хольраума». Он также обсуждал проблемы, с которыми Соединённые Штаты столкнулись при их моделировании испытаний ядерного оружия.

На первый взгляд, правительство, похоже, располагало неоспоримыми доказательствами в деле Питера Ли. Он сам признался, что в 1985 году раскрыл секретные данные о лазерной программе, а в 1997 году о проекте радиолокационного наблюдения за океаном и его возможном использовании для поиска подводных лодок. Он лгал о цели своей поездки в 1997 году, и отрицал, что затрагивал технические темы в Китае. Он также попытался обмануть ФБР с фальшивыми квитанциями, чтобы показать, что платил за путешествие из своего кармана.

Расследование дела было поручено Джонатану Шапиро, молодому боевому федеральному прокурору в Лос-Анджелесе, выпускнику Гарварда с дипломом юриста, полученным в Калифорнийском университете в Беркли, и стипендиату Роудса. Шапиро, как он позже свидетельствовал перед подкомиссией юридического комитета Сената под председательством сенатора Арлена Спектера, «думал, что это

было верное дело».

Но Шапиро вскоре оказался в ссоре с Министерством юстиции в Вашингтоне.

- Это вовсе не секрет, что в судебном обвинении Питера Ли, - свидетельствовал он, - я был решительным сторонником самого агрессивного подхода в преследовании господина Ли по обвинению в шпионаже. Также не было тайной, что у меня были разногласия с моими начальниками в прокуратуре и с Министерством юстиции о том, как следует расследовать это дело и формулировать обвинение.

В сотнях других дел, в которых Шапиро действовал как прокурор, он не нуждался в одобрении из Вашингтона. Но шпионаж это другое дело. Никакое шпионское дело не может продвинуться вперёд без разрешающего сигнала от прокуроров отдела внутренней безопасности Министерства.

И адвокаты в Вашингтоне быстро увидели, что в деле «Королевского туриста» можно увязнуть как в болоте. Проблема состояла в том, что информация, которую Ли раскрыл в Китае в обоих случаях, действительно была засекреченной в то время, когда он о ней рассказал, но позже была уже рассекречена и обсуждалась публично американскими официальными лицами.

И внутри, и вне правительства существует значительное недопонимание системы засекречивания. Документы засекречиваются в соответствии с правительственным распоряжением, но не в соответствии с законом. Действительно, хотя военные документы и начали получать гриф секретности ещё в годы Первой мировой войны, но никакой гражданской системы определения секретности документов не было, пока президент Гарри С. Трумэн не издал первый президентский заказ о засекречивании в 1951 году. Последующие президенты издавали подобные распоряжения о том, что документы могут нести гриф «конфиденциально», «секретно» или «совершенно секретно», в зависимости от того, какой ущерб для национальной безопасности могло бы вызвать их раскрытие.

Но поверх категории «совершенно секретно» возникла целая «суперструктура» из категорий секретности разведки с экзотическими кодовыми названиями вроде DINAR, UMBRA или SPOKE, обычно используемые для защиты методов сбора развединформации, таких, как спутники-шпионы или электронный перехват.

Правительственное распоряжение, короче говоря, не является законом. Система категорий секретности не была установлена Конгрессом. Созданная президентом, она применяется только к служащим федерального правительства. Только Конгресс может принимать законы. Президент может проинструктировать федеральных служащих о том, как ставить на документе гриф «совершенно секретно». Но раскрытие документа с грифом секретности отнюдь не обязательно нарушает какой-либо закон.

Шпионские законы датируются 1917 годом и Первой мировой войной, то есть, они были приняты до того, как президент Трумэн изобрёл систему секретности. За узким исключением, имеющим дело с шифрами, кодами и разведкой связи, законы наказывают не за раскрытие секретных документов как таковых, но за выдачу информации, «касающейся национальной обороны». Это - решающее различие, так как существует много документов, которые по своей приоритетности никогда не должны были быть секретными, но получили гриф «секретно» или «совершенно секретно» от чрезмерно фанатичных бюрократов. Иногда чиновники орудуют штемпелем для проставления отметки секретности на документе, просто чтобы почувствовать свою важность или потому что знают, что иначе их начальники, возможно, даже не потрудились бы прочитать его.

Вводить уголовную ответственность за утечки правительственной информации сами по себе просто потому, что эта информация отмечена как засекреченная, было бы абсурдно: в 2008 году правительство засекретило 23 421 098 документов, общее количество, которое более чем удвоилось за шесть лет. Едва ли вероятно, что у правительства есть так много реальных тайн, чтобы скрывать их от своих граждан.

Ненужная секретность это факт жизни в Вашингтоне. Во время Второй мировой войны, армия на самом деле засекретила лук и стрелы как «бесшумное и беспламенное оружие». Одно правительственное учреждение засекретило тот факт, что вода не течёт в гору. В первые годы космической программы Пентагон засекречивал факт, что в космос отправляли обезьян, хотя на клетке макаки в Национальном зоопарке висит мемориальная доска, рассказывающая посетителям, что именно эта обезьяна взлетела в небо на двести тысяч футов на ракете военно-воздушных сил.

Когда правительство пытается использовать законы о шпионаже, чтобы кого-то преследовать по суду, оно должно доказать, что именно данный засекреченный документ соответствует установленному законом определению «касающийся национальной обороны». Для обвинения недостаточно просто показать, что, мол, этот документ секретный, так как возможно, что этот документ был засекречен без оправданной причины. Иначе, если бы публикация или раскрытие секретных данных были незаконны сами по себе, то у правительства был бы полный контроль над информацией, и Первая Поправка стала бы бессмысленной.

В практическом смысле, однако, обвинители обычно отказываются довести дело до процесса на суде присяжных, если они не могут показать, что обвиняемый раскрыл секретные данные. Если информация не засекречена, присяжные вполне могли бы задаться вопросом, как правительство может утверждать, что эти документы касаются национальной обороны, и что их раскрытие нанесло бы ущерб национальной безопасности.

И как раз это и было проблемой, с которой обвинение столкнулось в случае «Королевского туриста». Документ, который Ли написал в 1982 году и обсуждал в Китае в 1985 году, был засекречен. Но учёные во всём мире занимались управляемым термоядерным синтезом с инерционным удержанием, и к 1993 году эксперименты ICF, о которых говорил Ли, были рассекречены.

Больше того, к 1993 году Министерство энергетики даже

поощряло другие страны моделировать ядерные взрывы в лаборатории - как раз та работа ICF, которой занимался Ли - чтобы отговорить другие страны проводить ядерные испытания в атмосфере. Майкл Либмэн, прокурор Министерства юстиции, ответственный за случай Ли, волновался, что, если преследовать Ли по суду за его лекции в 1985 году, учёный мог бы утверждать, что он только пытался помочь убедить Китай не проводить испытания ядерного оружия в воздухе.

Обсуждение учёным проекта наблюдения за океаном и использования радара для слежения за кораблями и подводными лодками представили ещё большее препятствие, по мысли Либмэна. Но Ли признался, что рассказал китайцам в 1997 году, что радары также могли использоваться для обнаружения субмарин. Либмэн думал, что можно было бы использовать эту неосторожность, чтобы выстроить против Ли обвинение в шпионаже. Но затем Либмэн пришёл в смятение, обнаружив на сайте Ливерморской лаборатории статью, опубликованную в марте 1995 года, т.е., за два года до поездки Ли в Китай.

Статья под заголовком «Радарное отображение океана» обсуждала роль Ливермора в объединённой англо-американской программе: «Этот проект сосредотачивается на обнаружении радарами поверхностных проявлений движения подводных лодок, движущихся под водой». Ой!

Это было ещё не самое плохое. Несколько дней спустя Либмэн узнал, что в апреле 1994 года доктор Ричард И. Тугуд, возглавлявший проект радиолокационного наблюдения за океаном в Ливерморской лаборатории, хвастался на открытом заседании Комитета по вооружённым силам Палаты представителей, что программа «достигла больших успехов в развитии методов обнаружения следов подводных лодок с использованием радаров дистанционного зондирования», которые могли измерять «поверхностные эффекты, проявившиеся в результате подводных помех».

Когда он свидетельствовал перед подкомиссией Сената по надзору за Министерством юстиции в 2000 году, Тугуд столкнулся с трудностями, когда определял уровень

секретности данных о прослеживании подлодок, которые Ли раскрыл в Китае. Он проанализировал признание Ли ФБР. «Когда я увидел видеозапись и слушал магнитную ленту, мой немедленный ответ был, что это является, по крайней мере, конфиденциальным, и я думал, что это могло быть, вероятно... секретным». Тугуд сказал, что он говорил Биллу Кливленду, тогда отвечающему за безопасность в Ливерморе, что «это вероятно было секретным». Документ, представленный на слушаниях, указал, что Тугуд считал, что информация об обнаружении субмарин была засекреченной с грифом «секретно/малиновый уровень».

Шапиро был недоволен, что Тугуд был единственным правительственным свидетелем, предоставленным ему, кто мог бы свидетельствовать, что Ли раскрыл секретные данные. Но и Тугуд запутался в уровне секретности.

Обвинитель продолжал просить кого-то у ВМС, кто мог бы точно разъяснить, насколько секретными были данные о слежении за подлодками. Тугуд, как Шапиро сказал юридической подкомиссии, был «лучшим, кого я мог предложить». Но, он добавил, «всё же у меня был Тугуд, и я собирался использовать Тугуда». Проблема состояла в том, что «мнение д-ра Тугуда менялось». Как свидетель, сердился Шапиро, Тугуд был не слишком хорош. «Доктор Тугуд, на мой взгляд, сгорел бы синим пламенем на перекрёстном допросе».

Шапиро также свидетельствовал, что он хотел арестовать Ли, когда тот признался, но Министерство юстиции запретило ему, сказав, что ему требуется больше времени на изучение улик. Шапиро говорил, что ему хотелось «надеть на него наручники и дать ему возможность почувствовать вкус пребывания в тюрьме... Мои разочарования в этом деле начались с того момента, когда мне не разрешили "поместить манжеты в него и позволить ему лишение свободы вкуса... Мои расстройства в этом случае начались, когда мне не разрешили посадить господина Ли».

Но самый сильный удар обвинение получило с неожиданной стороны - от военно-морского флота Соединённых Штатов. Джон Дж. Шустёр, начальник отдела безопасности подводных

сил флота, написал памятную записку с оценкой ущерба, вызванного раскрытием Ли информации китайцам. Хотя записка была составлена как «руководство по секретности», она значительно выходила за пределы этого вопроса. Записка утверждала, что методы использования радаров не являлись секретными, они не относились к «демаскирующим признакам следа, оставляемого подводной лодкой», в таком случае они носили гриф «секретно». Но ещё в ней было сказано, что, с другой стороны, факты, обсуждавшиеся Ли на встрече с китайцами, были взяты из документа, отмеченного грифом «конфиденциально». И так как тема уже была затронута на несекретных брифингах и в публикациях, «трудно утверждать, что был нанесён существенный ущерб».

А затем следовала самая изюминка: «Более того, привлечение внимания к нашей обеспокоенности относительно этой темы на общественном форуме могло бы нанести больший вред национальной безопасности, чем изначальное раскрытие». По этой причине Шустёр убеждал не преследовать Ли по суду за то, что он говорил китайцам о радаре, способном выслеживать подводные лодки. Или, как заявлял Шустёр, он выступает «против судебного преследования, которое могло бы подвергнуть риску разглашение информации о других не акустических средствах ASW [борьбы с подводными лодками]».

Если Шапиро думал, что Тугуд был проблемой, то меморандум Шустера оказался на порядок более серьёзным препятствием. Флот говорил, да, «Королевский турист» на самом деле раскрыл секретную информацию, но мы не хотим судебного процесса, на котором всплыли бы сведения о том, как можно следить за подводными лодками.

В одном интервью Шапиро подтвердил, что «нежелание ВМС было проблемой». Это было на самом деле огромным барьером, хотя, как оказалось, только одним среди многих других.

Два основных закона о шпионаже содержатся в Разделе 18 Кодекса Соединённых Штатов. Наказания по каждому из них совершенно различны.

Статья 793, «Сбор, передача или утрата информации

оборонного значения», нацелена на любого, кто изыскивает, записывает или другим способом добывает информацию при наличии намерения или основания полагать, что эта информация будет использована во вред Соединённым Штатам или в пользу иностранного государства. Она применяется также к тому, кто на законной или несанкционированной основе владеет такой информацией и передаёт её к кому-либо, не наделённому правом её получения, или из-за «крайней небрежности» позволяет данным быть перемещёнными или потерянными. Для нарушителей статья предусматривает денежные штрафы или десятилетний тюремный срок, или оба вида наказания.

Статья 794, «Сбор или предоставление информацию оборонного значения с целью помощи иностранному правительству», намного более безжалостна. Она нацелено на любого, кто, при наличии намерения или основания полагать, что эта информация будет использована во вред Соединённым Штатам или в пользу иностранного государства, передаёт иностранному правительству информацию, «касающуюся национальной обороны». В зависимости от вида переданной информации, наказание по такой статье либо смертная казнь, либо тюремное заключение, включая пожизненное.

Шапиро полагал, что он мог засудить Ли по Статье 794. Он рассуждал, что даже при том, что тайны, выданные Ли китайцам, были позже рассекречены, он нарушил закон о шпионаже в то время, когда читал лекции китайским учёным и в 1985 и в 1997 годах. Но начальники Шапиро в Министерстве юстиции не уполномочивали его использовать для обвинения этот закон. Ему разрешили только угрожать использовать Статью 794 как рычаг для достижения соглашения о признании вины. Если бы ему не удалось добиться от Ли соглашения о признании вины, ему было приказано возвращаться в Министерство, и дело было бы пересмотрено.

Вдобавок ко всему, ФБР объяснило прокурору, что Бюро более заинтересовано в своей контрразведывательной миссии, нежели собственно в приговоре Питеру Ли. Майкл П. Доррис, высокопоставленный чиновник ФБР, сказал точно то, что было написано им в его записке от 25 ноября 1997 года.

Записка подчёркивала, что «ФБР намного больше интересуется «intel» - разведывательной информацией, которую всё ещё предстоит собрать, нежели наказанием преступников. Поэтому любое соглашение о признании вины должно содержать формулировку, разрешающую полный согласованный поиск и полное сотрудничество с КТ [«Королевским туристом»]. Он должен также согласиться рассказать всё. Возможно, даже проведите проверку на детекторе лжи, кто знает. Так или иначе, я думаю, вы поняли мысль».

В своём свидетельстве перед подкомиссией юридического комитета Шапиро не скрывал своего разочарования в попытке довести дело до суда. Часть проблемы, как он сказал, была в том, что «были люди, которые не были заинтересованы в том, чтобы Питер Ли предстал перед судом, потому что их интересовал именно сбор «intel», получение развединформации. Я как пони, умеющая делать лишь один трюк. Я делаю только одно. Я веду судебные дела. Они приносят их мне. Я поддерживаю обвинение по ним в суде, я расследую их. Я не собиратель развединформации».

Хотя в 1997 год десятилетний срок давности для преследования по Статье 793 закончился для его раскрытия информации в 1985 году, Ли, вероятно, чтобы избежать более тяжёлого обвинения в шпионаже, согласился признать себя виновным в нарушении менее жёсткого закона, в том, что «преднамеренно сообщил» китайцам «информацию, касающуюся национальной обороны» и сделал так, «имея основания полагать, что информация могла использоваться к выгоде Китайской Народной Республики». Он также признал себя виновным в том, что дал ложные сведения в анкете, заполненной после путешествия, о своих контактах с иностранными чиновниками во время поездки 1997 года. По двум объединённым обвинениям, которые правительство рекомендовало использовать одновременно, Ли угрожали десять лет тюремного заключения и штраф 250 000 долларов.

Ли таким образом признал себя виновным в выдаче в 1985 году информации о своей работе с лазерами над управляемым термоядерным синтезом с инерционным удержанием. В

соглашении о признании вины не было никакого упоминания о данных о методах обнаружении субмарин с использованием радара, которые он раскрыл в 1997 году. Флот добился своего: не было бы никакого процесса и обсуждения в зале суда, где говорилось бы о слежении за подводными лодками.

Флот, впрочем, хотел достичь этого двумя путями. Два года спустя, когда проект Доклада Кокса о китайском шпионаже негласно циркулировал по правительственным учреждениям, высокопоставленные руководители ВМС почувствовали тревогу из-за того, чего они добились. Проект Доклада Кокса, так же как его опубликованная версия, говорил, что раскрытая Ли информация об обнаружении подводных лодок под водой, могла дать возможность вооружённым силам Китая «угрожать ранее неуязвимым американским ядерным субмаринам».

Это казалось разумным выводом; если бы радар мог использоваться для обнаружения подводных лодок, движущихся ниже поверхности моря, то подлодки больше не были бы неуязвимы. Но с точки зрения ВМС это вообще никуда не годилось, если бы общественность думала, что субмарины с ядерным вооружением, одна из составных частей американской триады ядерного устрашения, больше не были в безопасности.

Стивен У. Престон, главный юрисконсульт ВМС, написал письмо Коксу и Норму Диксу, конгрессмену-демократу, занимающему важное положение в комитете, с возражениями против формулировки доклада. Как высказался Престон перед юридической подкомиссией, у Доклада Кокса «был потенциал создания широко распространённого неправильного восприятия, что из-за раскрытия информации, совершённого Ли, подводные силы оказались уязвимыми для противников».

Как часть соглашения о признании вины Ли должен был согласиться на допросы ФБР и ответить на все их вопросы. В свою очередь, правительство сказало, что оно «рекомендует короткий срок лишения свободы».

Сделка была окончательно заключена Джеймсом Д. Хендерсоном, адвокатом Ли, прежним федеральным

прокурором в Лос-Анджелесе, и Шапиро. Утром 26 марта 1998 года Ли, Шапиро и Хендерсон предстали перед судьёй Терри Дж. Хэттером в федеральном окружном суде в Лос-Анджелесе.

Хендерсон первым нанёс удар. Он приложил все усилия, чтобы попытаться убедить судью не сажать Ли в тюрьму.

- Не все должны попадать в тюрьму, - сказал он. Ли, как он уверял, был «не тем типом человека, которому место в тюремной камере».

Когда Ли раскрыл информацию в Китае, аргументировал Хендерсон, он был в настроении учителя, пытаясь только помочь другим учёным, и «его одолело желание помочь им». Это было только «научным делом».

- Эго Ли тут победило его самого.

На Шапиро такие аргументы совсем не подействовали.

- Он лгал, - возражал прокурор. - Он поставил под угрозу безопасность проектов, над которыми работал...

Вместо того чтобы служить Соединённым Штатам, как он поклялся, он попытался помочь Китаю. Шапиро сказал, что Ли участвовал в «образцовом обмане». В драматической манере обвинитель в суде расписывал «хольраум», связывая его с «конструкцией ядерного оружия».

Наконец настал момент выступления самого Питера Ли. Он признался в «вопиющей ошибке» и добавил, «меня увлёк дух профессионального товарищества.... Я признаю, что я нарушил священную клятву не обсуждать секреты. Я глубоко сожалею и раскаиваюсь в своих действиях..., и я хотел бы попросить о мягкости. Пожалуйста, ваша честь, не сажайте меня в тюрьму».

Хэттер сомневался в объяснении Ли, что его, мол, «увлекло» в разговоре с китайскими учёными.

- Хорошо, позвольте мне остановить вас на минутку,- сказал судья. - Здесь же не только ваши действия тринадцать лет

назад, но есть и другой пункт, ваши ложные утверждения намного позже.

Но Хэттер, к большому и явному разочарованию Шапиро и агентов ФБР в зале суда, не посадил Ли в тюрьму. Он приговорил Ли, вместо этого, к одному году пребывания в «доме на полпути» (учреждении для реабилитации), к трём тысячам часов общественных работ и к штрафу размером в 20 000 долларов. Но карьера Ли, как учёного, работающего в лабораториях ядерного оружия или в фирмах-подрядчиках министерства обороны, по существу закончилась, так как он теперь был осуждённым уголовным преступником и лишился допуска от службы безопасности.

Спустя шесть месяцев после вынесения приговора Ли, в его деле появился курьёзный постскриптум. Пентагон попросил, чтобы Следственная служба ВМС (NCIS) провела допрос Ли в соответствии с «Проектом Тюрьма». Малоизвестный проект (Project Slammer), осуществляемый правительственными спецслужбами, проводит опросы признанных виновными шпионов, чтобы узнать о мотивах их действий. ФБР, скорее всего, не было доброжелательно настроено из-за вмешательства флота в дело Ли и приказало NCIS убираться. Никакой беседы с Питером Ли по «Проекту Тюрьма» не состоялось.

Вспоминая это дело, Джеймс Хендерсон, адвокат Ли, сказал, что его подзащитный был признан виновным за то, что раскрыл информацию, которая вообще «никогда не должна была быть засекреченной». Согласно Хендерсону, «директор одной из программ, над которой работал Ли, назвал мне одну единственную причину: эти данные были засекречены, чтобы получить финансирование от Конгресса».

У поверенного защиты было своё собственное представление о «Королевском туристе».

- Он не был никаким настоящим шпионом, - настаивал Хендерсон, - просто парнем, который сделал кое-что глупое, потому что хотел стать важной шишкой.

Глава 16. Ричард Никсон и Хостес из Гонконга

В 1967 Дэн Гроув был человеком ФБР в Гонконге, ключевом пункте сбора развединформации по Китаю и Юго-Восточной Азии. Примерно как Вена после Второй мировой войны, Гонконг как магнит притягивал шпионов и интриги.

У Гроува, как у всех агентов ФБР, размещённых за границей, была официальная должность юридического атташе, или легата. В будущем ему предстояло сыграть важную роль в деле «Ловушки для тигра», когда завербованному им студенту было поручено доставить письмо от Хэнсона Хуанга Гобау Миню, учёному Ливерморской лаборатории.

В октябре 1967 года Ричард Никсон был в Гонконге, городе, который он часто посещал как старший партнёр в нью-йоркской юридической фирме «Никсон, Мадж, Роуз, Гатри, Александер энд Митчелл», где он работал в течение 1960-х годов и составлял планы своего возвращения в политику. Когда Никсон ездил за границу, он, как бывший вице-президент, при желании мог бы получать информацию по политическим и военным вопросам в американских посольствах в странах, которые посещал. Когда он приехал в Гонконг в 1967 году, чиновники в американском консульстве проинформировали его о Китае.

Как легат ФБР в британской колонии, Гроув иногда работал с Периклсом «Перри» Спаносом, старшим специальным агентом Министерства финансов в Гонконге. Спанос, прежде всего, интересовался контрабандой, подделкой денег и наркотиками. Одним из злачных мест, за которыми он пристально следил, был бар «Логово» («Den») в старой гостинице «Хилтон».

Американское консульство в Гонконге находится на Гарден-Роуд. «Хилтон», местный ориентир, пока не был снесён в 1995 году, находился четырьмя кварталами ближе к подножью холма, ниже консульства, на углу Куинс-Сентрал-Роуд. В «Хилтоне» было два бара: «Лодка Дракона», имеющий форму лодки, был настоящим баром; «Логово», в подвале, был коктейльным залом. Марианна Лю, красивая молодая китаянка, была главной хостес в «Логове».

«Логово» было местом, где клиенты могли наслаждаться филиппинским оркестром, танцами и напитками.

- Когда сюда заходил флот, - говорил один американский дипломат, - американские офицеры и лётчики заказывали номера «люкс» в «Хилтоне», и в «Лодке Дракона» и «Логове» было полно вечеринок.

Китайская разведка не упустила из виду привязанность флота к «Хилтону», вспоминал Милтон Бирден, который провёл пять лет в Гонконге во время двух командировок для ЦРУ.

- Гонконг, «Хилтон», «Бар Дракон» и «Логово» были чрезвычайно многообещающими целями для КНР. Разведка была надомным промыслом в Гонконге. Все были в неё вовлечены. Англичане, американцы, китайцы, жирные коты. Все.

Это включало и ФБР.

- Однажды, вспоминал Гроув, - Спанос в фойе заговорил со мной о Лю. Он сказал, что она - мой источник о контрабанде драгоценностей и различных вещей из Китая. Он сказал, что есть множество разных сообщений об её работе на другую сторону. Он сказал, что вам стоило бы приглядеться к ней.

Никсон был в городе, и Спанос сказал Гроуву, что Лю посетила бывшего вице-президента в его «люксе» в отеле «Мандарин». «Спанос сказал, что она провела прошлую ночь с Никсоном. Он сказал, 'я действительно обеспокоен этой ситуацией. Никсон провёл ночь с нею в отеле «Мандарин»'. Он сказал, 'Он сожительствует с этой девочкой, и я знаю, что его проинформировали по вопросам национальной безопасности'. Именно из-за этого Перри был столь взволнован.

Гроув сопротивлялся.

- Я сказал, что мы находимся за границей, и это юрисдикция Управления [ЦРУ]. Он сказал, 'Да, но Никсон - американский политик, и его только что проинструктировали здесь по

вопросам, являющимся совершенно секретными. Гроув, наконец, согласился сопровождать Спаноса в «Логово».

- Я никогда не забуду, - рассказывал Гроув. - Это был очень жаркий день - вы могли пожарить яйцо на тротуаре - мы спустились к «Логову». Их приветствовала Марианна Лю. - Она дала нам хорошее место, и Спанос сказал, 'я понимаю, что вы провели вчера вечером ночь с большим человеком'. Она хихикает. Она смеялась и хихикала, и сказала да и указала на другую девочку, и сказала, что она и другая хостес, Тереза, были с ним и его другом. И этим другом, как я узнал, был Бебе Ребозо.

Ребозо, застройщик-миллионер, которому принадлежал банк на острове Кей-Бискейн, штат Флорида, был самым близким другом Никсона, его партнёром по игре в гольф, гребле, и выпивке, а также его частым попутчиком в путешествиях. Они оба любили жареные на древесном угле стейки и смотрели фильмы, которые выбирал Ребозо.

Перри Спанос независимо от Гроува вспоминал беседу о Никсоне в «Логове».

- Главной хостес была Марианна, красивая китайская леди чуть за тридцать, - сказал Спанос. - Она была очень скромна, и сказала, что она и её подруга Тереза встретили его, и намекала, что это было больше, чем просто случайная встреча. Тереза была рядом, Марианна указала на неё. Она сказала, 'Я сама и Тереза развлекали Никсона'. Я не думаю, что Никсон был бабником. Потому это меня удивило.

Гроув не сомневался, что Лю и другая хостес посетили Никсона и Ребозо в «Мандарине». Но он сомневался в её намёке с хихиканьем, что они вместе провели ночь.

- Марианна Лю была подругой Никсона, - сказал Гроув. - Я убеждён, что она работала на другую сторону. Я думаю, что она была также каналом коммуникации, он использовал её как обходной канал для контактов с китайцами. Перед открытием к Китаю*. Она клянётся, что они даже не притрагивались друг к другу, и я верю ей.

*Под «открытием» тут понимается установление дипломатических отношений США с коммунистическим правительством Китая в 1971 году, и последовавший визит президента США Никсона в Пекин в феврале 1972 года.

Однако Гроув чувствовал, что он должен был сообщить штабу ФБР о его встрече с Лю в «Логове». Прежде чем доложить о беседе в Вашингтон, Гроув решил, что будет благоразумно согласовать этот вопрос с англичанами, на территории которых он действовал. Он сделал официальный звонок в Специальный отдел Королевской Гонконгской полиции.

- Я обратился к британцам и спросил, наблюдали ли они за Лю, и они сказали, что о ней несколько раз докладывали, всегда, когда она задавала вопросы морякам внизу в «Логове». Когда вы отходите? и тому подобное. Британцы сказали, что сообщали нам об этом несколько раз, что она была вероятным агентом CHIS [китайской разведывательной службы]. Мы не занимались расследованиями, уточнили они, потому что все её действия были направлены на США.

12 октября Гроув по зову долга сообщил в штаб-квартиру ФБР об опасениях англичан по отношении к Лю и о беседе в «Логове». Он хорошо знал, что часть о посещении отеля была своего рода непристойной сплетней, которые, как поговаривали, любил коллекционировать Дж. Эдгар Гувер, чтобы получить в свои руки рычаги для воздействия на президентов и других должностных лиц. Гроув видел это иначе. Старомодный агент ФБР, подсознательно лояльный к Бюро, он утверждал, что обязанностью Гувера было информировать высокопоставленных чиновников, если Бюро узнавало о слухах, распространяемых о них.

Спустя два года после того, как Никсон оставил президентский пост в 1974 году, его контакты с Лю в Гонконге просочились, но привлекли мало внимания в основных средствах массовой информации. Однако памятная записка ФБР в июле 1976 года процитировала и заново переформулировала сообщение Гроува штабу в 1967 году. По поводу Лю в ней было сказано:

Внимание Бюро было впервые привлечено к информации относительно данного лица Юридическим атташе Бюро в Гонконге, в письме, датированным 10/12/67, согласно которому подозрения в возможной причастности данного лица к разведке коммунистического Китая предполагались, но не были доказаны Специальным отделом Гонконгской Полиции и представителем Таможенной службы Соединённых Штатов в Гонконге, указывавшем, что он слышал от прежнего представителя Таможенной службы в Гонконге, что данное лицо регулярно было сексуальным партнёром вице-президента Никсона, когда он посещал Гонконг. Представитель Таможенной службы указал, что он знал об этом не из первых рук, предоставил информацию по секрету и просил не распространять информацию дальше. Никакого активного расследования данного лица ФБР не проводило.

Сообщение Гроува с его взрывоопасной строкой о Лю как «регулярном сексуальном партнёре вице-президента Никсона» вызвало неожиданную реакцию в штабе в 1967 году.

- Я получил телеграмму с нервным воплем от Билла Салливена, где было сказано, что 'частная жизнь господина Никсона не представляет интереса для Бюро'. Салливен надеялся получить должность Гувера, и он мог видеть в этом крушение своих шансов.

Если бы Никсон стал президентом, рассуждал Гроув, «Салливен думал, что с этой информацией Никсон никогда не избавится от Гувера».

Действительно, 16 декабря 1968 года, спустя немного больше месяца после того, как Никсон был избран президентом, он сообщил через своего пресс-секретаря, что он просил Гувера остаться на посту руководителя ФБР.

Гувер таким же методом гарантировал своё пребывание на посту во время администрации Кеннеди. Генеральный прокурор Роберт Кеннеди, брат президента, очень не любил стареющего директора ФБР, и оба Кеннеди были бы рады, если бы Гувер ушёл в отставку, чего тот вовсе не собирался делать. 22 марта 1962 года Гувер зашёл в Белый дом на

конфиденциальный ленч с президентом Кеннеди, чтобы сообщить ему, что ФБР знало о его сексуальной связи с Джудит Кэмпбелл (она позже вступила в повторный брак и стала Джудит Кэмпбелл Экснер), которая также дарила свои прелести Сэму Джанкане, дону мафии. Джанкана и Джонни Росселли, другой гангстер, были наняты ЦРУ для убийства Фиделя Кастро, а позже им обоим пришлось преждевременно умереть. Джанкана был убит в 1975 году прежде, чем он мог свидетельствовать перед комитетом Сената, расследующем действия ЦРУ. А год спустя тело Россели было найдено в бочке из-под нефти, плававшей в океане около Майами.

Как было задокументировано Специальным комитетом Сената по разведке, «последний телефонный контакт между Белым домом и другом президента [Джудит Кэмпбелл] произошёл спустя несколько часов после ленча». Гувер оставался директором Федерального бюро расследований в течение ещё одного десятилетия, пока не умер на своём посту 2 мая 1972 года в возрасте семидесяти семи лет.

* * *

Уильям С. Салливен был помощником директора ФБР, подхалимом Гувера, который позже порвал с руководителем ФБР и стал его ярым противником. В своей книге, «Бюро: Мои тридцать лет в ФБР Гувера», Салливен рассказал, что Никсон и Ребозо предприняли два путешествия в Гонконг, « которые для Никсона были украшены его дружбой с китайской девушкой по имени Марианна Лю». Салливен описал, что, по его словам, случилось, когда он вручил письмо Гроува директору ФБР:

« - Я займусь этим, - сказал Гувер радостно, когда я передал ему письмо. Он немедленно принёс это письмо будущему президенту. - Я знаю, что тут нет никакой правды, - сказал он Никсону. - Наверняка, кто-то ввёл в заблуждение нашего юридического атташе. Я никогда и никому не расскажу об этом, - закончил Гувер торжественным тоном. Это была одна из его любимых речей, из тех, с которыми он часто обращался к политикам».

В интервью с журналистом газеты «Лос-Анджелес Таймс»

Джеком Нельсоном в 1973 году Салливен назвал Гувера «мастером шантажа». В ту минуту, когда Гувер «узнавал кое-что о сенаторе, он посылал одного из мальчиков на побегушках и извещал сенатора, что мы тут вели расследование, и мы случайно, так получилось, нашли эти данные по вашей дочери. Но мы хотели, чтобы вы это знали - мы понимаем, что вы хотели бы это знать. Но не стоит беспокоиться, никто никогда не узнает об этом. Хорошо, ей-богу, что это говорит сенатору? С того времени сенатор был у него прямо в кармане».

В 2009 году Марианна Лю была живой семидесятисемилетней бабушкой, скромно живущей в Монтерей-Парке, городке с многочисленным китайским населением к востоку от центра Лос-Анджелеса. В длинном интервью с автором в её доме она подтвердила, что она и другая хостес проводили время с Никсоном и Ребозо в отеле «Мандарин», но опровергла многие из историй, которые циркулировали вокруг неё с тех пор, как её дружба с Никсоном стала известной.

Тонкая, невысокая, темноволосая и с карими глазами, Лю рассказала, что она занималась гимнастикой каждый день, чтобы остаться в форме. Она говорила на английском языке в быстром, порывистом стиле.

- Мы были в «Мандарине», да, - сказала она, - но никакой любовной интриги. Мы были друзьями.

- Он был с Бебе Ребозо, - продолжала она. - Они были в «Логове», чтобы выпить. Они сказали, давайте выпьем после работы. Я не хотела идти одна.

Поэтому она попросила, чтобы её подруга Тереза пошла с нею в гостиницу Никсона.

- Приблизительно 9 часов вечера после обеда мы пошли в «Мандарин». Мы пошли туда и просто выпили. Не очень долго, возможно час или меньше. У меня был безалкогольный напиток, я не пью. Она не вспомнила, что пил Никсон.

В «Мандарине», она сказала, Никсон представил Бебе как своего секретаря. В какой-то момент в «люксе» гостиницы,

Никсон «дал мне флакон духов». Она добавила, «я не проводила ночь с Никсоном».

Хотя Лю настаивала, что она видела Никсона только однажды, тем вечером, в «Логове» и затем в гостинице, раньше, судя по всему, её воспоминания звучали несколько иначе.

Согласно статье, опубликованной в 1976 году в "Нью-Йорк Таймс", Лю говорила, что она в первый раз встретилась с Никсоном, когда он был вице-президентом, и она работала как частично занятый гид в туристическом агентстве. Если это правда, то первая их встреча могла состояться в 1950-х годах, когда Никсон был вице-президентом.

Статья сообщала, что Лю рассказала, как встречала Никсона несколько раз после того, и чт, по её мнению, они видели друг друга во время его поездок в Гонконг в 1964, 1965 и 1966 годах. По словам статьи, Лю вспоминала, что когда она попала в больницу в апреле 1967 года, Никсон прислал цветы в её палату.

Хотя посещение «Мандарина» состоялось в октябре 1967 года, фотография Лю и Никсона, тепло улыбающихся друг другу, была снята в «Логове» в 1966 года, согласно досье газеты «Гонконг Стандард», опубликовавшей фотографию. Если дата точна, они встречались, по крайней мере, в эти два года.

Автор спросил Лю в интервью, предоставляла ли она когда-нибудь информацию Китаю.

- Нет, я никогда бы этого не делала, - ответила она. - Я не давала информацию КНР.

Когда ей сказали, что полиция в Гонконге подозревала, что она, возможно, собирала информацию для Китая, она рассмеялась.

- Они говорят, что я - красная шпионка.

Её собственное происхождение, утверждала Лю, не поддерживало эти подозрения. Она была воспитана в Пекине,

говорила она, и её отец был генералом армии националистов и был убит коммунистами. Она помнила, что её отец «хромал на одну ногу, после раны в войне с японцами». Согласно Лю, в 1949 году, когда войска Мао побеждали, они сказали её отцу, что если бы он сдался и перешёл на их сторону, он мог бы «остаться генералом. Он отказался. Он дважды убегал и в третий раз они поймали его. Его расстреляли где-то в Шаньдуне».

К 1951 году Лю переехала в Гонконг. После посещения католической школы она работала в швейцарской часовой компании, в туристическом агентстве и в страховой компании, затем получила работу в «Хилтоне» в 1963 году. Она работала хостес в «Логове» в течение восьми лет.

Согласно истории в «Таймс», Лю рассказала, что Никсон говорил ей, если бы она когда-либо решала эмигрировать в Соединённые Штаты и нуждалась в помощи, то она могла бы связаться с ним. Лю действительно переехала в Соединённые Штаты и получила право на постоянное жительство 1 декабря 1969 года, спустя десять месяцев после того, как Никсон стал президентом, но она сказала газете, что не просила у Никсона помощи. Её муж, Горки Фаан, присоединился к ней несколько лет спустя.

Совпадение или нет, но Лю переехала в Уиттиер, штат Калифорния, родной город Никсона. Она приехала в Соединённые Штаты как прислуга для Рэймонда Ф. Уоррена, чиновника Службы иммиграции и натурализации (INS) в Лос-Анджелесе, который также жил в Уиттиере. Лю сказала, что она работала как компаньон жены Уоррена, Элен, частично парализованной.

Лю сказала в её интервью с автором, что она связалась с Уорреном через китайского бармена, которого она знала в Лос-Анджелесе, а он «был хорошим другом Рэя Уоррена много лет». Она рассказала, что первоначально прибыла в Соединённые Штаты по гостевой визе, «и Уоррен получил для меня бумаги, чтобы я заботилась о его жене». Она подала заявку на натурализацию в 1975 году и стала американской гражданкой.

В 1970-х Лю и её муж купили ресторан в Мэйвуде, Калифорния, под названием «Кухня Андерсона», где подавали американскую пищу. Они владели заведением в течение трёх или четырёх лет.

Но в 1976 году тихая жизнь Лю в Южной Калифорнии приняла неожиданный и несчастный оборот. Журнал «Нейшнл Инквайер» поручил группе из полудюжины репортёров покопаться в отношениях Лю с к тому времени бывшим президентом.

Супермаркетный таблоид опубликовал в крикливом духе первую из двух статей 10 августа, с сенсационным заголовком большими буквами: «У Никсона был роман с подозреваемой красной шпионкой». Ниже заголовка еженедельник поместил фотографию Лю и Никсона и другой заголовок: «Китайская красавица: 'Да, это была любовь'.».

Эта публикация и вторая статья, вышедшая две недели спустя, вызвали вопросы о том, как был решён вопрос с иммиграцией Лю в Соединённые Штаты, почему ей разрешили въехать в страну после того, как ФБР сообщило о подозрениях относительно её работы на китайскую разведку, и почему она спонсировалась чиновником INS из Уиттиера.

Таблоид цитировал Лю, как она и Никсон отправились танцевать при луне на яхту в Гонконгской гавани, на которую совершила набег полиция в 5 часов утра. Лю и Никсон были вместе «несколько раз» в четырёх различных гостиницах в Гонконге, утверждала статья. Она передавала слова Лю, «Да, это была любовь... Это, возможно, легко развилось бы в очень сильную любовную интригу, но я не хотела, чтобы так произошло. У него были важная карьера, и жена и семья, о которых он должен был думать, и я слишком беспокоилась о нём, чтобы позволить ему испортить всё это... У нас было много возможностей заняться любовью - мы были одни в его гостиничном номере, по крайней мере, шесть или семь раз - но я не дала этому случиться». Публикация также сообщала, что Лю дважды посещала Никсона в Белом доме в 1970 году.

В интервью с автором Лю отрицала многие из утверждений в

статье таблоида. Не было, сказала она, никаких танцев на яхте в гавани, с лунным светом или без него, и не было никаких полицейских рейдов.

- Такого никогда не случалось, - сказала она. Она отрицала, что была в четырёх гостиницах с Никсоном. - Нет, только «Мандарин»,- лишь в том одном случае, о котором она рассказывала.

А цитата «Да, это была любовь»? - Нет, они сами составляли всё это. Не верьте словам «Инквайера».

Лю также настаивала, что никогда не посещала Никсона в Белом доме, никогда не видела его после того, как приехала в Соединённые Штаты, и не приезжала в Вашингтон на его инаугурацию, как предполагало одно сообщение ФБР.

К 1976 году Дэн Гроув работал в офисе ФБР в Беркли. «Нейшнл Инквайер» связался с ним, когда собирал сведения для своих статей о Лю, и в июле, за месяц до публикации статей, Гроув послал по пневмопочте в штаб-квартиру ФБР два письма, чтобы привлечь внимание к расследованию таблоида и подробно рассказать о своих беседах с одним из его репортёров.

Предупреждения Гроува, посланные из полевого отделения Сан-Франциско, привели к появлению внутренней памятной записки в штабе ФБР, где говорилось, что, хотя досье Лю не было отправлено Генеральному прокурору Эдварду Х. Леви, он знал о его содержании. Памятная записка ФБР, та же самая, в которой было упоминание Лю как «регулярного сексуального партнёра» Никсона, также утверждала, что никакого контрразведывательного расследования против Лю проводиться не будет. Что касается любых предположений об иммиграции Лю, продолжала записка, то это вопрос INS или Государственного департамента, но не ФБР.

И это было, вероятно, последним официальным документом в саге о хостес из Гонконга и тридцать седьмом президенте Соединённых Штатов. Только Марианна Лю знает всю правду об их отношениях.

Но, возможно, это было больше, чем напиток однажды ночью в «Мандарине».

- Когда он умер, - сказала она, - я ходила на кладбище пару раз, показывала могилу некоторым людям, некоторым друзьям. Он похоронен в Йорба-Линде, и я ходила туда на кладбище.

В 2007 году она снова посетила место погребения Никсона, на территории Библиотеки Никсона.

- Два года назад я взяла нескольких друзей, чтобы посетить могилу господина Никсона, - рассказывала она. - Леди из Сан-Франциско. Они хотели видеть его могилу.

Она на мгновение замолчала. Потом добавила мягко: - Они не знали, что я знала его.

Глава 17. «Анубис»

В египетской мифологии он известен как бог с головой шакала, который, как считалось, защищал мертвецов. Его изображение охраняло могилу фараона Тутанхамона в течение двадцати двух столетий.

Возможно, кодовое имя «Анубис» было выбрано ФБР с лёгкой прихотью, потому что он был RIP, хотя на языке Бюро это сокращение отнюдь не означало привычное «rest in peace» - «покойся с миром». Оно означало «recruitment in place» - «вербовку на месте».

Его настоящее имя было Вэнь Нин. Он родился в Шанхае в 1949 году. В Университете Цинхуа в Пекине он получил диплом бакалавра по теплотехнике в 1976 году. Он проучился ещё два года в университете в Шанхае и женился на своей возлюбленной со школы, Линь Хайлинь.

Поскольку он окончил университет лучше всех на своём курсе, в 1980 году Вэню позволили выехать в Соединённые Штаты для продолжения учёбы. В течение следующих четырёх лет он получил степень магистра и доктора философии в технических

науках в Калифорнийском университете в Беркли. После отъезда из Беркли Вэнь и его жена возвратились в Китай на несколько лет, и он перешёл на дипломатическую службу. В 1986 Вэня с его прекрасным знанием английского языка и со степенями дипломированного специалиста направили в китайское консульство в Сан-Франциско. Его жена тоже работала там регистратором. Два года спустя, когда Китай открыл своё консульство на Шатто-Плейс в Лос-Анджелесе, Вэня перевели туда как атташе по науке и технике. Но семье запретили взять с собой в Америку их единственного ребёнка, дочь Шэрон.

В 1989 году, через год после открытия консульства, Вэнь, очевидно, разочаровался после того, как китайское руководство жестоко подавило протесты на площади Тяньаньмэнь, уничтожив сотни студентов и рабочих. Он сказал американскому другу, что возмущён действиями китайского правительства.

Друг представил Вэня Стиву Джонсону, агенту ФБР в Лос-Анджелесе, который обычно работал с уголовными делами. Джонсон убедил Вэня остаться на своей должности дипломата в консульстве, предоставляя при этом информацию ФБР. Развединформация, которую он передавал Бюро через Джонсона, направлялась к Джей-Джей Смиту, ставшему временно исполняющим обязанности начальника китайской команды контрразведки в апреле 1990 года.

Чтобы убедить «Анубиса» оставаться на своём посту, Джонсон смог использовать сильный довод. Он предложил помочь дочери Вэня получить американскую визу. ФБР тогда позаботилось, чтобы Шэрон приехала в Вашингтон, округ Колумбия, и жила там с её дядей. В свою очередь, Вэнь согласился тайно встречаться с Джонсоном на регулярной основе, пока его командировка не закончится.

Вербовка информатора, остающегося на своей работе, превращаясь в агента на месте, является главным призом, выдающимся успехом и сокровищем короны любой операции контрразведки. При большом личном риске агент на месте имеет возможность предоставлять непрерывную и

современную информацию. В отличие от него перебежчик, невозвращенец, хоть и является обычно желанным, имеет гораздо меньшее значение. После того, как перебежчика допросят и получат от него ту информацию, которой он располагает, он, не имея дальнейшего доступа к тайнам, теряет свою ценность.

По общему мнению, информация, которую Вэнь передавал ФБР, была ценной. Между прочим, по его должности у Вэня был доступ в шифровальную комнату. Сколько ему удалось получить из всей массы шифрограмм, курсирующих между Шатто-Плейс и Пекином, неизвестно. Шифровальные комнаты обычно охраняются. Группа связи консульства состояла из мужа и жены, и мужчине, чтобы он мог всегда следить за шифровальной комнатой, никогда не разрешали выходить из здания.

Но в мире контрразведки не бывает ничего незапутанного. «Анубис» узнал, что у Катрины Люн были отношения с ФБР, которые она, конечно, не намеревалась скрывать и даже фактически рекламировала. И «Анубис» не доверял «Горничной».

Люн, в свою очередь, была знакома и общалась со многими чиновниками в консульстве в Лос-Анджелесе - это же она, в конце концов, помогала выбрать место для строительства. Она знала Вэнь Нина.

При расследовании дела «Горничной» в 2002 и 2003 годах Лес Уайзер и его группа в Санта-Монике должны были взвесить, узнала ли Люн, что «Анубис» был источником ФБР в консульстве.

Джей-Джей Смит, возможно, и не рассказывал «Горничной» прямо об «Анубисе», но он работал в тесном сотрудничестве с Люн, рассматривая её почти в качестве члена его команды. По компетентным и подробным вопросам, которые он ей задавал, Люн могла бы догадаться, что у ФБР был источник в консульстве.

Уайзер и его группа заключили, что Люн могла бы выяснить

личность «Анубиса». Это, в свою очередь, вело к следующему вопросу: если она действительно узнала, что Вэнь поставлял информацию ФБР, сообщила ли она китайцам? Люн не раскрывала всё, о чём она информировала Пекин. Но следователи не могли определить, поделилась ли «Горничная», если она узнала об «Анубисе», этой информацией с МГБ. Как всегда в запутанном зазеркалье, которым является контрразведка, и на этот вопрос не было никакого определённого ответа.

Много информации, поставлявшейся «Анубисом», однако, было в форме документов, которые он тайно выносил из консульства. Несмотря на более поздние проблемы, касающиеся роли «Горничной», ФБР пришло к выводу, что среди этих документов не было фальшивых, что Вэнь не находился под контролем МГБ и не занимался преднамеренным снабжением Бюро дезинформацией. Его считали важным источником.

«Анубис» был очень занят. В 1991 году, без ведома ФБР, и всё ещё оставаясь на должности чиновника консульства, он начал поставлять в Китай компьютерные микросхемы, которые потенциально могли использоваться в производстве вооружения. Он делал так, не получив необходимых экспортных лицензий. Была ли это просто «подработка», чтобы заработать деньги на стороне, или он действовал по инструкциям китайского правительства, не было ясно.

Это началось, когда один китайский чиновник попросил, чтобы Вэнь помог его «другу» в Китае. С Вэнем тогда связался Цю Цзяньго, работавший на компанию электроники в Пекине. Вэнь, продолжая работать в консульстве, и одновременно служа секретным осведомителем ФБР, отправил тринадцать поставок Цю и его компании, «Beijing Rich Linscience Electronics».

К началу 1992 года, однако, «Анубис» решил прекратить свою деятельность агента на месте для ФБР.

- Его командировка заканчивалась, уже совсем скоро, - говорил один сотрудник Бюро. - У них было правило ротации, то есть, перед тем, как снова приехать в США, дипломатам нужно было

вернуться в Китай на некоторое время. После событий на площади Тяньаньмэнь многие люди боялись ехать домой. Он думал, что ему больше никогда не удастся выехать.

В марте Вэнь решил сбежать. ФБР вытащило его, и Джей-Джей спрятал его на какое-то время на конспиративной квартире в Вэлли. Неизвестно, знали ли китайцы или, может быть, не знали, что Вэнь шпионил на ФБР, хотя они, несомненно, заподозрили его в этом после того, как он ушёл. Но они поняли, что он ушёл навсегда.

Вэнь, впрочем, не сжёг мосты полностью. Перед отъездом он написал письмо на пяти страницах чиновникам консульства. В нём он говорил, что, хотя он оставил свою должность, но он всё ещё надеялся, что может «принести реальную помощь своей родине». Ему предложили вакансии в компаниях, занимающимися высокими технологиями, с хорошим жалованием, и таким образом, он мог бы «воспользоваться американскими фондами», чтобы продолжать помогать Китаю.

В своём письме Вэнь признал, что он волновался, что в случае возвращения в Китай, «я мог бы не получить разрешение», чтобы вернуться в Соединённые Штаты и работать за границей.

- Я решил действовать прежде, чем получил разрешение, - заявлял Вэнь. Он оставил три адреса родственников, два в Штатах и один в Канаде, где с ним можно было связаться. - Мы не станем отшельниками, 'скрывающимися в лесах', - написал он.

Что делать с «Анубисом»? ФБР хотело помочь Вэню и его жене и дочери начать новую жизнь в Соединённых Штатах, и также хотело следить за ним. Бюро помогло ему получить работу в Манитовоке, штат Висконсин, маленьком городке на озере Мичиган, к северу от Милуоки и очень далеко от Лос-Анджелеса. Пара переехала туда и обосновалась в скромном кондоминиуме на южной окраине города. И там они воссоединились с их дочерью.

Вэнь также продолжал информировать ФБР как источник Бюро. Специального агента Мелвина Фукуа из полевого отделения

ФБР в Милуоки назначили новым «куратором» «Анубиса». Фукуа проработал в контрразведке большую часть его карьеры, в Бостоне и Канзасе до Милуоки. За следующее десятилетие он встречался или говорил с Вэнем по телефону, возможно, раз сто. С самого начала их семьи сдружились, когда наслаждались рождественским ужином в китайском ресторане в Милуоки.

В 1992 году Вэнь основал «Предприятия Вэня» («Wen Enterprises»), экспортную компанию, которой он и его жена управляли из их дома. Из Манитовока Вэнь принялся отправлять компьютерные микросхемы Цю и Ван Жолинь, жене Цю, которая также работала на пекинскую компанию электроники. Согласно федеральному закону и инструкциям Министерства торговли, вывоз некоторых продуктов двойного назначения, которые можно использовать и в военных, и в гражданских целях, ограничен и не может осуществляться без лицензии. Кроме того, экспортёры должны подать декларацию, если изделие оценено на более чем 2 500 долларов. Вэнь и его жена использовали различные отговорки, чтобы обойти эти требования и поставлять чипы без экспортных лицензий.

Например, многие из компьютерных микросхем, которые они отправили в Китай, были оценены в больше чем 10 000 долларов, или в одном случае даже больше чем 20 000 долларов, но они обычно делали поддельные счета и указывали сумму в 2 457 долларов или другую сумму, лишь бы меньше 2 500 долларов. Чтобы заплатить за поставки, деньги перечислялись «Предприятиям Вэня» в безналичной электронной форме одной строительной компанией в Пекине или таинственной «госпожой Цуй Кань» в Гонконге.

Вэнь, тем временем, устроился в 1993 году в «Компанию Манитовока» («Manitowoc Company»), один из самых больших производителей холодильного оборудования и подъёмных кранов в Америке. В 2000 году компания командировала Вэня назад в Китай как президента и генерального директора её компании по производству холодильной техники в Ханчжоу, в дельте реки Янцзы к югу от Шанхая. Работа требовала, чтобы он десять месяцев в году проводил в Китае.

Это оказалось для ФБР неожиданным золотым дном, потому

что оно получало долгосрочного информатора в Китае, который мог свободно путешествовать в обоих направлениях между материковым Китаем и Соединёнными Штатами.

Для агента Фукуа «Анубис» теперь представлял куда больший интерес. Вэнь сообщал ему о контактах в Китае и об его деловых отношениях с чиновниками китайского правительства. Вэнь стал натурализованным американским гражданином в 2000 году, а его жена получила гражданство в следующем году. В Висконсине они зарегистрировались, написав свои имена в американском стиле, т.е. с фамилией в конце, а не с именем, как принято у китайцев: Нин Вэнь и Хайлинь Линь.

Из Ханчжоу Вэнь придирчиво контролировал свой экспортный бизнес, часто звоня жене. «Предприятия Вэня», возможно, были типичным малым «семейным бизнесом», но зато очень прибыльным. Только за один двухлетний период, между 2002 и 2004 годами, почти два миллиона долларов были перечислены из Китая «Предприятиям Вэня». С 20-процентной торговой наценкой на компьютерные микросхемы фирма Вэня зарабатывала приблизительно 10 000 долларов в месяц, в дополнение к его зарплате от «Компании Манитовока».

Вэнь и его жена процветали. В 2002 году они купили дом за 400 000 долларов в тенистом тупике в престижном районе Лейкшор на северной окраине города.

Единственным недостатком его работы были все те месяцы, которые он должен был проводить в Ханчжоу. Три раза в год он мог посещать свою жену в Манитовоке в течение нескольких недель, и один раз в год она приезжала к нему в Китай. Работа была напряжённой; Вэнь работал четырнадцать часов в день и отвечал за более сотни служащих.

Но Вэнь с нетерпением ждал Олимпийских Игр 2008 года в Пекине.

- В городе есть приблизительно триста больших гостиниц, но это количество удвоится,- сказал он интервьюеру местной газеты в Манитовоке. - Им нужны будут холодильники. Будет большой рост продаж наших продуктов.

Но обстоятельства сложились так, что «Анубису» так никогда и не довелось дотянуть до Пекинских Олимпийских Игр. Сначала «Предприятия Вэня» «засветились» на экране радара Министерства торговли в 2001 году, когда американская компания, продавшая электронные компоненты Вэню, проинформировала Службу экспортного контроля, что их компонент был отправлен в Китай и попал в «54-й Научно-исследовательский институт», который, по информации американского Разведывательного управления министерства обороны (РУМО), специализируется на системах телефонных коммутаторов для сил общественной безопасности Китая, оборудовании спутниковой связи и на системах для создания помех на линиях связи.

Поскольку Министерство торговли определило поставки 54-му Научно-исследовательскому институту как представляющие «недопустимый риск в развитии ракет», поставки этому институту подпадали значительно более строгим ограничениям, чем поставки другим конечным пользователям.

Сыщики Министерства торговли не продвинулись слишком далеко с их расследованием «Предприятий Вэня», пока в 2003 году один агент не получил доступ к базе данных, которая показывала приблизительно пятьдесят поставок чипов интегральных схем пекинской фирме Цю.

В марте 2004 года Министерство торговли позвонило в ФБР, офис федерального прокурора в Милуоки и в Министерство внутренней безопасности. ФБР получило ордер FISA и начало контролировать домашний телефон Вэня, его факсы и электронную почту. Бюро сделало запись тридцати семи часов сеансов связи между Вэнем и его женой. Без ведома Вэня он был исключён из списков информаторов Бюро.

В том же месяце агент Фукуа, «куратор» Вэня в ФБР, узнал, что его лучший информатор стал объектом расследования. За всех годы, что они встречались, Вэнь ни разу и не подумал упомянуть, что он и его жена занимались незаконным экспортом. Фукуа узнал эту новость из телефонного звонка агента Службы иммиграции и натурализации.

- Я был потрясён и чуть не упал со стула, - позже утверждал Фукуа. - Я понятия не имел, что происходило.

В апреле один агент контрразведки ФБР начал копаться в мусоре Вэня. Поиск выловил записку Цю к Хайлинь Линь, где тот просил её отправить изделия в двух различных пакетах, используя двух грузоотправителей, и указать ложную стоимость.

В одном из перехваченных телефонных звонков ФБР услышало, как женщина, которая была одним из партнёров Цю в Пекине, предупреждала жену Вэня об отправке одной дорогой части.

- Риск. Риск большой, - сказала женщина. Линь в ответ согласилась: - Риск, да.

Хайлинь Линь жаловалась в одном телефонном сеансе связи, что Цю не спешил перечислять деньги из Китая за товары, которые он заказал. 28 мая, у Вэня и его жены был долгий телефонный разговор о более быстром способе получить деньги.

- Если бы Цю поделился бы с ней своим кодом кредитной карточки Visa, - сказал Вэнь, - ты могла бы использовать её, чтобы получать наличные деньги в банкомате.

- Это самый лучший способ, - уверял Вэнь свою жену. - Ты получаешь деньги из банка, но банк не будет знать. Ты получаешь деньги просто из банкомата. Это лучше.

Хайлинь Линь сомневалась, зная, что банкомат за один раз может выдать только «несколько сотен долларов». Вэнь не отрицал, что это будет неудобно.

- Да... Тебе придётся ездить несколько раз, чтобы получить больше денег.

Во время другого звонка 15 июля, Цю и Хайлинь Линь обсуждали подделку сопровождающих документов груза. Цю напомнил ей, что, пока сумма «не превышает 2 500 долларов»,

не будет никаких проблем. Хайлинь Линь ответила: - Да, я должна подгонять счета под эту сумму каждый раз.

17 августа подслушивание «выловило» самый интересный разговор, между Вэнем и его женой. Хайлинь упомянула о напряжённых отношениях между Китаем и Тайванем, сказав, что обе стороны заняты «военными манёврами».

Вэнь ответил: - Китай теперь отчаянно закупает оружие, разрабатывает оружие. Потом он спросил: - Как идёт бизнес у Цю Цзяньго? Хорошо, если бы вспыхнула война, тогда его бизнес быстро расцветёт.

Из подслушивания телефонных звонков Вэня ФБР узнало, что Цю и его жена Ван Жолинь запланировали поездку в четыре американских города, а затем хотели посетить Вэня и его жену в Манитовоке в сентябре. Хайлинь Линь заказала авиабилеты и забронировала места в гостинице.

Но 30 сентября, когда пара из Пекина, оба китайские граждане, вышла из междугородного автобуса в Милуоки, ФБР арестовало их. Другие агенты арестовали Вэня и его жену в их доме в Манитовоке. Правительство одновременно наложило арест на их дом и на почти 1 миллион долларов в активах на пяти различных банковских счетах.

Прокуратура обвинила четверых в использовании их бизнеса «для незаконной поставки чувствительных, подлежащих ограничению из соображений национальной безопасности товаров в Китайскую Народную Республику..., без получения требуемых экспортных лицензий». Эти товары, указывало обвинение, «могут использоваться в большом количестве разнообразных военных радиолокационных систем и систем коммуникации».

«Компания Манитовока» поспешила умыть руки, узнав о проблемах их превосходного руководителя в Китае.

- Обвинения против семьи Вэнь не связаны с «Компанией Манитовока» или с обязанностями господина Вэня как генерального директора «Манитовока Ханчжоу», - заявил

Морис Джоунс, старший вице-президент материнской компании.

Месяц спустя федеральное большое жюри огласило обвинительный акт из восьми пунктов, обвиняющий четверых в сговоре для нарушения экспортных законов и в отмывании денег. Вэнь был позже обвинён также в даче ложных показаний.

В мае 2005 года Цю и его жена согласились на признание вины по менее важным пунктам обвинениях, избегая тем самым возможных длительных тюремных сроков. Цю признал свою вину по единственному пункту - организации сговора для экспорта попадающей под ограничения электроники без лицензии. Он был приговорён к сорока шести месяцам тюрьмы и к штрафу в сумме 2 000 долларов. Ван, его жена, признала свою вину по одному пункту - указыванию неправильных цен в экспортных документах, и получила шесть месяцев тюрьмы, которые она уже отсидела в предварительном заключении, и к штрафу размером 1 500 долларов. Жена Вэня, Линь Хайлинь, согласилась на признание вины по обвинению в сговоре и отмывании денег, и была приговорена к трём с половиной годам тюремного заключения и оштрафована на 50 000 долларов. Один только Вэнь решил предстать перед судом.

Дело приняло интригующий оборот в июле, когда Вэнь потребовал для себя дипломатической неприкосновенности, утверждая, что он был чиновником в китайском консульстве в Лос-Анджелесе с 1987 до марта 1992 года, в отрезок времени, на который распространялись обвинения в сговоре. Его адвокат подал ходатайство о прекращении дела на этом основании.

Как только гамбит с дипломатической неприкосновенностью был разыгран, в дело оказался впутан Государственный департамент. Адвокаты Вэня получили постановление суда, блокирующее возможность Департамента контактировать с офисом федерального прокурора в Милуоки. Когда Эрика О'Нейл, помощник прокурора, ведущая это дело, попыталась узнать, мог ли Вэнь законно требовать дипломатической неприкосновенности, Государственный департамент сообщил Министерству юстиции, что он не может принять решение в

этом вопросе, не обсуждая дело с прокурорами - а именно это мешало сделать постановление суда.

Обвинители решили проблему простой хитростью - они получили обвинительный акт, заменив в нём даты: теперь экспортные нарушения и другие обвинения Вэня относились к действиям после 16 марта 1992 года, дня, когда он покинул консульство. Теперь не было никаких проблем с дипломатической неприкосновенностью.

Решение Вэня предстать перед судом было азартной игрой, которую он проиграл. Доказательства правительства были крепкими. Во время процесса агент ФБР Райан Чун зачитал выдержки из расшифровок стенограммы восьми телефонных звонков, перехваченных согласно ордеру FISA. Обвинение представило обширные письменные доказательства различных уловок, с помощью которых Вэнь и его жена обычно обходили законы и экспортные правила. В сентябре Вэнь был признан виновным в нарушении экспортных правил, отмывании денег и в даче ложных показаний.

18 января 2006 года Вэнь предстал перед судьёй Уильямом Грисбахом в федеральном суде в Грин-Бей для вынесения приговора. Ему угрожали двадцать пять лет тюремного заключения. Грисбах был доброжелателен почти во всём. Он назвал Вэня «прилежным, трудолюбивым человеком», из-за чего, по его словам, вынести приговор для него было «трудно».

Но судья отклонил свидетельство Хайлинь Линь на процессе, что она, мол, часто не говорила своему мужу о ежедневных операциях «Предприятий Вэня», потому что он был «очень занят» производством холодильников в Ханчжоу.

- Я не считаю вероятным, - сказал судья Грисбах, - что он не знал о происходящих нарушениях.

Затем он приговорил Вэня к пяти годам тюрьмы и оштрафовал его на 50 000 долларов. «Анубиса» отправили в федеральный тюремный лагерь с самым лёгким режимом в Дулуте, Миннесота. Его адвокаты подали апелляцию. Чикагский адвокат Джеймс Гейс представил дело Вэня перед Седьмым

окружным апелляционным судом.

Когда Закон о наблюдении за иностранными разведками был принят в 1978 году, был создан специальный суд FISA, который был уполномочен одобрять прослушивание, если правительство может показать вероятную причину, что мишенью прослушивания является иностранная держава или агент иностранной держава, и что «целью» является получение информации об иностранной разведке. После терактов 11 сентября, новый закон, известный как Патриотический акт, исправил эту формулировку, чтобы позволить вести наблюдение, если «существенной целью» было получение иностранной развединформации.

Гейс утверждал, что под более широкой формулировкой правительство использовало FISA, чтобы провести уголовное расследование Вэня. Окружной суд, отказываясь отбросить при рассмотрении дела аудиопленки прослушивания, утверждал Гейс, игнорировал тем самым требования Четвёртой Поправки.

В декабре 2006 года Чикагский апелляционный суд принял неблагоприятное для Вэня решение, которое расширило власть правительства на использование результатов прослушивания, направленного на иностранные цели и в уголовных делах, несвязанных со шпионажем. Меньше чем год спустя, однако, в сентябре 2007 года, федеральный судья в Орегоне опротестовал расширенные условия Патриотического акта, которые оспаривал Гейс.

В мире шпионов ничего нельзя предсказать полностью. Но в летописи дел «китайской» контрразведки в ФБР, сага «Анубиса» - конечно, одно из самых странных. Не каждое преступление такого рода было доведено до судебного обвинения или представлено на рассмотрение присяжным большого жюри. Прокуроры обладают благоразумием, проницательностью и значительной свободой действия в выборе тех, кого они собираются преследовать. Вэнь Нин был секретным информатором ФБР в течение пятнадцати лет, но и это не помешало тому, чтобы Министерство юстиции преследовало его по суду, после того, как другое правительственное учреждение, Министерство торговли,

раскрыло его грехи. Его пятилетний тюремный срок вряд ли поощрит других рисковать своими жизнями, становясь источниками для ФБР.

Но «Анубис» больше дюжины лет незаконно поставлял в Китай компьютерные схемы, который мог использоваться в управляемых ракетах и других системах вооружения. И это, по словам Эрики О'Нейл, помощника прокурора, «не будет допустимым».

Один агент ФБР печально заметил: - Мы вытащили его, обеспечили его работой в Висконсине, а он свернул на кривую дорожку.

За несколько месяцев до того, как Вэнь был арестован, местная газета опубликовала в благожелательном тоне документальный очерк о нём, как о жителе Манитовока, необычная работа которого приводила его в Китай на большую часть года. Он тогда ещё не знал, что скоро на него с громким треском обрушится вся мощь правительственной машины Соединённых Штатов. Но, оглядываясь назад, можно сказать, что комментарий, который он высказал, сидя в гостиной комнате его дома, был пророческим.

- Конечно, я - китаец родом, - сказал он, - но я больше не китайский гражданин. Я иногда боюсь, что Китай не признает меня как китайца, а Америка не признает меня как американца. Тогда кто же я?"

Глава 18. Энд-шпиль

Они знали, что это настанет, и 9 апреля 2003 года это произошло. «Горничная» и Джей-Джей Смит были арестованы в их домах ФБР, их привезли в центр города и в наручниках по отдельности привели в федеральный суд. Обоим предъявили обвинения по законам о шпионаже.

Гэйл Смит вынуждена была отменить свою поездку на встречу «Королев Нарциссов» в штате Вашингтон. Она планировала поехать со своей девяностотрехлетней матерью. Её

мужественная мать настаивала на том, чтобы поехать одной, и так и сделала.

Судья Виктор Б. Кентон приказал содержать Катрину Люн в тюрьме без возможности освобождения под залог, после того как Ребекка Лоунергэн, помощник федерального прокурора, заявила, что есть «серьёзный риск её побега». «Горничная» сидела в зале суда, обхватив голову руками. Её обвиняли в несанкционированном копировании информации, касающейся национальной обороны, с намерением нанести ущерб Соединённым Штатам или принести пользу иностранной державе.

Джей-Джей Смит был обвинён в «крайней небрежности в обращении с документами, связанных с национальной обороной». Судья Стивен Хиллмэн установил сумму в 250 000 долларов для освобождения под залог и приказал, чтобы Джей-Джей сдал свой паспорт. Он был освобождён той же ночью после того, как заложил свой дом в качестве залога.

Впервые с начала своего расследования, Лес Уайзер появился на публике. - Это печальный день для ФБР, - сказал он репортёрам.

- Г-н Смит когда-то был специальным агентом, поклявшимся защищать верховенство закона и поддерживать высокие этические стандарты ФБР. Когда Уайзера спросили об обвинениях, он добавил: - Он злоупотребил доверием, которое мы все возлагали на него.

В Вашингтоне Роберт Мюллер, директор ФБР, согласился с этим. Обвинения, что Джей-Джей Смит «вызвал потерю секретных данных, так же как его личные неосмотрительные связи с госпожой Люн, очень серьёзны», сказал он.

У адвокатов Люн и Джей-Джей, как можно было ожидать, были совершенно разные взгляды. «Горничная» наняла для своей защиты Джанет Левин, умного, жёсткого адвоката по уголовным делам из Лос-Анджелеса, и её вежливого старшего партнёра, Джона Д. Вандервельде. Левин сделала свою карьеру на уголовных судах - она защищала торговцев

наркотиками и других клиентов, обвиняемых в мошенничестве, отмывании денег и рэкете.

- Катрина Люн - лояльная американская гражданка, - утверждали оба защитника в своём заявлении. - Больше двадцати лет она работала под руководством и по приказам Федерального бюро расследований. Она неоднократно подвергала себя опасности, чтобы внести существенный вклад в безопасность и благосостояние Соединённых Штатов и её сограждан. Когда «вся история» станет известной, предсказывали адвокаты, её доброе имя будет восстановлены, и «её героические достижения для этой страны будут раскрыты». Понятно, они ни словом не упомянули об её героических достижениях для МГБ или о ста тысячах долларов, которые она получила от китайского правительства.

Защитник Джей-Джей Смита Брайан Сан, который позже успешно представлял Вэня Хо Ли в его судебном процессе против правительства, назвал своего клиента «лояльным, патриотичным и преданным бывшим агентом». Он не упоминал о долголетней любовной связи Джей-Джей с «Горничной», но показания под присягой ФБР, детализирующие их отношения и описывающие документы Бюро, найденные в её доме, уже были предоставлены прессе.

Правительство не предпринимало никаких действий против Билла Кливленда, но через день после арестов Кливленд уволился со своей должности руководителя контрразведки в лаборатории Лоуренса Ливермора, и его офис был опечатан. Хотя Кливленд «не обвинялся в каком-либо проступке, но из-за серьёзности ситуации, полная проверка его работы идёт теперь полным ходом», заявила об этом Сьюзен Хьютен, представитель лаборатории.

Кливленд был в опасном положении. Хотя первоначально он не раскрыл добровольно свою любовную связь с «Горничной», но позже признался в этом. Он работал в тандеме с Люн, но у ФБР не было никаких свидетельств, что она получала документы от него, хотя он и рассказал ей о его поездке в Китай, о чём она потом сообщила Мао Гохуа, своему «куратору» в МГБ.

- Он был виновен в неблагоразумии, - так высказался один агент ФБР, - но не в преступлении.

Соседи Джей-Джей в тихом местечке Уэстлейк-Виллидж не могли поверить, что он был арестован. Смитов воспринимали в качестве солидных членов общины, ежегодно устраивавших вечеринку с барбекю для жителей своего квартала.

Месяц спустя, 7 мая, Джей-Джей был обвинён в «крайней небрежности», в том, что допустил, что засекреченные документы попали в руки Люн. Два пункта обвинительного акта определённо ссылались на документы, раскрывающие секретные места, используемые в расследовании «Королевского туриста» - деле Питера Ли - и в электронном сообщении от легата ФБР в Гонконге, датированном 12 июня 1997 года, под грифом «секретно», найденного в книжном шкафу на втором этаже в доме Люн.

Обвинительный акт также обвинял Джей-Джей Смита в обмане ФБР и Соединённых Штатов, так как он, утверждая о своей честной службе, поддерживал при этом «непристойные сексуальные отношения с Катриной Люн» и не сообщал ФБР об её «несанкционированных контактах с КНР» и об её признании, «что она тайно передавала информацию КНР без разрешения». Кроме того, обвинительный акт обвинял Джей-Джей по четырём пунктам в мошенничестве с использованием электронных средств связи за то, что он периодически отправлял в штаб-квартиру ФБР свои сообщения с уверениями, что «Горничная» является надёжным информатором. Джей-Джей Смита не обвиняли в том, что он знал, что Люн брала документы из его портфеля или что она передавала информацию Китаю. Обвинительный акт из шести пунктов предусматривал максимально возможное наказание в виде сорока лет тюремного заключения, хотя федеральные рекомендации по вынесению приговора делали вероятным значительно более короткий срок.

На следующий день пришла очередь «Горничной». Федеральное большое жюри подало обвинительный акт из пяти пунктов, обвиняя её в несанкционированном копировании информации, касающейся национальной обороны, с

«намерением и причиной полагать», что эти данные могут нанести ущерб Соединённым Штатам или принести пользу иностранной державе. Как в случае Смита, один из процитированных документов, раскрывал засекреченное место, использованное в расследовании «Королевского туриста», а другой был сообщением от легата в Гонконге в 1997 году.

Ещё три пункта обвиняли её в том, что Люн «преднамеренно сохранила» три документа - расшифровки стенограммы и резюме её сеансов связи с Мао, документ «Королевского туриста», и сообщение из Гонконга 1997 года. Если бы её признали виновной, ей угрожало бы максимально возможное наказание в виде пятидесяти лет тюремного заключения, но более вероятным был срок от десяти до четырнадцати лет.

Хотя и Смита и его возлюбленную обвинили по законам, которые обычно вместе называют «законами о шпионаже», ни один из них не был обвинён по более серьёзным статьям, которые предусматривали пожизненное заключение или, при некоторых обстоятельствах, даже смертную казнь.

Дебра У. Янг, федеральный прокурор в Лос-Анджелесе, вскоре назначила для судебного преследования Катрины Люн Майкла У. Эммика, ветерана прокуратуры с двадцатилетним стажем, который провёл несколько важных дел, связанных с крупными мошенничествами и коррупцией. Ведущим обвинителем в деле Джей-Джей Смита стала Ребекка Лоунергэн, которая была помощником прокурора в Лос-Анджелесе в течение десятилетия и работала над рядом дел, связанных с национальной безопасностью. Джон В. Оуэнс, помощник прокурора в делах, связанных с мошенничеством и коррупцией, работал с нею.

Утром 19 июня «Горничная», которая была в тюрьме, начиная с её ареста, в федеральном суде в центре города Лос-Анджелес подала судье Флоренс-Мэри Купер прошение об освобождении под залог. К тому времени, когда пресса и публика были допущены в зал суда, Катрина Люн уже сидела на правой стороне зала суда за столом защиты рядом со своими адвокатами, Левин и Вандервельде. На Люн был зелёный бесформенный жакет больше обычного размера. Она

выглядела маленькой, чуть выше пяти футов, крошечной женщиной с чёрными, как уголь волосами, завязанными в плотный пучок, с тонким точёным лицом, с высокими скулами и упрямым подбородком. На ней было немного румян и чуть-чуть губной помады. Она внимательно следила за происходящим с абсолютно нейтральным выражением лица до самого конца слушания.

Команда правительства пришла в виде мрачных, стриженых под «ёжик» мужчин в костюмах, и одной женщины - Дайаны Поули, высокой белокурой помощницы федерального прокурора. Группу обвинителей возглавлял Эммик. От ФБР были Лес Уайзер и Питер Дюрст.

Судья Купер, седая женщина шестидесяти двух лет, родившаяся в Канаде, была назначена на этот пост за четыре года до этого президентом Биллом Клинтоном. Она объявила, что она «достигла предварительного решения выпустить её под залог в два миллиона долларов». Для Люн это было хорошей новостью.

Но подождите - судья Купер сказала, что новая информация вызвала у неё «некоторые сомнения», прежде всего, два письма, которые супруги Люн написали китайским руководителям в 1998 году. Они доказывали её близкие отношения с высокопоставленными должностными лицами, что суд счёл «особенно тревожащим». В одном из писем Люн писала, что она хотела сделать большие инвестиции в недвижимость в Шэньчжэне, быстро развивающейся индустриальной области к северу от Гонконга, и просила, чтобы местные органы власти получили распоряжение разрешить ей купить землю. Она писала, что «моя фирма «Hong Kong Fulichang International Company» в Гонконге привлекла 500 миллионов гонконгских долларов из британских и американских банков (в случае необходимости, сумма может быть увеличена до одного миллиарда)».

Второе письмо о той же самой сделке на землю выражало её оценку «огромной поддержки, которую вы оказывали мне за эти годы». Каждый раз, писала она, «вы откликались, чтобы решить проблемы от моего имени».

Судья Купер явно наслаждалась тем видом напряжённого ожидания, «саспенсом», который часто используют телевизионные программы в судебных драмах. Исход не должен был быть раскрыт аудитории до самого конца.

Левин вышла на подиум и утверждала, что письма, которые взволновали судью, все были частью работы Люн для ФБР. Мужу Люн «не тонко угрожали» обвинением в нарушении налогового законодательства. С некоторой страстностью Левин утверждала, что Люн была политической жгучей темой; не было никакого способа, почему Китай захотел бы её.

Эммик, в свою очередь, поднялся, чтобы заявить, что залога в 2 миллиона долларов будет недостаточно. Люны продали их дом в Сан-Марино за 1,8 миллиона долларов. Им принадлежало несколько жилых домов, сказал он; они пытались продать три, что принесёт ей больше наличных денег и облегчит для неё возможность скрыться.

Даже если бы Люн была обязана носить устройство прослеживания, то она могла бы ускользнуть от агентов ФБР, возражали обвинители. Высокий долговязый правительственный техник объяснил суду, что глобальная система спутниковой навигации не безупречна; GPS может сказать в пределах тридцати футов, где находится человек. Но в центре города Лос-Анджелес система заблокирована. Вы можете войти в это здание, отключить браслет, выйти через другой выход, и всё: человек ушёл.

Затем судья Купер резюмировала ситуацию. У Люн и Джей-Джей Смита «были сексуальные отношения»; ответчику, хотя и не обвинённому в шпионаже, угрожали четырнадцать лет тюремного заключения, по оценке правительства. Люн «могла бы сделать разумный вывод, что» её могли бы признать виновной. Правительство, отметила Купер, нашло, что у Люнов было шестнадцать счётов в иностранных банках, она давала ложные показания, предприняла пятнадцать путешествий за границу без разрешения ФБР, и получила 100 000 долларов от КНР. Она и её муж были обвиняемыми в незаконченном деле по обвинению в неуплате налогов.

Всё это звучало так, будто судья Купер, в конце концов, так и не позволит «Горничной» выйти из тюрьмы. Но, с другой стороны, сказала Купер, были факторы, говорящие в пользу освобождения под залог: Люн сотрудничала с правительством и не попыталась бежать, когда у неё была для этого возможность.

Тогда Купер и объявила о своём решении. Суд пришёл к выводу, что вероятнее всего, обвиняемая будет присутствовать на заседаниях суда, сказала она. Она установила сумму залога для освобождения в 2 миллиона долларов и потребовала, чтобы Люн носила электронный браслет с датчиком GPS и не покидала своего места жительства, за исключением поездок в офис её адвоката, в суд или в безопасное помещение в здании суда, где она могла читать правительственные документы, чтобы помочь готовить свою защиту. Она не могла ездить в морские порты, аэропорты, или на автобусные вокзалы. Она также должна была сдать свой паспорт.

Люн не проявила никакой реакции на решение судьи, которое означало, что её трёхмесячное пребывание в тюрьме должно было вскоре закончиться. Но как только слушание было закончено, она встала и обняла обоих своих адвокатов. Впервые она улыбнулась.

Последовали месяцы юридического маневрирования между правительством и адвокатами Люн и Джей-Джей. «Горничная» внесла залог, и Люны переехали в одну из принадлежавших им квартир.

Хотя Люн была вне тюрьмы, несколько недель спустя Купер подписала постановление, вводящее дальнейшие ограничения для неё. Она не должна была находиться в пределах одной мили от китайского консульства или приближаться ближе ста ярдов к любому консульскому автомобилю. И у неё не должно было «быть сознательно никакого контакта» с кем-либо из КНР.

Даже прежде, чем «Горничная» была отпущена под залог, её адвокаты дали понять, что их стратегия будет состоять в том, чтобы попытаться вынудить правительство раскрыть тайны.

Секретная информация стала бы «центральной в защите нашего клиента в этом деле», предупредили они. Левин и Вандервельде просили у правительства доступ к «информации, которую Люн давала ФБР за прошедшие 20 лет».

- Мы ожидаем, что правительство должно будет принять твёрдые решения о публичном раскрытии ценности 20-летней разведывательной деятельности по добыванию секретов, чтобы продолжать опрометчивое судебное преследование лояльной американки, - сказали защитники. Это была классическая тактика «мягкого шантажа». Как правило, в делах, связанных с национальной безопасностью и шпионажем, защита пытается создать проблемы для правительства, угрожая раскрыть его секреты.

Согласно Закону о процедурах, связанных с секретной информацией (Classified Information Procedures Act, CIPA), судья может рассматривать при закрытых дверях документы, об использовании которых просит защита, если обвинители утверждают, что материал содержит правительственные тайны. Этот закон был задуман, чтобы предотвратить раскрытие секретных данных в шпионских процессах. Но суд может принять постановление, что документы важны для защиты и должны быть раскрыты. Сталкиваясь с таким выбором, во многих случаях, правительство отказывалось от обвинений или существенно их пересматривало, исходя из того, что риск раскрытия засекреченной информации мог перевесить обвинительный приговор подсудимого. И этот закон часто используется адвокатами как рычаг для достижения соглашения о признании вины.

В отличие от Люн, Джей-Джей Смит не сидел за решёткой. Его защитники прилагали все усилия, чтобы сохранить это положение. Джей-Джей занимался расследованием дел, связанных с китайским шпионажем, в течение двух десятилетий. Он знал всё, что можно было знать о китайской программе ФБР. И у него было два очень умных адвоката. Если бы его дело дошло до судебного процесса, правительство хорошо знало, что его секреты могли быть раскрыты в суде.

Правительство этого очень не хотело. Сторона обвинения

решила договариваться с адвокатами Джей-Джей о соглашении о признании вины, что означало, что не будет никакого судебного процесса против прежнего контрразведчика. Тем не менее, всегда оставалась возможность, что судья приговорит его к тюрьме.

12 мая 2004 года Джей-Джей признал себя виновным только по одному пункту уголовного преступления, в том, что обманывал ФБР, скрывая свои интимные отношения с Катриной Люн. Обвинение в «крайней небрежности» отклонили. Он должен был «полностью сотрудничать» с ФБР и отвечать на все вопросы на допросах. Как часть соглашения о признании вины, Джей-Джей должен был свидетельствовать в суде против его давней любовницы, если бы она предстала перед судом.

Но соглашение о признании вины Смита содержало зёрна катастрофы для обвинителей «Горничной». На странице 7 шестнадцатистраничного соглашения о признании вины в тени скрывался единственный параграф, который, как оказалось, был миной. Ключевое предложение требовало, чтобы подсудимый «вышел из любого соглашения о совместной защите (письменного или устного), касающегося этого дела, включая любое соглашение такого рода с Катриной Люн, с адвокатами Катрины Люн, или со служащими адвокатов Катрины Люн, и не обменивался в дальнейшем никакой информацией, касающейся этого дела, с Люн, с адвокатами Катрины Люн, или со служащими адвокатов Катрины Люн».

Адвокатам Люн вручили неожиданный подарок - обвинители. Формулировка «никакого дальнейшего обмена информацией» могла подразумевать, что адвокаты Люн не могли допрашивать Джей-Джей, потенциального свидетеля против неё. Шестая Поправка к Конституции ясно говорит, что обвиняемые имеют право на «очную ставку со свидетелями», показывающими против них и на принудительный вызов свидетелей для своей защиты. Левин и Вандервельде увидели это открытие и атаковали. В ноябре они подали прошение о прекращении дела на основании «неправомерного поведения стороны обвинения» из-за запрета «обмениваться в дальнейшем информацией».

Правительство старалось найти способ возразить. Эммик,

ведущий обвинитель Люн, раз за разом отправлял по электронной почте запросы Министерству юстиции и другим обвинителям, пытаясь узнать, кто вставил столь пагубную формулировку в соглашение Джей-Джей Смита и почему.

Правительственное резюме, пытающееся объяснить историю спорного параграфа, утверждало, что формулировка о запрете «дальнейшего обмена информацией» была предложена Лоунергэн, но написана Джоном Оуэнсом, её партнёром в этом процессе. Согласно Лоунергэн, «Оуэнс сделал первый проект соглашения о признании вины, и затем мы вместе прорабатывали все соглашение о признании вины».

Эти два прокурора сказали Эммику, что формулировка была предназначена только для того, чтобы потребовать, чтобы Смит вышел из какого-либо соглашения о совместной защите с адвокатами Люн. Адвокаты обвиняемых в отдельных случаях иногда вступают в такие совместные договорённости, которые обычно являются секретными, чтобы помогать друг другу.

- Этот пункт никогда не предназначался, чтобы помешать защите опросить Джей-Джей или использовать его как свидетеля Люн, - сказала Лоунергэн. - Конечно, нет. Это же азы юридической школы, курс 101. Намерение, как она сказала, состояло в том, чтобы предотвратить адвокатов двух обвиняемых от совместного использования секретных данных через соглашение о совместной защите. Всё это произошло негласно. Затем, в январе 2005 года, ошеломляющим неожиданным ходом, судья Купер отклонила все обвинения против Катрины Люн, сказав, что правительство проявило «преднамеренное и умышленное неправомерное поведение», включив в формулировку соглашения Джей-Джей Смита запрет о «дальнейшем обмене информацией». Доступ к свидетелю обвинения - основное конституционное право, отметила Купер, и в нём обвиняемой было отказано.

Правительство, сказала судья, неоднократно настаивало, что оно никогда не намеревалось запрещать Смиту говорить с адвокатами Люн, что лишь сама формулировка была «неловко сформулирована». Но Купер не согласилась с этим. Не было ничего неоднозначного в этом пункте, постановила она: - Смиту

сказали не разговаривать с Люн или с её адвокатами.

Обвинители, она добавила, «исказили» цель пункта. Используя тон, который редко можно услышать в федеральном суде, Купер даже не пыталась скрыть свой гнев: - В этом деле правительство решило удостовериться, что у Люн и её адвокатов не будет доступа к Смиту. Когда им прямо сказали, что они сделали, они попытались блокировать вопрос совершенно неподобающим для прокуратуры образом.

Адресатом её гнева был кроткий Майкл Эммик. Три месяца спустя, однако, судья Купер пошла на попятный, признав, что Эммик был выбран ею неверно, так как не он создавал проект соглашения о признании вины. Но она отклонила просьбы правительства о пересмотре прекращения дела.

Это было странное и неожиданное развитие событий. Почему федеральные прокуроры так ужасно всё испортили? Разумеется, они знали, что Шестая Поправка даёт обвиняемым право на очную ставку со свидетелями против них. Действительно ли это была преднамеренная попытка торпедировать дело против Люн, чтобы избежать раскрытия тайн разведки в суде - и непристойных деталей шпионского и сексуального скандала?

Это могло стать подходящей версией для людей, склонных всюду видеть заговоры, но более вероятно это был результат плохой грамматики и невероятной бюрократической путаницы. Эммик, встревоженный тем, что на его глазах самое сенсационное дело о проникновении китайской разведки в ФБР развалилось, предложил своё собственное объяснение того, почему формулировка о «запрете дальнейшего обмена информацией» была включена в соглашение о признании вины.

«Цель пункта состояла в том, чтобы воспрепятствовать помощи адвокатов Смита адвокатам Люн в их ходатайствах по защите. К сожалению, пункт был написан в такой формулировке, которая была грамматически неуклюжей и неоднозначной». Формулировка о «запрете дальнейшего обмена информацией», добавил Эммик, «могла интерпретироваться таким образом, что адвокаты Люн не могли допрашивать *самого* Смита. А это не

было намерением и было бы очевидным нарушением и Конституции, и правил юридической этики».

Как бы то ни было, дело против «Горничной» было отвергнуто судом, удар по репутации правительства в деле, о котором столь громко трубили, когда Джей-Джей Смит и Катрина Люн были арестованы, и им было предъявлено обвинение.

Всякий раз, когда в правительстве происходит сумятица, первая реакция бюрократов состоит в том, чтобы указывать пальцами друг на друга. Как и следовало ожидать, правительство, в ответе на провал дела, поспешило заявить, что чиновники в отделе контрразведки Министерства юстиции не играли никакой роли в формулировке соглашения Смита о признании вины, что всё это было сделано прокурорами в Лос-Анджелесе. Однако было бы слишком наивно предполагать, что чиновники Министерства юстиции в Вашингтоне тщательно не контролировали и не санкционировали это соглашение.

Один вопрос оказался почти упущенным в ходе бурного судебного сражения вокруг спорной формулировке в соглашении о признании вины Джей-Джей Смита. Катрина Люн, по её собственному признанию ФБР, передавала информацию МГБ и работала на китайскую разведку в течение многих лет. Китай заплатил ей 100 000 долларов. Она, как предполагалось, шпионила для ФБР, которое заплатило её 1 718 889 долларов в виде жалования и возмещения расходов и другие деньги на протяжении более девятнадцати лет. В её доме у неё были секретные документы ФБР, которые, как она утверждала, она украла у своего любовника. Учитывая этот набор фактов, почему же её не обвинили по гораздо более серьёзному закону о шпионаже?

Вопреки общественному восприятию в американском законе нет никакого преступления под названием «шпионаж». Слово не появляется нигде в американском своде законов (только в названии Главы 37, раздела 18). Хотя полдюжины законов обычно упоминаются как «законы о шпионаже», но только Статья 794 нацелена на любого, кто передаёт информацию «любому иностранному правительству», и предполагает более суровые наказания. Вот эту статью и подразумевают

обвинители, когда говорят о «шпионаже».

В пределах Министерства юстиции существовало расхождение во мнениях о том, следует ли наказать Люн по всей строгости закона или стоит подойти к обвинению более осторожно. Брюс Си. Суортц, старший чиновник Министерства, как говорили, стремился обвинить Люн по статье за шпионаж. Служащие отдела контрразведки Министерства, Джон Дайон, начальник отдела и ветеран многих шпионских процессов, Рон Рус и Роберт Э. Уоллес-младший, были вовлечены в обсуждение, как и бюро федерального прокурора в Лос-Анджелесе. В конце концов, было решено предъявить «Горничной» менее суровое обвинение в завладении и хранении засекреченной информации.

Ни один из чиновников Министерства юстиции, вовлечённых в принятие этого чувствительного решения, не захотел его комментировать. Эммик только сказал, что шли дискуссии между Лос-Анджелесом и Вашингтоном «о том, были ли более серьёзные обвинения в шпионаже поддержаны доказательствами, или были бы желательны как стратегия». Было решено «не обвинять в шпионаже и не толковать обвинения расширительно иным образом».

Ребекка Лоунергэн, по её словам, также не обсуждала решения, принятые Министерством юстиции и обвинителями. Но она указала, что, в конечном счёте, решение было принято в Вашингтоне.

- Когда к делу привлечено внимание на высоком уровне, из этого следует, что люди высокого уровня будут вовлечены и в принятие решения, - сказала она. - Я не сказала бы, что это дело было под нашим [прокурорским] контролем.

- В любом шпионском деле вы хотите предъявить обвинение в таком узком толковании, в каком вы можете, - продолжала Лоунергэн. - В противном случае у вас возникнет огромная проблема с «мягким шантажом». Вы открываете дверь к раскрытию секретов.

- Попытка преследовать по суду в делах, связанных с

национальной безопасностью, походит на хождение по натянутому канату. Чем более серьёзно обвинение, которое предъявляет правительство, тем больше риск, что будут раскрыты чувствительные тайны. У нас есть все эти доказательства, но как мы можем их использовать? Как обвинителю, вам придётся ужом извиваться, пытаясь доказать некоторые из этих дел. Многие из самых серьёзных дел вообще никогда не доводят до предъявления официальных обвинений.

Ребекка Лоунергэн, ставшая профессором права в Калифорнийском университете Калифорнии после ухода из бюро федерального прокурора, добавила: - Чем более чувствительна информация, которую кто-то взял, тем более вероятно случается так, что спецслужбы не захотят, чтобы она была раскрыта во время уголовного судебного процесса. То, что видит публика, «обычно лишь вершина айсберга. Вы не собираетесь использовать в обвинении ваш самый серьёзный материал, потому что вы не хотите рисковать раскрытием самого серьёзного материала».

Эммик согласился, что «мягкий шантаж» был огромной проблемой в случае Люн: - Проблема состоит в том, чтобы всегда предъявлять обвинение, достаточно узкое, чтобы избежать «мягкого шантажа», и достаточно широкое, чтобы отразить серьёзность проступка. Было принято решение «предъявить обвинение по делу в узкой формулировке, так что всё, что мы должны были сделать, это установить, что она владела этими документами, они были секретными документами, и она знала, что они были секретными. Это было узким, как скальпель, способом предъявить обвинения по делу».

- Мы уменьшили бы этим вероятность раскрытия секретных данных. Мы хотели снизить риск подвергнуться «мягкому шантажу». Были обсуждения внутри офиса федерального прокурора и в рамках Министерства юстиции относительно того, формулировать ли обвинения более широко, обвинения, которые фактически включали шпионаж, или заговор, в который могло быть вовлечено также китайское правительство.

- Она в ряде случаев ездила в Китай и встречалась с представителями их разведывательной службы. Информация, очевидно, передавалась. Но чем больше обвинение сосредотачивалось бы на передаче информации, тем больше секретных данных было бы вовлечено в процесс, и тем более уязвимым к «мягкому шантажу» становилось бы обвинение.

- Когда правительственные тайны раскрываются в суде, сказал Эммик, это создаёт дополнительную проблему. - Вы должны рассекретить документы, чтобы принести их на судебный процесс, и когда вы их рассекречиваете, вы теряете симпатии присяжных.

Присяжные подумали бы: - Если это больше не является секретным, тогда какое это имеет значение? Как это могло быть настолько важным?

Была и другая, и, по крайней мере, столь же веская причина, что правительство не обвиняло Люн в шпионаже, несмотря на её признания ФБР. Обвинители, конечно, описали её как китайского шпиона. В одном документе суда правительство назвало её «агентом для КНР» и сказало что, в то время, как она всё ещё оставалась информатором ФБР, «она начала работать на Министерство государственной безопасности (МГБ), которое является разведывательной службой КНР». И согласно показаниям под присягой ФБР, она созналась в похищении документов из портфеля Джей-Джей Смита и «признала, что разведывательную информацию, которую она получала таким путём, она передавала МГБ». Но заметно, что в показаниях под присягой опущено описание какого-либо определённого документа, который она, возможно, передала в Китай. Вывод ясен: «Горничная» оказалась достаточно осторожной, чтобы признаться в передаче МГБ хоть какого-то определённого документа, в противном случае, показания под присягой ФБР, по-видимому, включали бы эту ключевую информацию.

- Тот факт, что не было никакого определённого документа, который она передала, был важным фактором, - подтвердил Эммик.

18 июля 2005 года Джей-Джей Смит предстал перед судьёй Купер для вынесения приговора.

- В том, что я стою здесь сегодня, я не могу обвинить никого, кроме себя самого, - сказал он ей. - Я стою перед вами, пристыженный и униженный.

Лоунергэн привела доводы в пользу короткого тюремного срока, утверждая, что Смит подвергал опасности национальную безопасность своей интрижкой с «Горничной». Правительству, сказала она, «придётся в течение многих последующих лет с трудом разбираться, чтобы определить, какой ущерб был здесь причинён».

Судья не выбрала тюремного заключения для наказания Джей-Джей Смита. Она приговорила его к трём месяцам домашнего ареста, трём годам условного осуждения (пробации), и оштрафовала его на 10 000 долларов. В случае соглашения о признании вины, его, вероятно, посадили бы в тюрьму на шесть месяцев. Со слезами на глазах он повернулся к своей жене и сыну, сидевшим в зале суда, и попросил у них прощения.

Обвинители, тем временем, не были готовы бросить своё преследование Катрины Люн. После того, как судья Купер отклонила обвинительный акт против «Горничной», правительство обратилось с этим делом к Девятой выездной сессии суда. В то же самое время ФБР продолжало копаться в финансах супругов Люн. Вероятное обвинение в неуплате налогов всё ещё нависало над парой.

В первоначальном иске, поданном, чтобы арестовать Люн, правительство обрисовывало в общих чертах три случая неуплаты налогов. Её обвиняли, что она не заплатила налоги с суммы, по крайней мере, 435 000 долларов из более чем 500 000 долларов, которые она получила от ФБР за её услуги информатора. Кроме того, иск утверждал, что она не заплатила налогов с 1,2 миллиона долларов, которые компания «Нортел» заплатила ей через «Merry Glory, Ltd.», гонконгскую фирму, которой она управляла. Люн вступила в соглашение, чтобы представлять гигантскую канадскую телекоммуникационную компанию в совместном предприятии для продажи цифровых

коммутационных систем производства «Нортел» в Китае.

Наконец, правительство утверждало, что Люн участвовала в налоговой схеме, чтобы получать ежегодные налоговые вычеты процентов по ипотечному кредиту в размере приблизительно 40 000 долларов на свой дом, делая ежемесячные платежи на счёт на имя фирмы «Right Fortune, Ltd.» в банке «Хан Сен» в Гонконге. Хотя фирма «Right Fortune», возможно, и держала ипотеку на роскошный дом Люнов в Сан-Марино, но компанией фактически управляла сама Катрина Люн. Каждый месяц Люн должным образом посылала чек на 6 000 долларов на счёт в гонконгском банке. Как выразилось ФБР, Люн «делала ипотечные платежи самой себе, а затем вычитала процент из этих платежей».

Ввиду трёх нависающих над нею дел по неуплате налогов и возможности, что апелляционный суд снова откроет процесс, который отвергла судья Купер, Люн и её адвокаты решили, что пришло время достигнуть соглашения о признании вины. Если бы правительство начало процесс по обвинениям в неуплате налогов, это могло бы означать, вероятно, долгие годы дорогостоящей тяжбы для Катрины Люн и её мужа.

В декабре, прежде чем апелляционный суд мог вынести решение, Люн согласилась на сделку. Она признала себя виновной во лжи о своей любовной интриге с Джей-Джей - она сначала сказала, что он был лишь «хорошим другом семьи», что у них были «деловые отношения», и она отрицала, что путешествовала с ним за границу, хотя они вместе посещали Гонконг и Лондон.

Кроме того, она признала себя виновной в том, что не сообщила о 35 000 долларов, полученных ею от ФБР, в своей налоговой декларации 2000 года. Она также согласилась, что в семилетний период после 1995 она не сообщала о 207 000 долларов, полученных в виде жалования и возмещения расходов от ФБР. Она должна была согласиться на девять сеансов допросов и пройти тест на детекторе лжи, если потребуется. В свою очередь, правительство согласилось не предъявлять уголовные обвинения за неуплату налогов Кам Люну и уладить задолженности по выплате налогов, которые

были должны супруги.

16 декабря «Горничная» предстала перед судьёй Купер в последний раз. Она была приговорена к трём годам условно в форме пробации, двумстам часам общественных работ, и оштрафована на 10 000 долларов. По существу, и Смит, и Люн легко отделались. И правительство избежало спектакля в зале суда, который мог бы поставить его в неудобное положение.

Неудивительно, что Катрина Люн заявила судье: - Я люблю Америку.

Но Джей-Джей, хоть и избежал тюрьмы, испортил свою репутацию. Звезду команды контрразведки Лос-Анджелеса арестовали его товарищи - агенты ФБР и притащили в наручниках к федеральному судье. Личные негативные последствия, тревожившие его, были отражены в письме, которое он по электронной почте отправил друзьям, когда согласился признать себя виновным.

Хотя его адвокаты сказали, что он, вероятно, получит минимальный срок заключения или пробацию, Джей-Джей волновался. «С моим счастьем муж судьи тут же сбежит со своей тридцатилетней секретаршей, и я получу пять лет, чтобы ломать камни - в полосатой пижаме».

На глазах своих жены и сына он написал, что должен был сказать суду, «'я вступил в несанкционированные близкие отношения с Катриной и затем лгал об этом своему работодателю'. Вот чёрт!»

Хотя он мог «начать убеждать в своих разбитых отношениях с Гэйл, с Келли, с семьёй... Я был на грани срыва, мои семейные отношения разрушены... и, возможно, придётся свидетельствовать против кого-то, кому я верил в течение восемнадцати лет, и она уйдёт на долгое время».

Его жена осталась с ним, несмотря на всё. Гэйл Смит прочно верила в семью. Их сын Келли работал барменом, окончил юридическую школу, и, по иронии судьбы, стал прокурором.

Билл Кливленд и его жена расстались. Потеряв свою работу с шестизначным жалованием в Ливерморской лаборатории, он превратился в преподавателя криминалистики.

Что касается мужа Люн, он всё ещё любил свою жену. Кам Люн, казалось, остался преданным и верным Катрине, несмотря на её внебрачные приключения.

- Я - самый обычный человек, оказавшийся в этой необычной ситуации, - говорил он. - Она - моя забота, блестящий человек, уязвимый и неуверенный. Это моя работа, чтобы пережить всё это и защитить её.

Так что же тогда, это был его открытый брак? - Нет, не открытый брак, я ведь китаец по культуре. Это самая большая история любви. Это моя миссия, моя роль. Это как если бы я был помещён в космос, чтобы заботиться о ней.

Катрина Люн, объект всего этого обожания, старалась не высовываться, избегая общественного внимания, которым она когда-то так наслаждалась. Она признала себя виновной в двух уголовных преступлениях. Она больше не пользовалась своим престижем и статусом видного лидера Сообщества американских китайцев в Лос-Анджелесе.

Лес Уайзер, после двадцати трёх лет в ФБР, вышел в отставку в 2007 году со своей последней должности руководящего специального агента в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Он едва ли был рад, что дела Джей-Джей Смита и Катрины Люн, которые он так тщательно расследовал, закончились именно так. Но Уайзер был агентом ФБР, он не отвечал за судебное преследование. Он мог быть доволен тем фактом, что сделал свою трудную работу, и сделал её хорошо.

Шериф поймал плохих парней.

Глава 19. «Орлиный коготь»

Случай «Горничной» был достаточно драматичным, объединив секс, шпионов, секретные доклады в Белый дом, и миллионы

долларов, но это был не первый случай проникновения Китая в американскую спецслужбу.

За три десятилетия до того, как Катрина Люн передавала тайны ФБР китайскому МГБ, китайская разведка завербовала на долгий срок шпиона в ЦРУ. Его звали Ларри Вудай Чин, и его преследование и последующее обнаружение и арест получили кодовое название «EAGLE CLAW» («Орлиный коготь»).

Высокий и настолько тощий, что товарищи в Яньцзинском университете в Пекине, где он изучал английский язык, прозвали его Кузнечиком, Чин жил двойной жизнью более чем в одном аспекте. Его коллегам в Службе информационного иностранного радиовещания ЦРУ очкарик Чин казался тихим и бесцветным. Но он был не только китайским шпионом - за все эти годы Пекин заплатил ему приблизительно миллион долларов - у него было множество подружек, склонность к сексуальным игрушкам, он делал ставки на десятки тысяч долларов в казино Лас-Вегаса, и хранил золото в слитках в банке в Гонконге.

Не часто бывает, что ключ к раскрытию шпионской тайны является в буквальном смысле ключом, но именно так случилось в случае Ларри Чина. ФБР узнало, что американец, шпионящий для Китая, его личность тогда ещё не была определена, останавливался в номере 533 в отеле «Цяньмэнь» в Пекине. К 1983 году, спустя год после того, как досье «Орлиного когтя» было открыто, Чин уже был под подозрением. В мае того же года, когда Чин улетал из Вашингтона в Гонконг, ФБР обыскало его багаже в международном аэропорту имени Даллеса и нашло ключ к номеру 533. Это был главный прорыв в этом деле.

Чин родился в Пекине в 1922 году и начал работать на Соединённые Штаты в 1944 году, во время Второй мировой войны, когда он был нанят как переводчик для бюро по связи взаимодействия американской армии в китайском городе Фучжоу. Именно тогда, как он позже признал, его завербовала китайская разведка. После войны в 1948 году он стал переводчиком в американском консульстве в Шанхае. Год спустя его перевели в Гонконг, а затем в Корею в 1951 году,

где он допрашивал китайских военнопленных.

В Корее он тщательно отметил имена тех, кто сотрудничал с Соединёнными Штатами и других, которые желали возвратиться в Китай как американские агенты, и передал эту информацию китайцам, за что ему заплатили 2 000 долларов. ФБР полагало, что его предательство военнопленных, возможно, стоило многих жизней, когда эти пленные китайцы были репатриированы.

В 1952 году Чин присоединился к Службе информационного иностранного радиовещания (Foreign Broadcast Information Service, FBIS) на Окинаве. Теперь у Китая был «крот» непосредственно в ЦРУ. Служба FBIS отслеживает радиопередачи и публикации во всём мире, но доступ Чина не был ограничен такими открытыми источниками. В то время он обычно получал сообщения от ЦРУ, включая отчёты тайных агентов. Он совершал частые поездки в Гонконг, где встречался со своим китайским «куратором» по имени Оу Цимин. Затем в 1961 году Чина перевели в отдел FBIS в Санта-Розе, Калифорния. За следующее десятилетие он совершил ещё полдюжины поездок в Гонконг, где встречался с Оу и получал от него деньги за свои услуги.

В 1965 году Чин стал американским гражданином, что означало, что он мог получить разрешение безопасности после проверки данных. Он прошёл тест на полиграфе - так точно называется детектор лжи, тестам на котором ЦРУ придаёт столь большое значение - и получил свой допуск.

Чин позже говорил, что он, возможно, не прошёл бы тест, если бы вопросы ему задавали на китайском языке, но их задавали на английском.

Со своим разрешением безопасности на допуск к документам с грифом «совершенно секретно» Чин теперь постоянно получал секретные документы ЦРУ, которые он регулярно передавал китайцам. В 1970 он перешёл в офис службы FBIS ЦРУ в Росслин, Вирджиния, недалеко от штаб-квартиры Управления в Лэнгли.

Чину принадлежали тридцать один объект недвижимости в районе Вашингтона и два кондоминиума в Лас-Вегасе. Сотрудникам и друзьям он объяснял своё богатство тем, что якобы играл в «блэкджек» и был опытным счётчиком карт, что позволяло ему выигрывать в казино. Так как он делал высокие ставки, хвастался он, то казино компенсировало ему стоимость авиабилетов в Лас-Вегас и его пребывания в гостинице.

Чином руководили сотрудники Министерства общественной безопасности, основной спецслужбы Китая, пока в 1983 году не было создано МГБ. Его метод похищения документов был прост: он засовывал их под одежду или в портфель и выходил из здания. В FBIS были только случайные выборочные проверки портфелей.

Затем Чин фотографировал засекреченные документы и передавал плёнки китайским агентам во время ряда встреч в торговом центре Торонто. Он также встречался с китайскими офицерами разведки в Гонконге, Макао и Пекине.

Он сохранял дотошные дневники своих путешествий и встреч с «кураторами». Одна запись отмечала блюда, которые он ел, когда обедал в Пекине с тремя старшими офицерами разведки. Еда включала «медвежьи лапы» и «жаркое из баранины».

Среди самых важных документов, которые Чин передавал китайцам, были засекреченные памятные записки о секретных приготовлениях президента Ричарда Никсона в 1971 году к историческому открытию к Китаю. Никсон объявил по телевидению в июле, что он поедет в Пекин, чтобы нормализовать дипломатические отношения между этими двумя странами. Он отправился в Китай в феврале 1972 года. Чина подозревали в том, что он передал китайской разведке секретный Президентский обзорный меморандум, обрисовывающий в общих чертах планы Никсона и цели его визита в Китай.

В июле 1981 года, после почти тридцати лет пребывания в ЦРУ как китайский «крот», Чин вышел в отставку в возрасте пятидесяти девяти лет. Чтобы засвидетельствовать его заслуги - Чин считался лучшим переводчиком ЦРУ, заместитель

директора Управления вице-адмирал Бобби Инмэн лично наградил Ларри Чина медалью за службу в разведке во время церемонии отставки, где присутствовали его сотрудники. Неделей спустя Чин полетел в Гонконг, встретился со своим «куратором» из китайской разведки, и получил 40 000 долларов.

Чин мог вспоминать свою шпионскую карьеру с удовлетворением. Он был богат, его услуги очень высоко ценились разведывательной службой Китая, которая обхаживала его по-царски, у него было много приятелей, и самое лучшее: его более чем тридцатилетний шпионаж так и не был обнаружен.

Но как раз этому-то и предстояло вскоре измениться. В Министерстве общественной безопасности одно высшее должностное лицо начало волноваться из-за своего будущего. Звали его Ю Чжэньсань, и он не был каким-то заурядным офицером разведки. Его история был необычна.

Отец Ю, как сообщали, когда-то был женат на Цзян Цин, актрисе, которая использовала сценический псевдоним Лань Пин («Синее Яблоко») и однажды увлеклась Кан Шэном, легендарным главой разведывательных служб Китая. Она присоединилась к коммунистической революции и встретила Мао Цзэдуна, за которого вышла замуж. Цзян была одной из ключевых подстрекателей «Культурной революции», а после смерти Мао в 1976 году, она попала под суд как одна из печально известной «Банды Четырёх», обвинена в хаосе и тысячах жертв во время того периода. Её признали виновной, её смертный приговор заменили пожизненным заключением, и в 1991 году она совершила самоубийство, когда находилась для лечения в госпитале, выйдя из тюрьмы по состоянию здоровья.

Прежде чем Цзян вышла замуж за Мао Цзэдуна, отец Ю был с нею в ссоре, и до её крушения она была опасным врагом. Сам Ю Чжэньсань всё более и более разочаровывался в Коммунистической партии Китая и в её руководстве. Он связался с ЦРУ и предупредил Управление, что у Пекина был шпион внутри американской разведки. Он брал на себя

огромный риск, но рассматривал эту информацию как свой билет, чтобы выбраться из Китая.

ЦРУ не сразу же сообщило ФБР; оно молчало о тревожной новости в течение двух или трёх месяцев, ведя своё расследование, затем сделало вывод, что такого проникновения не могло быть в ЦРУ, и оно, вероятно, было в вооружённых силах.

В сентябре 1982 года ЦРУ уведомило ФБР, что в американской спецслужбе мог быть китайский шпион. Сообщение приземлилось на столе Ивиана Си Смита, уроженца Луизианы и ветерана ФБР, того самого, который был в Шэньяне с Биллом Кливлендом, когда они столкнулись с Гобау Минем, подозреваемым в деле «Ловушки для тигра».

Смит дал Ю Чжэньсаню кодовое имя «PLANESMAN» («Плэйнсмэн» - так в американском флоте называют моряка, управляющего подводными рулями на подлодке). Он приказал специальному агенту Тому Карсону, известному своим упорством следователю, попытаться выследить «крота» в американской разведке.

Карсон, уроженец Алабамы, пришёл в ФБР в 1970 году и вёл дела, связанные с иностранным шпионажем на протяжении большей части его двадцативосьмилетней службы в Бюро. Карсон приступил к устрашающему по своей сложности заданию, но работа продвигалась очень медленно, а в изначальной информации от ЦРУ было уж слишком мало подробностей.

Но тогда ЦРУ нашло подсказку. «Плэйнсмэн», Ю Чжэньсань, сказал, что «крот» летал в Пекин на самолёте авиакомпании «Пан Американ», который вылетел из Нью-Йорка 6 февраля 1982 года, и возвратился в Америку 27 февраля.

Карсон начал проверять полётные листы, но с разочарованием узнал, что никакого рейса «Пан Американ» 6 февраля не было. Это уже походило на тупик. Но Карсон, верный своей репутации, продолжал копать. Наконец, он обнаружил, что был рейс китайской авиакомпании «Чайна Эйрлайнз», по

расписанию вылетавший в Пекин 5 февраля. Но из-за метели в районе аэропорта имени Кеннеди полёт был отсрочен на несколько часов. И фактически самолёт вылетел лишь 6 февраля.

Не было никакого способа проверить имена пассажиров на рейсе «Чайна Эйрлайнз»: компания не предоставляла свои списки пассажиров американским властям. Но Карсон не сдавался. Был обратный рейс «Пан Американ» в Нью-Йорк 27 февраля, и, проверяя список пассажиров, Карсон нашёл только четырёх американских граждан. Из них лишь один был мужчиной с китайским именем, который жил в Александрии, Вирджиния. Пассажиром этим был Ларри Вудай Чин.

ФБР спросило ЦРУ, работает ли Чин на Управление. ЦРУ, после проверки своего штата, сказало, что он «не наш». Хорошо, а был ли он когда-либо «вашим»? - уточнило ФБР. ЦРУ проверило снова и с ужасом увидело ответ. Чин работал на Управление в течение трёх десятилетий, но ушёл в отставку год назад.

Теперь у «Орлиного когтя» был подозреваемый. Но одного наличия имени слишком мало, чтобы провести шпионское расследование и довести дело до суда. За Чином ФБР установило наблюдение, и начало прослушивать его телефон, получив ордер по закону FISA. Брюса Карлсона, специалиста ФБР по Китаю, направили руководить расследованием Чина. Карлсон говорил на путунхуа настолько хорошо, что по телефону его часто принимали за настоящего китайца.

Из подслушивания ФБР узнало, что Чин запланировал поездку в Гонконг весной 1983 года.

- Мы получили ордер FISA на обыск его багажа в аэропорту имени Даллеса, - говорил Карсон. Но была одна проблема: потребовалось бы приблизительно сорок минут, чтобы отыскать и осторожно обследовать багаж Чина. Времени было недостаточно, чтобы сделать всё до отлёта самолёта.

- Мы задержали вылет в аэропорту имени Даллеса на такое время, чтобы успеть взять багаж, распаковать его и потом снова вернуть в том виде, что и прежде, чтобы он ничего не

заметил. Власти аэропорта сотрудничали с нами, а для пассажиров была придумана пусть вымышленная, но причина для задержки.

Карсон надеялся найти в багаже Чина засекреченные документы, но там не было ни одного.

- Мы нашли ключ от номера в гостинице и сделали его снимок. Я не знал, что это было, и не понимал ещё, насколько это было важно. Но это оказалось неопровержимой уликой.

- Вернувшись в офис, я спросил Брюса, 'Что там на ключе написано по-китайски?' Он сказал, что это название гостиницы: отель «Цяньмэнь». И ещё на ключе был номер комнаты, 533.

- Это сразу о чём-то напомнило, и я вернулся и просмотрел наши досье: оказалось, что именно там он останавливался во время своей первой поездке в Китай, спустя год после того, как вышел в отставку. «Плэйнсмэн», источник ЦРУ в китайской разведывательной службе, сообщил нам об этой детали. Найденный ключ подтверждал информацию Ю Чжэньсаня и, больше того, это подкрепляло и подтверждало достоверность и всей прочей информации, которую он предоставлял. Кроме того, становилось ясно, что Чин планировал поехать из Гонконга в Пекин.

Почему Чин возвращал ключ от своего номера, было непонятно.

- В нашей стране мы не очень большое внимание уделяем гостиничным ключам, - сказал Карсон, - но, возможно, он думал, что должен его вернуть.

Несколько месяцев спустя Чин вылетел в Гонконг, чтобы встретиться с Оу Цимином, своим оперативником. Чин намекал Оу, что китайцы могли бы попробовать завербовать Викторию Лю Мортон, женщину, которую он знал в ЦРУ. Она когда-то упомянула ему, что у неё был брат на материке; возможно, предложил Чин, этого брата можно было использовать как рычаг для влияния на неё. Оу решил, что одного «крота» было достаточно, и отверг идею. К Мортон китайцы не обращались и не вербовали её.

На той же встрече Чин упомянул Оу о своих семейных проблемах. Если бы китайцы дали ему 150 000 долларов, сказал он, он мог бы заплатить своей жене и получить развод. Оу отказался.

У Ю, тем временем, было всё больше лакомых кусочков для ЦРУ. Он сказал, что у «крота» в Нью-Йорке был контакт для чрезвычайных случаев. Им был китайский «спящий» агент по имени отец Марк Чун, римско-католический священник в Церкви Преображения Господня на улице Мотт-Стрит, в сердце Китайского квартала Нью-Йорка. Чун прибыл в Америку в 1972 году, приглашённый церковью как помощник священника. Он, должно быть, произвёл на епархию хорошее впечатление, потому что позднее Чун поднялся на должность управляющего прихода, став первым китайским священником на этом посту.

ФБР занялось расследованиями, пытаясь выяснить, был ли Чун настоящим священником, или просто изображал его.

- Марк Чун на самом деле был священником, - сказал Карсон. - Китайская разведывательная служба послала его в семинарию. Он был завербован ими ещё до того, как стал священником. Он был «кротом» в церкви. Он также был, насколько известно, первым китайским «нелегалом», который являлся также католическим священником.*

*«Нелегалом» на языке секретных служб называют шпиона, не защищённого прикрытием дипломатической неприкосновенности. В случае поимки «нелегала» могут судить, посадить в тюрьму и даже казнить. В отличие от него, дипломата могут лишь объявить «персоной нон грата» и выслать из страны.

Чун переехал в Гонконг, и два агента ФБР, Пэт Дули и Ларри Гофф, опросили его там. Но Чун оказался бесполезен.

- Потом он удрал, - рассказывал Карсон. - Он уехал из Гонконга и исчез где-то на материке. ФБР узнало, что Чун, хоть и был католическим священником, но был женат, с женой в Китае. Когда он посещал её, то менял свою сутану на гражданскую

одежду.

ФБР не могло определить, то ли предполагаемой задачей Чуна в Америке было помочь Чину сбежать из Соединённых Штатов, если его шпионаж будет раскрыт, то ли он должен был следить, не попал ли Чин под подозрение.

- Мы так никогда и не выяснили, какова была его роль, - говорил Карсон.

В 1984 году другой агент ФБР Кен Шиффер был назначен руководить расследованием дела Чина. «Плэйнсмэн», сказал Шиффер, «был референтом штаба, отвечающим за контроль». Но он не был оперативным офицером китайского «крота» в ЦРУ - им был Оу Цимин - и, как во всех спецслужбах, имя Чина хранилось в строгой тайне внутри китайской разведывательной службы.

Но Ю рискнул.

- Он залез в досье своего коллеги, - рассказывал Шиффер. - Он копался в столе своего коллеги и получил всю информацию о путешествиях [Чина], гостиницах, людях, которых он встречал, но не нашёл имени источника. Это имя, наконец, стало известно, когда Карсон проверял список пассажиров обратного рейса авиакомпании «Пан Американ».

Хотя Чин уволился из ЦРУ, он продолжал работать как переводчик по правительственному контракту. Но он понимал, что его значение для китайцев уменьшилось, как только он оставил ЦРУ. Поэтому он соврал Пекину, что получил работу в Агентстве национальной безопасности. Так как он никогда не работал на Агентство национальной безопасности, он купил экземпляр «Дворца головоломок» Джеймса Бэмфорда, первой серьёзной книги об агентстве, взламывающем коды. Он перевёл части книги на китайский язык, и передал их своим «кураторам».

Но в домашнем хозяйстве Чина отнюдь не всё было безоблачным из-за внебрачных интрижек Чина. В 1983 году его обвиняли в изнасиловании за то, что он якобы ласкал девочку-

подростка в прачечной его квартиры в Александрии, Вирджиния. Обвинение, в конечном счёте, отклонили.

Чин был женат в 1949 году и развёлся спустя десять лет; у него и его первой жены Дорис было трое детей. В Окинаве он встретил свою вторую жену, Кэти. Их отношения были бурными. Она знала о его интрижках и волновалась из-за его необъяснимых поездок.

Застав его в их квартире в кровати с любовницей, она позвонила подруге и в отчаянии спросила, что ей делать. Служба прослушивания ФБР перехватила и записала предложение подруги, что госпоже Чин следовало бы вылить на парочку кастрюлю холодной воды, чтобы охладить их страсть. Подруга оставалась на линии, пока жена Чина следовала её совету. Мгновение спустя прослушивание записало крик Кэти: - Он убивает меня! Он убивает меня! Мокрый и голый, Чин неистово бил жену её же кастрюлей.

Чин часто занимался сексом по телефону с «племянницей» в Нью-Йорке, которая иногда ездила в Вашингтон, округ Колумбия, и проводила день с ним в мотеле. Однажды, говоря с подругой по прослушиваемому телефону, Чин сказал ей, чтобы она не забыла принести «машину». Агенты ФБР заволновались: вдруг это соучастница, возможно, другая шпионка, и она собирается принести шифровальную машину? Это могло бы стать большим прорывом в деле.

Но в более поздних разговорах, Чин и его подруга с пикантными деталями беседовали о том, как они будут использовать «машину», и стало ясно, что это не шпионское устройство, а сексуальная игрушка, вибратор на батарейках.

Поскольку ФБР продолжало наблюдать за Чином и собирать свидетельства его шпионажа, больше не было никакого сомнения, что именно он был «кротом», спрятавшимся в ЦРУ. Но была одна проблема. Бюро не находило способа, чтобы бы безопасно вытащить Ю Чжэньсаня из Китая. Ни ЦРУ, ни ФБР не хотели «засветить» источник, которому в случае разоблачения, разумеется, угрожала бы смертная казнь или пожизненное заключение.

Когда Ю впервые пошёл на контакт с ЦРУ, согласно Шифферу, «Управление заподозрило, что он мог быть 'подставой'». Спецслужбы часто забрасывают «приманки», предлагающие информацию, иногда правдивую, иногда ложную, во враждебные разведслужбы. Цель состоит в том, чтобы внедриться или запутать противника.

- Но когда «Плэйнсмэн» дал нам подробные сведения об американце китайского происхождения, который был американским правительственным служащим, это убедило Управление, - вспоминал Шиффер. - Он был всё ещё на месте, когда мы идентифицировали Чина. Мы застряли на этом деле - мы почти год не могли ничего делать с Чином, пока «Плэйнсмэн» не ушёл. Они [ЦРУ] устроили так, чтобы он поехал из Пекина на юг Китая, возможно, в Гонконг.

Хотя это ранее никогда не раскрывалось, вскоре после Ю Чжэньсаня ушёл ещё один китайский перебежчик. Он был сотрудником «Плэйнсмэна», но ни один из них не знал о другом. Второй перебежчик принёс с собой список имён китайских разведчиков в Соединённых Штатах. ФБР разыскало всех этих людей. Некоторых оставили под наблюдением, а других без шума выслали.

Как показывают случаи, описанные в этой книге, шпионаж - это преступление, которое очень трудно доказать, если шпион не пойман на месте преступления, или сам не признался, потому что у агентов контрразведки редко есть прямые доказательства, что подозреваемый передал документы иностранной державе. При всех уликах, которые Бюро собрало на Чина, без его признания было бы очень трудно признать его виновным. Когда же «Плэйнсмэн» был в безопасности в Соединённых Штатах, у ФБР был открыт путь, чтобы продвинуться в разоблачении Чина. Всё зависело лишь от того, как хорошо и тщательно это будет сделано.

Кен Шиффер решил, что к Чину пойдут агенты Руди Гэрин, Тэрри Рот, и Марк Джонсон. Гэрин был старым агентом контрразведки в полевом отделении ФБР в Вашингтоне, а позже руководил «китайским» отделом в штаб-квартире. Рот

был его постоянным коллегой, а Джонсон работал в тесном сотрудничестве с Карсоном во время расследования.

22 ноября 1985 года, ближе к вечеру, трио постучало в дверь кондоминиума Чина в Александрии. Они представились агентами ФБР. Они сказали, что расследуют утечку секретных данных к разведывательной службе Китая и надеются, что Чин мог бы им помочь. Чин предложил им войти, и все четверо мужчин уселись за обеденным столом Чина.

Гэрин недолго ходил вокруг да около и быстро перешёл к сути. Он сказал Чину, что ФБР подозревает, что шпионом был именно *он*.

Чин всё отрицал, и утверждал, что не имел никаких контактов с китайской разведкой. Тогда ему сказали, что ФБР известно об его полёте в Китай 6 февраля 1982 года и обратном рейсе 27 февраля. В то время как вы были там, сказали агенты, вы были почётным гостем на банкете и получили вознаграждение.

Теперь Чин понял, что попался. Ему показали изображение Ли Вэньчуна, старшего офицера китайской разведки, который вручил ему вознаграждение. Ему сказали, что ФБР также знало и об его встречах с китайским контактом в Торонто.

А затем ему показали фотографию ключа к номеру 533 отеля «Цяньмэнь». Мы знаем, что вы жили в этом номере в июне 1983 года, сообщили ему агенты.

Как и надеялись агенты, Чин испугался фотографии ключа из гостиницы.

- Он понял, что кто-то «изнутри» его выдал,- сказал Кен Шиффер. Ключ от гостиницы был только одним из определённых фактов, которыми мы располагали, но он был очень сильным. Потому что он показывал Чину, что у кого-то был внутренний доступ к его досье в штабе [китайской разведки].

Марк Джонсон усилил давление. В сентябре, сказал он, Чин встречался в Гонконге с Оу Цимином, его «куратором». Он

говорил с Оу о том, что китайцы могли бы попробовать завербовать Викторию Лю Мортон, служащую ЦРУ, у которого был брат в Китае. И, добавил Джонсон, он просил 150 000 долларов, чтобы получить развод.

Это сработало.

- У вас есть детали, которые знал только Оу, - сказал Чин. Он спросил, где агенты получили эту информацию, затем ответил на свой собственный вопрос. - Оу Цимин, должно быть, дезертировал, - сказал Чин.

- Он думал, что Оу Цимин дезертировал и выдал его, - сказал Шиффер, вспоминая времена, когда ещё не было мобильных телефонов предсотового телефона, и чтобы позвонить по телефону-автомату, нужно было бросить десять центов. - Руди и Тэрри позволили ему думать так. Но на самом деле дезертировал Ю Чжэньсань, а не Оу.

Чин пытался потянуть время и попросил, чтобы агенты возвратились на следующий день. Они отказались, и Чин, убеждённый, что его «куратор» предал его, начал говорить. Он говорил, и говорил, и говорил.

Шиффер и Том Карсон были наготове. Потом им позвонил по телефону Гэрин. Чин признался. Получив зелёный свет от Министерства юстиции, эти два агента появились в квартире Чина. Впервые Карсон увидел цель своей охоты. Он арестовал Чина и надел на него наручники. Агенты отвезли его в тюрьму округа Арлингтон.

Судебный процесс над Ларри Вудай Чином, обвиняемом по семнадцати пунктам в шпионаже и заговоре, открылся три месяца спустя в федеральном окружном суде в Александрии. Чин во время четырёхдневного испытания выбрал себе линию поведения и, выступая в суде, настойчиво утверждал, что шпионил, чтобы улучшить отношения между Соединёнными Штатами и Китаем. Его адвокат Джейк Стайн полагал, что такое объяснение Чином его предполагаемого мотива давало самую лучшую, хотя и слабую надежду повлиять на присяжных.

Когда Чин увидел засекреченное от президента Никсона об его плане установления отношений с Китаем, он, по его словам, полагал, что «если эту информацию предоставить вниманию китайского руководства..., это могло бы сломать лёд. Я хотел, чтобы Чжоу Эньлай увидел это». Обвинители, однако, сказали, что мотивом Чина были деньги, и указали, что ему хорошо заплатили.

Возможно, самым интересным открытием во время процесса было свидетельство специального агента Марка Джонсона, что у Чина не было никакого контакта с Оу Цимином с 1967 до 1976 год, потому что Оу был в тюрьме. Хаос «Культурной революции» поймал в ловушку даже «куратора» Чина.

Джозеф Джей. Ароника, помощник прокурора, обвинявший Чина на судебном процессе, спросил его, крал ли он «документы ЦРУ и передавал их китайцам?»

- Правильно, - ответил Чин.

- Вы знали, что документы, которые вы передавали... пойдут на самые высокие уровни китайского правительства?

- Да.

- Ваше намерение состояло в том, чтобы помочь Китайской Народной Республике?

- Да и... США, тоже.

Признания Чина не потребовали у жюри много времени для решения. Присяжным хватило трёх часов, чтобы признать его виновным по всем семнадцати пунктам. Его жена, Кэти, сидящая в галерее, разрыдалась. Чина сопроводили назад в тюрьму. Ему грозили два пожизненных заключения. Вынесение приговора было назначено на 17 марта.

Зачем он сделал это? Хотя Чин утверждал, что хотел способствовать восстановлению отношений между Вашингтоном и Пекином, агенты ФБР, которые расследовали его случай, считали, что даже помимо денег Чин, который

трудился во мраке в тёмных водах ЦРУ, жаждал признания, понимания своей важности, что он и получил от своих поклонников в китайской разведке.

Спустя две недели после того, как он был признан виновным, утром 21 февраля в 6.30 утра Чин съел свой завтрак. Немногим более двух часов спустя охрана нашла Чина в его камере. Он надел себе на голову пластиковый мешок для мусора и затянул его шнурком. Попытки спасти его были неудачны.

Он оставил записку для Кэти.

«Этим утром у меня была мечта о неземном мире, что расслабило меня умственно и физически... Когда я подумал о факте, что мне не придётся ничего делать после пробуждения и я смогу... продолжать спать, это чрезвычайно приятно».

«Так что, рыбка, не беспокойся обо мне... Это ли не счастливая вещь в жизни... За исключением того, что я не могу остаться с вами, у меня уже есть всё».

Всё закончилось. Шпион внутри ЦРУ был пойман после трёх десятилетий, и приговорил себя сам. В штабе ФБР дело «Орлиного когтя» было закрыто.

Глава 20. Красный цветок

19 октября 2005 года, Тай Ван Мак, главный инженер в Лос-Анджелесе для китайскоязычного телевизионного канала, который передаётся в США через спутник, заказал телефонный звонок на номер в Чжуншане, Китай.

- Я работаю на Красный цветок Северной Америки, - сказал он. Так как Мак работал на телевизионный «Канал Феникс» (Phoenix North America Chinese Channel), а не на торговца цветами, это походило на фразу из шпионского фильма. Однако для ФБР эта фраза была похожа не на голливудский сценарий, а на очевидное кодовое обозначение семьи шпионов, возглавляемой Чи Маком, братом Тай Мака. Группа пребывала под интенсивным наблюдением ФБР уже больше года.

На телефонный звонок в Чжуншане, шумном городе в южном Китае, отделённом рекой Чжуцзян (Жемчужной рекой) от Гонконга, ответил Бу Бэйлян, исследователь в Университете Чжуншаня, а на самом деле, по мнению ФБР, офицер военной разведки Народно-освободительной армии Китая - и давний оперативный офицер Мака.

Согласно документам ФБР, Чи Мак, который работал на фирму «Power Paragon», крупного подрядчика Министерства обороны в Анахайме, тайно передавал Китаю важные данные ВМС США, касающиеся американских систем вооружения, на протяжении более двадцати лет.

Спустя девять дней после телефонного звонка «Красного цветка», агенты ФБР отвели Тай Мака и его жену Фук Ли от линии безопасности в международном аэропорту Лос-Анджелеса, где они ждали посадки на полуночный рейс на Гонконг. Оба были арестованы. Одновременно другие агенты ФБР ворвались в дом Чи Мака в Дауни, пригороде Лос-Анджелеса, и арестовали его самого и его жену Ребекку Чю.

Чи Мак, которому в тот момент было шестьдесят шесть лет, родился в Гуанчжоу, учился в Шанхае, натурализовался как американский гражданин в 1985 году, и с 1996 года имел допуск службы безопасности к документам с грифом «секретно» в «Power Paragon». Он был ведущим проектным инженером в исследованиях для разработки «тихого электрического привода» (Quiet Electric Drive, или QED), двигательной установки, которая должна была позволить подводным лодкам ВМС двигаться бесшумно, а также уменьшить шумность и, соответственно, возможность быть обнаруженным, и надводных кораблей.

В показаниях под присягой, поданных для получения ордера на арест Мака, специальный агент ФБР Джеймс И. Гэйлорд описал QED как «чрезвычайно чувствительный проект», с использованием технологий, запрещённых для экспорта в некоторые страны, включая Китай. Данные по QED также носили гриф NOFORN, означающий «без разрешения для иностранных граждан», так что такие сведения были

ограничены и не могли быть обнародованы другим странам или иностранцам.

ФБР обвиняло Чи, что он взял данные о QED и о других военно-морских проектах к себе домой, скопировал информацию на три компакт-диска с помощью своей жены, и передал их своему брату Тай, который зашифровал эти компакт-диски. Тай планировал передать их Бу Бэйляну в Гуанчжоу, его конечном пункте назначения, если бы ему разрешили вылететь из аэропорта Лос-Анджелеса.

Дом Мака в течение многих месяцев прослушивался в соответствии с ордером FISA, и видеокамера была тайно установлена над его обеденным столом. Показание под присягой агента Гэйлорда гласило, что 23 октября 2005 года, за пять дней до того, как Тай Мак должен был лететь в Гонконг с компакт-дисками, Ребекка напомнила своему мужу, что вещи, которые Чи просил своего брата взять с собой, «наверняка противозаконны».

Несколькими месяцами ранее, ФБР нашло в мусоре у дома Мака два списка. Документы на китайском языке, который были порваны на маленькие кусочки, были повторно собраны и переведены Бюро. ФБР пришло к выводу, что это были «списки заданий» от китайской военной разведки: документы или информацию, которую, как хотели китайцы, Мак должен был собирать. В ходе тайного обыска в доме у Мака ФБР нашло документы о некоторых из систем вооружения, указанных в этих списках.

Один список заданий среди вооружений, данные о которых Маку следовало найти, включал систему противоракетной обороны космического базирования, торпеды для подводных лодок и электронные системы авианосца. Второй документ просил найти «технологию силовых установок подводных лодок... технологии дальнего обнаружения, технологию систем управления и контроля, технологии защиты от ядерного нападения... корабельные системы внутренней и внешней коммуникации, высокочастотные приборы, самосоединение, спутниковую связь... высокочастотную импульсную технологию подводного запуска, и информацию о DD (X), эсминце BMC,

созданном на основе высоких технологий следующего поколения».

Согласно судебным материалам, Чи Мак после ареста признал, что передавал китайцам данные по электрическим конвертерам и автоматическим выключателям для субмарин, электромагнитной системе запуска самолётов (EMALS), запускающей самолёты с авианосцев, используя магнитное поле вместо пара, и данные о боевой системе «Иджис» («Aegis»), наиболее передовой системой управления и контроля ВМС, использующей компьютеры и мощный радар AN/SPY-1 для управления боевыми ракетами.

Спустя месяц после арестов Чи Маку, его жене и его брату федеральным большим жюри в Лос-Анджелесе были предъявлены обвинения в деятельности в качестве незарегистрированных «агентов иностранного правительства, а именно, Китайской Народной Республики». Их, однако, не обвиняли по законам о шпионаже.

Обвинители столкнулись с проблемой. Хотя большая часть информации, которую Маки, по имеющимся сведениям, передавали Китаю, была важной, и некоторые имели гриф NOFORN, ничего из этого не было засекреченным, что ослабляло версию обвинения. Чи Мак боялся похищать любые документы под грифом «секретно» или с другими категориями секретности.

Правительство, впрочем, не собиралось по этой причине отступать. В июне 2006 года жена Мака, Фук Ли, и их сын, двадцатилетний Билли Мак были обвинены в даче ложных показаний правительству и действиях в качестве незарегистрированных агентов Китая. В октябре был подан заменяющий прежний обвинительный акт замены, направленный на всех пятерых членов семьи, куда были добавлены обвинения в преступном сговоре с целью вывоза в Китай информации оборонного значения, и в даче ложных показаний федеральным следователям.

Суд над Чи Маком начался в марте 2007 года. Обвинение представило неожиданное доказательство, связывавшее Чи

Мак с Дунфаном «Грегом» Чуном, другим работником китайского происхождения на предприятиях американского военно-промышленного комплекса, который позже попал под суд и был признан виновным в незаконной передаче Китаю важной информации.

Агент ФБР Гэйлорд свидетельствовал, что во время обыска дома Мака ФБР нашло письмо, написанное Гу Вейхао, чиновником Министерства авиации Китая, к Чуну, инженеру, работавшему на заводе «Боинг» в Хантингтон-Бич, связанном с производством «Спейс шаттлов».

Гу, родственник жены Мака Ребекки, представил Чуна Чи Маку. В 1987 году Гу написал в письме, что Китай планирует построить гражданский самолёт и «шаттл». «Я надеюсь, что эти изделия скоро взлетят в небо. Есть некоторые сложные технические проблемы, которые нуждаются в вашей помощи».

Письмо свидетельствовало, что Мака проинструктировали передать его Чуну из рук в руки. «Вы можете обсудить время и маршрут вашей поездки в Китай с г-ном Маком лично... Вы можете использовать 'путешествие в Гонконг' или 'посещение родственников в Китае' как причины для поездки за границу».

Затем следовала формулировка, которая непосредственно касалась Чи Мака. «Обычно, если у вас есть какая-либо информация, вы можете также передать её мне через г-на Мака. Этот канал намного более безопасен, чем другие... Я надеюсь, что вы... снабдите передовой технологией и информацией».

Чи Мак, выступая в суде, отрицал, что он передавал информацию Китаю. Зашифрованные диски, утверждал он, предназначались для двух «друзей». Бу Бэйлян, которому Тай Мак звонил по телефону, назвавшись «Красным цветком», и который, как предполагалось, должен был встретить его в аэропорту в Гуанчжоу и получить диски, был просто ещё одним другом, заботившимся о больной тёще Мака. Как зашифрованная информация о малошумных силовых установках подводных лодок могла бы помочь её здоровью, не было объяснено.

После шестинедельного процесса в Санта-Ане присяжные 10 мая 2007 года признали Чи Мака виновным в сговоре с целью нарушения законов об экспортном контроле, в деятельности в качестве незарегистрированного агента Китая, и в обмане ФБР.

Когда Чи Мака признали виновным, то и остальная часть семьи быстро созналась. В марте 2008 года Чи Мак был приговорён к двадцати четырём годам в федеральной тюрьме. Его жена Ребекка признала себя виновной в деятельности в качестве агента Китая и получила три года тюрьмы, после которых она подлежала высылке в Китай. Тай Мак был приговорён к десяти годам заключения. Его жена Фук Ли получила три года условно (пробации), а их сын Билли Мак был приговорён к сроку, им уже отбытому. Все трое также должны были быть высланы после отбытия наказания.

Обнаружив связь с «Боингом» и «шаттлом» во время обыска в доме Мака, ФБР начало расследование Дунфан Чуна. Уроженец Китая, Чун прибыл в Соединённые Штаты в 1962 году и был натурализованным американским гражданином, который работал в аэрокосмической промышленности в Южной Калифорнии в течение тридцати лет с допуском к документам с грифом «секретно». До «Боинга» Чун работал в компании «Рокуэлл Интернейшнл» («Rockwell International»).

Чун был шпионом-инициативником. Приблизительно в 1979 году он послал письмо профессору Чен Лунку из китайского Харбинского политехнического института. Он писал: «Я не знаю, что я могу сделать для страны. Будучи китайским соотечественником больше тридцати лет и гордясь достижениями усилий людей для родины, я сожалею, что не внёс никакого вклада... Я хотел бы приложить усилия, чтобы способствовать Четырём Модернизациям Китая» - ссылка на план Дэн Сяопина 1978 года, направленный на ускорение экономического развития в сельском хозяйстве, промышленности, науке и технике, и обороне.

Профессор Чен ответил на письмо в сентябре 1979 года. «Мы все тронуты вашим патриотизмом... Ваш дух это поощрение и движущая сила для нас. Мы хотели бы соединить наши руки с

руками заграничных соотечественников в усилиях по строительству нашей великой социалистической родины».

Чун не терял времени даром и принялся отправлять в Китай материалы, среди них двадцать четыре руководства фирмы «Рокуэлл» на бомбардировщик B-1. В свою очередь, китайцы присылали ему проработанные списки заданий с подробными вопросами. Пример: «Сколько видов полётов с нагрузкой используется для теста на усталость маленьких самолётов-истребителей? При проведении теста с нагрузкой последовательность нагрузки является случайной или устанавливается вручную?»

Среди других тем китайцы просили «руководства по конструкции самолёта, руководства по конструкции усталости... руководства по конструкции «шаттла»... о воздухонепроницаемой кабине «шаттла», о конструкции термостойкой теплозащитной плитки «шаттла», о долговечности... анализ американских самолётов-истребителей и бортового авиационного оборудования; и о кривых усталости S-N для плексигласовой кабины самолёта-истребителя и фонаря кабины».

В 1985 году Чуна пригласили читать лекции в Китае, эту поездку оплачивали китайцы. Среди тем, которые он, по его словам, собирался обсудить, была «Термостойкие теплозащитные плитки «Спейс шаттла», краткое введение и анализ напряжения». Он также запланировал читать лекции по «Усталостной долговечности» и по «Реактивным истребителям F-15».

«Это большая честь, и я взволнован, что могу сделать какой-то свой вклад в четыре модернизации родины», написал Чун. Он с нетерпением ждал поездки «на несколько недель, чтобы хорошо рассмотреть родину моими собственными глазами».

Два года спустя Гу Вейхао, чиновник Министерства авиации, оказался главным контактом Чуна. «Это ваша слава и удача для Китая, что вы смогли реализовать своё желание посвятить себя службе своей стране», написал Гу.

Китайский чиновник попросил Чуна «собрать информацию о конструкции самолёта для магистральных линий и о развитии 'шаттла'». Однажды в Гуанчжоу, он смог встретиться с Гу и его коллегами в «маленьком помещении, которое очень безопасно».

Возможно, для «легенды» прикрытия поездки Гу предложил, что жену Чуна, художницу, можно было бы пригласить посетить художественный институт в Китае. Чун тогда мог бы сопровождать свою жену и назвать это причиной своей поездки в КНР. В 2001 году Чун снова поехал в Китай, чтобы читать там лекции по «шаттлу», а затем совершил ещё две поездки туда в 2002 и 2003 годах.

Когда агенты ФБР допросили Чуна в 2006 году и обыскали его дом в Ориндже, Калифорния, они с удивлением нашли спрятанные в его доме триста тысяч страниц документации фирмы «Боинг», содержащие информацию о «шаттле», о ракете «Дельта IV», используемой в качестве носителя беспилотных космических спутников, о реактивном истребителе F-15, бомбардировщике B-52, и вертолёте «Чинук». Некоторые из документов были в подполе под домом.

11 февраля 2008 года Чуна арестовали, предъявив обвинения в экономическом шпионаже, деятельности в качестве иностранного агента Китая, и в даче ложных показаний ФБР. После десятидневного суда без участия присяжных в июле 2009 года Чун, которому тогда было семьдесят три года, был признан виновным судьёй федерального окружного суда Кормаком Джей. Карни. Жёстким тоном судья Карни объявил: - Господин Чун был агентом Китайской Народной Республики ('КНР') более тридцати лет. Под руководством и управлением КНР, господин Чун незаконно присваивал важную аэрокосмическую и военную информацию, принадлежащую его работодателю, компании «Боинг», чтобы помочь КНР в развитии его собственных программ.

Судья не смягчал выражений: - Когда федеральные агенты, просеяли сотни тысяч страниц документов в доме г-на Чуна, история тайной жизни г-на Чуна стала явной. Он был шпионом КНР.

Министерство иностранных дел Китая выпустило короткое заявление: «Утверждение, что некий так называемый китаец похитил торговые секреты в Соединённых Штатах и передал их Китаю, является чистым вымыслом».

Чун был первым человеком, которого судили по новому Закону об экономическом шпионаже 1996 года. В феврале 2010 года он был приговорён к пятнадцати годам и восьми месяцам в тюрьме. Судья Карни сказал, что он вынес приговор с таким долгим сроком, потому что хотел тем самым послать сигнал в Китай: «прекратите присылать сюда ваших шпионов».

Китайские шпионские случаи, как часто оказывалось, были связаны между собой или каким-то образом накладывались друг на друга. Чи Мак и Дунфан Чун были тесно связаны. В тот же самый день, когда Чун был арестован в Калифорнии, в другом конце страны, в Александрии, Вирджиния, правительство обвинило по законам о шпионаже трёх человек в шпионской деятельности в пользу Китая за то, что, по словам прессы, было «несвязанным случаем».

Но как раз этот случай был весьма тесно связан. Потому что, как оказалось, Линь Хун, сотрудник китайской разведки, сидевший в Гуанчжоу и Гонконге, был кукловодом, дёргавшим за ниточки в шпионских делах на обоих побережьях, как и в четвёртом случае, который был раскрыт год спустя в мае 2009 года.

Тремя людьми, арестованными в феврале 2008 года, были Грегг У. Бергерсен, служащий Министерства обороны, сорокалетний Тай Шэнь Го, бизнесмен из Нового Орлеана, действовавший как шпион для Китая, и Ю Синькан, его молодая китайская подруга, которая работала на мебельной компании Го и служила посредником между Го и его «куратором» в Китае Линь Хуном.

Бергерсен, ветеран ВМС с допуском к документам под грифом «совершенно секретно», любил играть на деньги в Лас-Вегасе и работал в Арлингтоне, Вирджиния, на Отдел сотрудничества в области безопасности Министерства обороны, подразделение

Пентагона, которое руководит обширной программой продаж американского оружия зарубежным странам. Он начал свою военную карьеру в военно-морской разведке, затем служил в комитете ЦРУ (COMEX), контролировавшем передачу технологий Советам и Восточной Европе. За эту работу он получил благодарность в приказе по особо отличившемуся подразделению от тогдашнего директора ЦРУ Роберта Гейтса.

Столкнувшись с необходимостью кормить семью, пятидесятилетний Бергерсен после ухода в отставку жаждал войти в мир «бандитов кольцевой дороги», компаний, работающих на вооружённые силы и секретные службы, и их консультантов, которые окружают Вашингтон и процветают благодаря правительственным контрактам.

Казалось, как бы в ответ на его молитвы, он встретил свободно расходующего деньги Тай Шэнь Го, который обхаживал чиновников Министерства обороны и утверждал, что развивает консалтинговую компанию, чтобы получать контракты Министерства обороны. Он сказал Бергерсену: - Когда моя компания дойдёт до того..., где я могу заплатить вам триста, четыреста тысяч в год, вы выходите» и увольняетесь. Он также соблазнял его перспективой, что Бергерсен мог бы стать совладельцем компании.

Го, родившийся на Тайване, невысокий и харизматический, прибыл в Соединённые Штаты в 1972, чтобы посещать колледж в Луизиане как стипендиат по теннису. Он стал натурализованным американским гражданином восемь лет спустя и имел и американский и тайваньский паспорта. Го вошёл в бизнес, импортирующий китайскую мебель. Он жил в Новом Орлеане, но регулярно ездил в Китай и владел офисом в Пекине. Его жена Джейн была дочерью выдающегося гоминьдановского генерала Сюэ Юэ, который воевал с японцами во время Второй мировой войны и бежал на Тайвань после того, как коммунисты захватили материковый Китай в 1949 году.

После того, как ФБР арестовало Го, он просил помощи у Плэто Кэчериса, видного адвоката по уголовным делам в Вашингтоне, известного специалиста и в шпионских процессах, защитника,

среди прочего, Олдрича Эймса и Роберта Ханссена. По словам младшего партнёра Кэчериса Джона Хандли, китайская разведка впервые установила контакт с Го в 1990-х.

- Он пытался продавать хлопок и другие товары в Китай и сотрудничал с партнёром на Западном Побережье, - вспоминал Хандли. - Они совершили несколько поездок в Китай для зондирования обстановки, чтобы продвинуть свой бизнес, и его партнёр представил ему Линь Хуна как человека, с которым Го должен был познакомиться, чтобы заниматься коммерцией в Китае. Линь Хуна описали ему как руководителя Ассоциации дружбы Гуанчжоу, правительственной организации, помогавшей североамериканским бизнесменам вести дела в Китае. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что Лин был чиновником в китайском правительстве. На самом же деле Линь Хун был офицером разведки Народно-освободительной армии Китая.

В 1990-х Го начал новый деловой проект, чтобы разработать коммуникационную систему военного назначения между Соединёнными Штатами и Тайванем. Линь Хун потребовал от него информации о работе, предлагая перспективу «большого проекта» в Китае, если он даст то, что хотел Лин. Следующие несколько лет Го передавал Лину информацию оборонного значения.

А в начале 1990-х у Го появилась ещё одна причина для путешествий в Пекин. Он встретил Ю Синькан, тоненькую девятнадцатилетнюю китаянку, и их отношения перешли в любовную связь. Го поддерживал Ю Синькан, используя её как посредника между ним и Линь Хуном. Она встречалась с Линём в Пекине и передавала сообщения между китайским оперативником и Го, который использовал её квартиру в Пекине для встреч с Линём.

Ю Синькан переехала в Новый Орлеан в 2007 году, чтобы работать секретарём у Го. В Соединённых Штатах Ю Синькан, которой было уже тридцать два, откликалась на имя Кэти и получила «зелёную карту» как законно постоянно проживающая иностранка. С деньгами от Линь Хуна Го продолжал поддерживать её.

Шпионский бизнес оказался куда более прибыльным, чем другие неуверенные предприятия Го. Согласно документам суда, Линь Хун заплатил 50 000 долларов Го, а Го, в свою очередь, развлекал Бергерсена в казино и дорогих шоу Лас-Вегаса, и платил ему небольшие суммы наличными. Бергерсен, со своей стороны, предоставлял Го документы Пентагона и информацию, часть из которой была засекречена. Го сказал Бергерсен, что данные, которые тот ему поставлял, шли на Тайвань. Бергерсен не знал, что Го передавал информацию в Пекин.

В апреле 2007 года, во время поездки в Лас-Вегас, Го вручил Бергерсену 3 000 долларов наличными, чтобы играть в покер, и Бергерсен обменял деньги на фишки казино. На следующий день Го сообщил Линь Хуну, что Бергерсен согласился передать ему документ о запланированных Пентагоном на ближайшие пять лет поставках оружия Тайваню. Позвонив Бергерсену в июле, Го напомнил ему, что он хочет получить именно документ Министерства обороны: - Я хочу вашу... бумагу. Я не хочу ЦРУ, я уже получил бумагу ЦРУ.

Го вылетел в Вашингтон в июле, и ФБР удалось установить приборы подслушивания и видеонаблюдения в машине, которую он арендовал. Когда они позже в тот же день ехали к международному аэропорту имени Даллеса, Го засунул толстую пачку денег в карман рубашки Бергерсена. Бергерсен принёс проект продаж оружия Тайваню и вырезал маркировку «секретно» из документа. Он сказал Го, что не может передать ему бумаги, «потому что всё это - засекреченные документы», но Го мог бы «сделать все заметки, которые хотел».

Если бы хоть кто-то узнал об этом, предупредил Бергерсен, «чёрт побери, я отправился бы в тюрьму, я не хочу попасть в тюрьму».

- Я, вероятно, тоже попал бы в тюрьму, - ответил Го, хихикая.

Вернувшись в Луизиану на следующий день, Го написал по электронной почте своему китайскому «куратору» Линь Хуну, что он не мог сохранить копию проекта продаж оружия

Тайваню - это было «очень, очень секретно» - но ему разрешили сделать заметки об этом. Он сказал, что Бергерсен также позволил ему ознакомиться с планами модернизации тайваньских систем управления, контроля и разведки.

Пять дней спустя Го вылетел в Пекин, где в аэропорту его встретила Ю Синькан. Го лично передал Линь Хуну рукописные заметки, сделанные им на основе документов, которые Бергерсен дал ему просмотреть.

В августе произошла домашняя сцена прямо из комедийного сериала «Башни Фоулти». Бергерсен позвонил Го и громко жаловался, что, когда он вернулся из поездки, его жена прощупала его бумажник и нашла там неожиданную сумму денег. Чтобы объяснить происхождение денег, он сказал ей, что выиграл их в азартные игры. В этом случае, сказала жена, она имеет право на половину денег - и взяла половину как свою долю. Го предложил скомпенсировать разницу, но Бергерсен отказался, сказав, что всё равно не смог бы положить их в банк, потому что «я не хочу засветиться».

В марте 2008 года, спустя месяц после своего ареста, Бергерсен признал себя виновным в соответствии с законами о шпионаже по одному пункту о сговоре с целью раскрытия информации, касающейся национальной обороны. Его приговорили только к пяти годам заключения в федеральной тюрьме.

Тай Шэнь Го признал себя виновным в преступном сговоре с целью передачи Китаю секретов национальной обороны. Он был приговорён сначала почти к шестнадцати годам, позже срок сократили до пяти за сотрудничество с обвинением, кроме того, его оштрафовали на 40 000 долларов.

Ю Синькан получила очень лёгкое наказание: восемнадцать месяцев в тюрьме за пособничество и поддержку незарегистрированного агента китайского правительства. Обвинители признали, что она использовалась и управлялась в течение многих лет Го, её возлюбленным и единственной финансовой поддержкой.

Линь Хун мог не бояться наказания, находясь вне досягаемости, в Китае. Но показание под присягой ФБР в деле Бергерсена и Го выяснило, что этот оперативник контролировал также операцию Чи Мака на Западном Побережье. Ребекка Чю признала, что Линь Хун и другие предоставили им списки заданий, где перечислялась информация, которую Чи Мак должен был собрать. Имя и телефонные номера Линь Хуна обнаружились в двух из записных книжек Мака, а также в документе, написанном по-китайски (путунхуа), конфискованном у Го.

Шпионская сеть Линь Хуна на обоих побережьях включала и второго чиновника Пентагона, Джеймса У. Фондрена младшего, которому он дал кодовое имя «Fang» («Клык»). В день, когда Го и Бергерсен были арестованы, Го находился в доме Фондрена в Аннандейле, Вирджиния. Как и Бергерсен, Фондрен был одним из нескольких нынешних и бывших правительственных служащих и подрядчиков, которых обхаживал Тай Шэнь Го.

Подполковник военно-воздушных сил, Фондрен вышел в отставку в 1996 и два года спустя начал консалтинговый бизнес из своего дома. Но его единственным клиентом был Тай Шэнь Го. Получив ордер на обыск после ареста Го, ФБР взяло компьютер Фондрена и обнаружило, что в нём было много «аналитических документов», содержащих секретные данные, которые Фондрен написал и послал Го по электронной почте за оплату.

В марте 1999 года Фондрен и Го вместе поехали в Китай. Го представил его Линь Хуну, которого он описал как «политического исследователя» и консультанта китайского правительства.

После поездки Фондрен начал обмениваться посланиями по электронной почте непосредственно с Линь Хуном, которая тайно ответил в апреле: «С вами всё ОК? Погода снаружи не очень благоприятная, пожалуйста, будьте осторожны в работе».

В мае Фондрен уверил Линь Хуна, что он изо всех сил старается достать отчёт о противоракетной обороне на ТВД, прежде чем

тот будет выпущен. В том же месяце Го дал ему чек на 1 150 долларов. Фондрен, видимо, должен был быть исключительно недалёким человеком, чтобы не понять, что его новый друг Линь Хун был представителем или чиновником китайского правительства. На самом деле Фондрен хвастался одному своему другу, что «правительство КНР... уже приняло некоторые из моих предложений».

Затем, в 2001 году Го и Линь получили хорошие новости. Пентагон назначил Фондрена на должность заместителя Вашингтонского бюро по связи взаимодействия американского Тихоокеанского командования (PACOM), объединённого командования вооружённых сил на Азиатско-Тихоокеанском ТВД. Теперь Фондрен имел допуск к документам с грифами «совершенно секретно» и «чувствительная разделённая информация» (Sensitive Compartmented Information, SCI).

Когда Фондрен получил доступ к важным внутренним секретам, Линь Хун предложил, чтобы Го ввёл его в заблуждение, позволив Фондрену верить, что информация, которую он предоставляет, поступала вооружённым силам Тайваня. Фондрен продолжал отправлять Го «аналитические документы» с секретными данными. Го сказал, что теперь будет платить ему наличными деньгами.

В конце октября 2006 года Го позвонил Фондрену и попросил копию антитеррористической публикации Пентагона. Хотя на документе была отметка «только для служебного пользования», Фондрен согласился достать его. Неделю спустя Линь Хун спросил Го по электронной почте, где же публикация. На следующий день ФБР перехватило пакет, который Фондрен послал Го. В нём и находился этот документ.

Затем в феврале 2007 года Линь пожаловался Го по телефону, что его начальник был недоволен двумя работами, написанными Фондреном, и полагал, что они не отражали то, что знал «Клык». В будущем, сказал Лин, «Клык» должен просто отправлять документы, а не писать работы, которые занимали слишком много времени.

В том же месяце Го попросил Фондрена добыть сигнальный

экземпляр ежегодного отчёта Министерства обороны по китайским вооружённым силам. В начале марта Го позвонил Фондрену домой и спросил, получил ли тот проект. Фондрен ответил: - Я не могу говорить о, гм, о таком материале по телефону. Потому Го вылетел в Вашингтон, остановился в доме Фондрена, и Фондрен передал ему отчёт со словами: - Если люди узнают, что я сделал это, это будет стоить мне работы.

* * *

В августе ФБР провело беседу с Фондреном под предлогом, что они опрашивают правительственных служащих, знакомых с Азией. Фондрен сказал им, что он был знаком и работал с Го, но он учуял неладное. Он написал по электронной почте Го, что агенты «записали только эту информацию и не делали заметок, когда я говорил о Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии».

Несмотря на подозрительное посещение ФБР, Фондрен продолжал отправлять Го секретные данные. Затем 13 мая 2009 года прокуратура взялась за работу. Фондрен был обвинён в организации заговора с целью раскрытия агенту Китая секретной информации оборонного значения. Он сдался федеральным властям и был освобождён, получив браслет с системой электронного контроля.

Процесс Фондрена в федеральном окружном суде в Александрии открылся в сентябре 2009 года. Главным свидетелем против него был Тай Шэнь Го, появлявшийся в зале суда в зелёном тюремном комбинезоне. 25 сентября, после пятидневного процесса, жюри признало Фондрена виновным по одному пункту в незаконной передаче засекреченной информации агенту иностранного правительства и по двум пунктам в даче ложных показаний ФБР. В январе 2010 года Фондрен был приговорён к трём годам заключения в федеральной тюрьме.

Осенью 2009 года «Красный цветок», «Клык» и другие игроки в шпионской драме на обоих побережьях Америки стали историей. Чи Мак и четыре других члена его семьи, так же как Дунфан Чун, Тай Шэнь Го, Грегг Бергерсен, Кэти Кан, и Джеймс

Фондрен, всего десять человек, были пойманы и признаны виновными. Шпионская сеть Линь Хуна была уничтожена.

Глава 21. Кибершпионы

В двадцать первом столетии, шпионы, наконец, достигли того, о чём могли только мечтать практики их древнего ремесла в прошлом: благодаря Интернету они на самом деле стали невидимыми.

От Пентагона до Государственного департамента, от Лабораторий ядерного оружия Сандия до Министерства внутренней безопасности, злоумышленникам удавалось взламывать американские правительственные компьютеры со всё увеличивающейся частотой. Многие из нападений, похоже, исходили из Китая.

В 2009 году группа канадских исследователей в Университете Торонто назвала «китайский кибершпионаж» «важной глобальной проблемой». Их доклад уверенно предполагал, что китайское правительство, а не только индивидуальные хакеры, стояло за широко распространёнными компьютерными атаками, нацеленными на Соединённые Штаты и 102 другие страны.

Китайские хакеры, сказали исследователи, взламывали компьютеры в Соединённых Штатах, Тайване, Индии и других странах, манипулируя ими так, чтобы загрузить «троянского коня» - разрушительную программу, замаскированную под полезное программное обеспечение - под названием «Призрачная крыса». Как в типичных хакерских нападениях, программа затем позволяла нападавшему получить в реальном времени контроль над компьютерами, превращая их в зомби или прокси, без ведома их владельцев.

Как только компьютеры попадали под чужой контроль, злоумышленники могли искать и загружать файлы, и даже тайно управлять «микрофонами и веб-камерами», отмечал доклад канадских учёных. Согласно Нарту Вильнёву, одному из авторов доклада, эти возможности в духе романа Оруэлла

означают, что если у компьютера есть веб-камера, она может подглядывать в спальню или офис и позволить нападавшему тайно наблюдать за всем происходящим, со звуком. Если у компьютера есть только микрофон, то он может быть активизирован, чтобы подслушивать помещение, где расположен компьютер.

Начиная с 2003 года, серии нападений на Пентагон и другие правительственные учреждения, исходящих от вебсайтов в Китае, американские следователи дали кодовое наименование «Titan Rain» («Титановый дождь»). Правительство засекретило эти компьютерные атаки и очень мало сообщало о них. Однако с «Титанового дождя» вуаль секретности частично была снята из-за необычного эпизода в месторасположении Национальных лабораторий Сандия в Альбукерке, Нью-Мексико.

В 2004 году Шоун Карпентер, тридцатишестилетний аналитик компьютерной безопасности в лаборатории ядерного оружия, изучил ряд взломов в Сандия и проследил их до серверов, которые, как оказалось, были расположены в провинции Гуандун в южном Китае. В свободное время он продолжал прослеживать технологически сложные и быстрые атаки обратно к их источнику, делясь своей информацией сначала с контрразведывательной службой армии, а позже с ФБР.

Вместо того чтобы похвалить Карпентера за его усилия по защите лаборатории, руководство Сандия отобрало у него допуск по категории Q и уволило его за то, что он вышел за рамки установленного порядка субординации. Карпентер подал иск и в 2007 году выиграл в суде Нью-Мексико огромную компенсацию в размере 4.7 миллиона долларов. Суд пришёл к выводу, что его увольнение из лабораторий Сандия было «злонамеренным, преднамеренным, опрометчивым, необоснованным, мошенническим или недобросовестным».

Нападения на компьютерные сети Министерства обороны и другие правительственные компьютеры продолжаются. В 2008 году генерал ВВС Кевин П. Чилтон, командующий Стратегическим авиационным командованием, сказал, что сети оборонного ведомства получали каждый день по миллиону подозрительных «ударов». Не называя непосредственно Китай,

генерал сказал, что, по его мнению, взломы могли относиться к «шпионской работе».

Для компьютерных нападений уязвимы не только объекты, связанные с военными ведомствами. В 2009 году «Уолл-Стрит джорнал» сообщил, что кибершпионы из Китая, России и других мест проникли в энергосистемы Соединённых Штатов, и внедрили туда «malware» («зловред»), или вредоносное программное обеспечение, программы, которые могли использоваться для разрушения систем. Газета цитировала неназванных чиновников, утверждавших, что водопровод, канализация и другие системы инфраструктуры тоже находились в опасности.

Позже в том же году бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси изобразил пугающую картину того, что могло случиться. «Вывод из строя сетей коммунальных систем на несколько месяцев настолько близок к ядерному нападению на Соединённые Штаты с использованием большого количества оружия, как ничто иное. Наступило бы массовое голодание и смерть от жажды и всё остальное».

Годом ранее Том Донахью, главный чиновник ЦРУ по кибернетической безопасности, сказал на встрече в Новом Орлеане руководителей служб безопасности коммунальных служб и энергетических компаний, что хакеры на самом деле нарушили работу компьютеров энергетических компаний в другой стране и вызвали отключение электричества в нескольких городах, хотя это сообщение позже подверглось сомнению.

В 2008 году государственная компания «Теннесси-Вэлли Оторити» (TVA), которая снабжает электричеством девять миллионов человек в семи южных штатах, была подвергнута критике Управлением правительственной отчётности за слабое обеспечение безопасности. Председатель комиссии Палаты представителей по кибербезопасности сказал, что TVA, самый большой национальный производитель электроэнергии, «подвергается риску разрушения своего функционирования в результате киберинцидента».

И национальная энергетическая сеть уязвима. Исследователи в Национальной лаборатории Министерства энергетики в Айдахо продемонстрировали в 2007 году в ходе эксперимента, названного «Тест генератора Аврора», что кибернетическое нападение могло фактически «вырубить» энергосистему. На потрясающем видео, выпущенном Министерством внутренней безопасности, видно, как турбину электростанции, такую же, как и множество других, использующихся в Соединённых Штатах, заставили перегреться и выйти из строя после получения компьютерных команд в моделируемом хакерском нападении. На видео огромная турбина дрожит, трясётся и изрыгает чёрно-белый дым, когда её части отлетают в разные стороны.

В 2009 году президент Обама подтвердил, что «компьютерные злоумышленники проверяли на прочность нашу сеть энергоснабжения», и «в других странах кибератаки погрузили все города в темноту». Хотя он не уточнял, но программа новостей Си-Би-Эс сообщила, что компьютерная атака в Бразилии в 2005 году затронула три города, а другая в 2007 году в той же стране вызвала отключение освещения, затронувшее более трёх миллионов человек. Впрочем, это сообщение Си-Би-Эс было опровергнуто бразильскими чиновниками, которые возлагали ответственность за отключение света на закопчённые изоляторы

Китай рьяно отрицал свою ответственность за любые компьютерные нападения, направленные против Соединённых Штатов или других стран. В ответ на сообщения, что Пекин вторгался в компьютеры Пентагона, например, Цзян Ю, представитель китайского Министерства иностранных дел, заявил: «Китайское правительство всегда выступало против любых преступлений в сети Интернет, включая хакерство, и наказывало за них по закону».

Такие опровержения являются частыми, но не полностью убедительными. Китайское правительство пытается жёстко контролировать все аспекты Интернета в своей стране, резко ограничивая содержание сети, которое могут видеть его граждане. В последние годы, интернет-активисты вне Китая создали программное обеспечение, которое дало возможность

относительно маленькому проценту китайских компьютерных пользователей обойти межсетевую защиту правительства. Даже в этом случае представляется невероятным, что большое количество частных китайских хакеров, якобы действуя самостоятельно, могли бы проводить повторяющиеся атаки на компьютерные сети американских оборонных учреждений и спецслужб - если бы правительство Китая не организовывало, направляло, или не поощряло эти вторжения, или, по крайней мере, не потворствовало бы им.

В книге, изданной более десятилетия назад, два китайских специалиста по Интернету признали, что «использование хакеров для получения военной информации из компьютерных сетей - это очень эффективный метод». Более свежая книга, изданная в Китае в 2003 году, «Расшифровка информационной безопасности», обсуждает вопрос создания университета, специализирующегося на компьютерной безопасности, своего рода «хакерского университета», с курсами о «создании и использовании программ компьютерных вирусов» и «исследовании методов хакерских нападений».

Усилия доказать, что китайское правительство могло бы стоять за нападениями на Соединённые Штаты вроде «Титанового дождя», сталкиваются с тем, что компьютерные эксперты по безопасности называют проблемой «атрибуции» - установления авторства. Так как хакерам сравнительно легко можно замаскировать свою страну происхождения и точное местоположение, сегодняшние кибершпионы могут скрываться за виртуальным плащом, а их кинжал является электронным. Хакер в Восточной Европе может создать впечатление, что его электронную почту послали через сервер в Шанхае.

По этой причине, когда компания «Гугл» в начале 2010 года раскрыла атаки на его службу электронной почты и на тридцать четыре американские компании, многие из которых были заняты в оборонной промышленности, она не смогла достоверно определить точный источник, но заявила, что, по её мнению, вторжения исходили из Китая. Позже некоторые исследователи полагали, что нападения могли быть прослежены к двум школам в Китае, и одна из них была тесно связана с вооружёнными силами.

Директор ФБР Роберт Мюллер описал эту проблему в своей речи в Сан-Франциско в 2009 году.

- В начале расследования компьютерного преступления мы не знаем, имеем ли мы дело со шпионом, с человеком из внутреннего круга компании, или с организованной преступной группой, - сказал он. - Кое-что, что похоже на обычное интернет-мошенничество, может быть попыткой террористической группы получить финансирование для своей операции.

Правительство попыталось помешать нападениям на важные сети оборонного значения. НАСА, мишень кибернетических вторжений, как в Космическом центре Кеннеди во Флориде, так и в Космическом центре Джонсона в Хьюстоне, начало программу под кодовым названием «Авокадо», чтобы блокировать подозреваемые китайские компьютерные атаки. Программа «Эйнштейн» Министерства внутренней безопасности обеспечила правительственные учреждения датчиками, предназначенными для обнаружения компьютерных вторжений.

В 2002 году американский Военно-морской колледж ВМС США стал местом проведения военной игры под названием «Цифровой Пёрл-Харбор». Имитационные нападения, осуществлявшиеся экспертами по компьютерной безопасности, моделировали атаки других стран на жизненно важную американскую инфраструктуру. Учения показали, что Интернет и цифровые финансовые сети были самыми уязвимыми. Другие эксперты предупредили, что телекоммуникационные сети и система авиадиспетчерской службы могут быть разрушены кибернападениями.

Как и Соединённые Штаты, Китай разрабатывал планы разрушения цифровых сетей противника в войне. Согласно докладу учёных Университета Торонто в 2009 году, «Китай активно развивает способность проведения операций в киберпространстве, правильно определяя его как сферу, в которой он может достичь стратегического паритета, если не превосходства над военными организациями Соединённых

Штатов и их союзников».

Роль Народной Освободительной Армии Китая также была освещена в годовом отчёте Министерства обороны Конгрессу за 2008 год по китайской военной мощи: «Народно-освободительная армия создала подразделения для ведения информационной войны, чтобы разрабатывать вирусы для нападения на вражеские компьютерные системы и сети». Отчёт добавил, что Народно-освободительная армия рассматривает операции в компьютерных сетях «как важные для достижения 'электромагнитного господства' на ранней стадии конфликта».

Хотя доказательства темны, атаки китайских хакеров, возможно, были направлены на критиков этой страны в Соединённых Штатах. В 2008 два республиканских члена Конгресса утверждали, что в компьютеры в их офисах на Капитолийском холме проникли хакеры, которые, по их мнению, были в Китае. Эти два конгрессмена, Крис Смит, Нью-Джерси, и Фрэнк Вулф, Вирджиния, оба консерваторы, были давними открытыми критиками нарушений прав человека в Китае.

И в пригороде Атланты в 2006 году Питера Юань Ли, специалиста по компьютерным технологиям, натурализованного американского гражданина и критика китайского правительства, ограбили, избили, связали, и завязали глаза трое или четверо вооружённых азиатов, которые вторглись в его дом и взяли два ноутбука, не тронув никаких других ценных вещей. Ему потребовалось пятнадцать швов, чтобы зашить рану на лице после этого нападения.

Ли был местным видным последователем духовного движения Фалуньгун, которое Китай объявил вне закона как «злой культ». ФБР и детективы округа Фултон расследовали грабёж и нападение на Ли, но не последовало никаких арестов. Ли, со своей стороны, не сомневался в том, почему именно он оказался жертвой. Он обвинял Китай во взломе, который, по его заявлению, был спланирован, чтобы заставить его замолчать. Он выражал удивление, «что в США они могли делать такие вещи».

В 1987 году Ли прибыл в Соединённые Штаты для завершения своего образования в Принстоне, где он получил степень доктора философии по электротехнике. В течение нескольких лет он работал с другими активистами, чтобы бороться с интернет-цензурой в Китае.

- Первоначально мы отправляли письма по электронной почте в Китай, у нас было двадцать миллионов почтовых адресов, и мы им посылали статьи, - рассказывал он. - Приблизительно в 2004 году прокси-серверы больше не работали, они были легко заблокированы, и нам пришлось перейти к более сложным методам.

Вместе со своей группой Ли тогда начал снабжать интернет-пользователей в Китае программным обеспечением, которое позволило бы им обходить правительственные системы межсетевой защиты. Были различные способы отправлять программное обеспечение в Китай. «Они блокируют электронную почту, но мы можем всё ещё посылать некоторые, или через электронную почту или через Skype». В Китае, как он сказал, программное обеспечение передаётся или устно или в Интернете. Когда компьютерный пользователь в Китае нажимает на ссылку, предоставленную в электронной почте, пользователь может загрузить программное обеспечение, которое соединяется с компьютером за границей, который тогда изменяет маршрут трафика к вебсайту, подключение к которому ограничено китайскими властями.

По мнению Ли, кибернападения на Пентагон и другие американские учреждения исходят из Китая.

- Китайское правительство расценивает хакеров как героев, - сказал он. - Правительство не расправляется с хакерами. Путь для студентов, чтобы доказать свой талант, это устроить взлом. Я верю, что это они [китайское правительство] организовывают эти нападения.

Большинство вопросов, связанных с кибершпионажем, нацеленным на американские оборонные и разведывательные структуры, было сосредоточено на программном обеспечении, использовании программ, которые могут отключать функции

или красть данные из компьютеров, подвергшихся нападению. Но компьютерные эксперты по безопасности сегодня всё более и более волнуются по поводу уязвимости самого аппаратного обеспечения, то есть, компьютерных микросхем, которые управляют ракетами, самолётами и радарами.

Одна из причин состоит в том, что только приблизительно 2 процента интегральных схем, закупаемых каждый год американскими вооружёнными силами, произведены в Соединённых Штатах. И даже большинство американских производителей чипов перенесли своё производство из Америки туда, где рабочая сила дешевле. Компьютерная микросхема, изготовленная со скрытым, злонамеренным недостатком, может вывести из строя систему оружия. И аппаратное обеспечение, подвергнувшееся такой угрозе, почти невозможно обнаружить.

В чип мог бы даже быть внедрён «выключатель уничтожения», благодаря которому оружие может быть заблокировано извне с использованием дистанционного управления. Когда израильские военно-воздушные силы напали на месторасположение предполагаемого ядерного реактора в Сирии в 2007 году, наблюдатели задавались вопросом, почему сирийские силы ПВО не сопротивлялись. Позже появились неподтверждённые сообщения, что был использован выключатель уничтожения, предоставленный Соединёнными Штатами израильской разведке, чтобы с его помощью разоружить сирийские радары.

Соединённые Штаты слишком медлили с распознанием угрозы национальной безопасности, исходящей от кибершпионов и хакеров. Президент Барак Обама, признавая проблему, заявил в мае 2009 года: - Мы не готовы в той мере, в какой нам следует быть готовыми как правительству и как стране. Он с сожалением говорил о том, как во время его кампании по выборам президента годом ранее, «хакеры получили доступ к электронной почте и множеству файлов кампании, от политических меморандумов до планов поездок».

Он говорил о шпионских и вредоносных программах, о компьютерном мошенничестве: «spyware» и «malware»,

«spoofing», «phishing» и «botnets». И он предупредил: - В сегодняшнем мире, акты террора могут исходить не только от нескольких экстремистов с поясами шахидов, но и от нескольких нажатий клавиш на компьютере - оружии массового разрушения.

Обама объявил, что он назначит координатора Белого дома по компьютерной безопасности, чтобы работать с органами власти на федеральном уровне, уровне штатов и органов местного самоуправления и в частном секторе, чтобы защитить национальную инфраструктуру от компьютерных атак. В следующем месяце Министерство обороны приказало создать первое военное кибернетическое командование. Назначение генерал-лейтенанта Кейта Б. Александера, который был также директором Агентства национальной безопасности, на должность начальника нового киберкомандования, вызвало споры. Сильным аргументом было то, что Агентство национальной безопасности, и так уже шпионящее за электронной почтой и телефонными звонками, согласно секретной программе, установленной Президентом Джорджем Бушем-младшим и позже одобренной Конгрессом, не должно осуществлять контроль над компьютерной безопасностью.

В то же самое время, создание «киберцаря Белого дома» и военного киберкомандования и так сильно запоздало, учитывая продолжающиеся компьютерные нападения на Соединённые Штаты. И были достоверные свидетельства, что многие из вторжений исходили из Китая.

В своём докладе, подробном исследовании кибершпионажа, учёные Университета Торонто в 2009 году, хотя и были осторожны, не возлагая напрямую ответственность за каждое хакерское нападение на китайское правительство, отметили, что компьютерные атаки на 103 страны были направлены против дипломатов, военного персонала, сотрудников штата премьер-министров, и журналистов.

«Самое логическое объяснение, и, конечно, то, к которому сильнее всего склоняют имеющиеся косвенные улики, состояло бы в том, что этот подбор целей высокого уровня разрабатывался китайским государством в целях военной и

стратегической разведки.... Многие из... целей высокого значения, которых мы опознали, были явно связаны с китайской внешней и оборонной политикой».

«Подобно радару, осматривающему территории близ южной границы Китая, существует дуга заражённых узлов из Индии, Бутана, Бангладеш и Вьетнама, через Лаос, Бруней, Филиппины, Гонконг, и Тайвань».

Была ещё одна важная часть разведывательной информации, не раскрытая академическими исследователями. Межсетевой протокол (IP) адресов нападавших, идентификационные номера, имеющиеся у всех компьютеров и серверов, «ведут назад, по крайней мере, в нескольких случаях к острову Хайнань».

Есть причина, что эта находка была особенно важна в продолжающихся усилиях по точному определению источника кибершпионов. Его местоположение это туристический центр, но это также ещё кое-что большее. Остров Хайнань в Южно-Китайском море является местом дислокации центра радиоэлектронной разведки на авиабазе Линшуй, а также Третьего технического управления Национально-освободительной армии Китая.

Возможно, самое сильное свидетельство, связывающее Китай с кибершпионажем против США, было предоставлено сетевым проектом WikiLeaks, который начал обнародовать 250 000 конфиденциальных американских дипломатических телеграмм в конце ноября 2010 года. Среди них была телеграмма в Вашингтон от американского посольства в Пекине, датированная январём того года, сообщавшая, со ссылкой на некий китайский контакт, что хакерские нападения на «Гугл» были осуществлены по приказу Политбюро, с самого высокого уровня правительства Китая.

Телеграмма гласила: «Контакт, занимающий хороший пост, утверждает, что китайское правительство координировало недавние вторжения в систему «Гугл». Согласно нашему контакту, тщательно проведённые операции были проведены по приказу, принятому на уровне Постоянного комитета

Политбюро».

Подборка телеграмм, обнародованных Джулианом Ассанджем, основателем WikiLeaks, показывала глобальную скоординированную кампанию компьютерных нападений, исполненных китайскими правительственными чиновниками и интернет-хакерами, завербованными правительством Китая. Документы описывали ранее секретные вторжения в американские правительственные учреждения, атаки, получившие у американских следователей кодовые названия «Byzantine Candor» («Византийская откровенность») и «Bizantine Hades» («Византийский Аид»).

Одна телеграмма Государственного департамента в 2008 году цитировала анализ китайских компьютерных атак, проведённый службой безопасности Германии, где говорилось, что «намерением действующих лиц КНР является шпионаж, и приоритетный вектор нападения, используемый в их злонамеренной деятельности, это социально спроектированные почтовые сообщения, содержащие вложения вредоносных программ, и/или вложенные ссылки на враждебные вебсайты». Телеграмма добавляла, что сообщения по электронной почте были отправлены с использованием «IP-спуфинга, т.е. отправлены с чужого IP-адреса, чтобы казаться специально направленными к интересам получателей, их служебным обязанностям, или текущим событиям».

Телеграммы WikiLeaks предоставили дальнейшее подтверждение того, что уже давно подозревалось: Китай, несмотря на его громкие опровержения, активно занимается кибершпионажем против Соединённых Штатов и других стран во всём мире.

Глава 22. Послесловие

В январе 2010 года компания «Гугл» сделала неожиданное объявление, которое эхом отразилось в Вашингтоне, Пекине и других мировых столицах. Технологический гигант угрожал уйти из Китая из-за нападений на его компьютерные системы и на тридцать четыре американских компании, главным образом

в Силиконовой Долине. След кибератак вёл к полудюжине серверов на Тайване, но у «Гугл» было сильное подозрение, что нападения, нацеленные частично на учётные записи Gmail китайских активных борцов за права человека, исходили из Китая.

Хакерские атаки, направленные на американские компании в Калифорнии, включая «Нортроп Грумман» и «Доу Кемикал», похоже, были задуманы для получения информации о системах вооружения, и, возможно, их жизненно важных «исходных текстов», или компьютерных программ управления. «Гугл» обратилась за помощью к Агентству национальной безопасности, американской службе дешифрования и электронной разведки.

Компания «Гугл» также заявила, что больше не будет сотрудничать с китайской интернет-цензурой. Вскоре после этого компания прекратила обслуживание своего поискового сервера в Китае, google.cn, и автоматически перенаправляла пользователей на её вебсайт в Гонконге, не подвергающийся цензуре, google.com.hk, хотя «Гугл» заявил, что «хорошо знал», что Китай мог в любое время заблокировать доступ также и там.*

*Шесть месяцев спустя, в июле 2010 года, кризис разрешился после компромисса: Китай возобновил лицензию «Гугл» и разрешил ему оказывать некоторые услуги на вебсайте google.cn. Китайские пользователи Интернета больше не перенаправлялись на гонконгский вебсайт, не прошедший цензуру, автоматически, но могли нажимать на ссылку, которая направляла их туда.

Соединённые Штаты сначала не проявляли особой реакции в ответ на первоначальное заявление «Гугл». Белый дом молчал. Прошла целая неделя, прежде чем Госсекретарь Хиллари Клинтон произнесла речь, призывающую к глобальной «свободе в Интернете» и просящую китайские власти «провести полное расследование кибератак». Китай ответил в раздражённом тоне, утверждая, что «безосновательные обвинения» Клинтон «вредят американо-китайским отношениям».

Кроме трудностей с доказательствами, что китайское правительство, а не отдельные хакеры, стояло за этим шпионажем, были ещё геополитические и финансовые причины для столь приглушённой реакции Вашингтона. В 2010 году на Китай приходилось больше триллиона долларов американского долга. Если бы Соединённые Штаты были домом, то Китай держал бы ипотеку. Эпизод с «Гугл», больше, чем что-либо ещё продемонстрировал неоднозначную и взаимозависимую природу отношений между Соединёнными Штатами и Китаем в двадцать первом столетии.

Если оставить политику, то в войне разведок, как показала эта история, Китай часто, хотя, естественно, не всегда, добивается успехов. Действительно, Китай может стать единственным самым эффективным и опасным противником Америки. За прошедшие годы ему удалось проникнуть и в ЦРУ и в ФБР. Он получил сверхсекретные и строго охраняемые секреты ядерного оружия. Агенты контрразведки ФБР также выиграли важные сражения, разоблачив некоторых китайских шпионов, включая тех, кто был арестован и благополучно осуждён. Но всё же список достижений Китая огромен.

Что особенно поразительно отличает многие из китайских шпионских дел - то, как они соединяются, накладываются друг на друга и сцепляются между собой, образовывая шпионскую паутину, с «усиками», распространяющимися в различных направлениях. Нити в случаях Чи Мака, Дунфан Чуна, Тай Шэнь Го, Грегга Бергерсена и Джеймса Фондрена, например, все сходились в руках одного единственного «куратора» в Китае, Линь Хуна.

У китайского шпионажа в США есть и ещё один спорный подтекст. У американцев азиатского происхождения есть серьёзные исторические причины, чтобы скептически относиться к американскому правительству.

В течение шестидесяти лет, начиная с 1882 года и до Второй мировой войны включительно американский Закон об исключении китайцев запрещал китайцам иммигрировать в Соединённые Штаты. В 1917 году Конгресс создал Запретную

зону для азиатов, запретив иммиграцию из большой части Восточной Азии и тихоокеанских островов; закон не был отменён до 1952 года.

Тысячи американцев японского происхождения в приступе паранойи после Пёрл-Харбора были согнаны в лагеря для интернированных, что стало пятном на во всём остальном замечательной карьере президента Франклина Д. Рузвельта как выдающегося лидера во время мира и войны. Ксенофобия, особенно по отношению к тем, кто выглядит по-другому, впечатана в американскую историю.

Когда ФБР расследует или арестовывает китайского гражданина или американца китайского происхождения, оно неизбежно оказывается уязвимым для обвинений в расизме. Когда арестовали Катрину Люн, то даже при том, что она была разоблачена как человек, работающий на МГБ с использованием китайского агентурного псевдонима и передающий информацию своему «куратору» в Пекине, некоторые видные американцы китайского происхождения в Лос-Анджелесе поспешили защищать её, намекая, что Люн подобрали на роль обвиняемой из-за её этнической принадлежности и пола.

Как обратная реакция после недобросовестного обращения правительства с Вэнем Хо Ли, который вовсе не был героем, многие американские китайцы и другие пришли к заключению, что правительство и ФБР занимаются тем, что специально избирают своей мишенью для обвинения в шпионаже этнических китайцев.

Факт, что Ли по происхождению был этническим китайцем, наверняка повлиял на то, что Министерство энергетики выбрало именно его, хотя доказательство этого момента остаётся неоднозначным, и вряд ли когда-то этот вопрос будет решён полностью. Однако, как уже отмечалось, были серьёзные основания, чтобы он оказался подозреваемым, не связанные с этнической принадлежностью Ли. Он работал над ядерной боеголовкой W-88 в самом секретном подразделении в Лос-Аламосе, в месте, где проектировали ядерные бомбы. Там работали и другие. Но Вэнь Хо Ли привлёк к себе внимание как

объект двух предыдущих расследований ФБР, потому что звонил подозреваемому в шпионском деле «Ловушки для тигра» и лгал об этом, и потому что не сообщил, что его расспрашивали о важнейших, американских ядерных тайнах, когда китайский главный конструктор ядерного оружия конфиденциально посетил его в гостиничном номере в Пекине.

Сводка случаев китайского шпионажа против оборонных объектов и спецслужб в Соединённых Штатах демонстрирует, что Китай, а не ФБР выбирает своей целью этнических китайцев. В большом числе случаев МГБ и военная разведка Народно-освободительной армии Китая старались, иногда успешно, вербовать американских китайцев, взывая к их корням и семейным связям на «родине». Конечно, эта действительность не должна затмевать тот факт, что огромное большинство американцев китайского происхождения лояльно Соединённым Штатам.

Как уже упоминалось, в ФБР, учреждении, несущем самую большую ответственность за разоблачение китайских шпионов в Америке, контрразведка не рассматривается как самый плодотворный путь для карьеры. Охота на террористов или беловоротничковых преступников это куда лучший способ подняться в должности. И в течение многих десятилетий, даже в рамках подразделения контрразведки, китайское направление было сиротой. Шпионы Москвы, а не Пекина, рассматривались как главный враг.

Только крохотное число агентов ФБР специализировалось на китайских делах. И если Бюро страдало от недостаточного понимания Китая, то это утверждение не справедливо по отношению к маленькой группе «китайских» специалистов. Некоторых настолько захватило их направление, что они остались в китайской программе контрразведки, зная, что из-за этого они никогда не поднимутся до уровня специального агента, возглавляющего полевое отделение или желаемое подразделение в штаб-квартире.

Билл Кливленд, пока его карьеру не спустила под откос его исключительная нерассудительность в катастрофе «Горничной», был известен в ФБР как крупный знаток Китая,

которого за эти годы захватили китайский язык, культура и история. Джей-Джей Смит, неблагоразумно связавший свою карьеру контрразведчика с источником, к которой он испытывал личные чувства, и которая, в конечном счёте, предала его, был также хорошо сведущ в малоизученных сферах китайской культуры и общества. Возможно, для обоих мужчин, не столько Китай, сколько Катрина Люн, стала своего рода фатальной приманкой.

Как учреждение, ФБР чрезмерно зависело от своих осведомителей. В случае «Горничной» главный источник ФБР по Китаю, сообщения которой шли прямо в Белый дом, тайно работал на МГБ.

В случае «Небесного трона» Джеффри Ван, невинный человек, потерял свою работу и подвергся длительному расследованию ФБР, когда его ложно обвинил в шпионаже в пользу Китая давний осведомитель Бюро, у которого была личная, семейная неприязнь в отношении него. И Дениз Ву, агент ФБР азиатского происхождения, которая убедилась в невиновности Вана и справедливо попыталась помочь ему вернуть его доброе имя, была уволена и попала под суд за свои усилия.

Вследствие этого двойного провала ФБР приказало провести запоздалый пересмотр использования осведомителей Бюро. Изменения были сделаны, среди них было распоряжение перепроверять досье информаторов Бюро каждые шестьдесят - девяносто дней. Генеральный прокурор учредил комиссию по проверке осведомителей. Ни то, ни другое ничем не помогло ни Джеффу Вану, ни Дениз Ву.

Руди Гэрин, прежний старый уличный агент контрразведки ФБР, говорил об опасности, возникающей, если управлять осведомителями слишком долго.

- После «Горничной», одной из процедур, которые мы ввели, стало правило, что вы не можете «курировать» один и тот же источник больше нескольких лет.

Когда его спросили об осведомителе, сфабриковавшем историю о Джеффе Ване, Гэрин ответил: - Этим источником управляли в

течение длительного периода времени. Агенты привязываются к их источникам, если «курируют» их долго, как это случилось с «Горничной». Агенты имеют тенденцию принимать на веру всё, что им говорят их источники, и хвалят их за это, и говорят, что это настоящее золото. Возможно, вам приходится использовать плохих парней в делах, связанных с наркотиками, но когда вы расследуете шпионаж и кто-то «подставляет» американского гражданина, вы не можете этого делать.

Никто из недавних президентов, ни Билл Клинтон, ни Джордж Буш-младший, ни Барак Обама, не хотели поднимать слишком большой шум из-за китайского шпионажа. Когда Соединённые Штаты в 2010 году боролись с последствиями самого тяжёлого экономического кризиса со времён Великой Депрессии, Вашингтон едва ли мог бы позволить себе отталкивать своего банкира. Действительно, годом ранее китайский премьер-министр Вэнь Цзябао читал нотации Соединённым Штатам об их экономической политике. «Мы предоставили США огромную сумму денег. Конечно, мы обеспокоены безопасностью наших активов. Честно говоря, я определённо немного встревожен».

Кроме экономических объятий США и Китая, администрация Обамы просила Пекин о помощи, чтобы обуздать ядерные амбиции Северной Кореи и воспрепятствовать созданию бомбы в Иране. Если не случится разоблачений вроде того, что Китай внедрил «крота» в Белый дом, или установил «жучок» на Бо, собаке семьи Обамы, Вашингтон вряд ли будет устраивать громкие скандалы вокруг китайских шпионов.

Какой же ущерб наносит национальной безопасности китайский шпионаж?

Когда этот вопрос задали директору ФБР Роберту С. Мюллеру III на слушаниях юридического комитета Палаты представителей в 2007 году, он ответил: - Я, вероятно, могу рассказать больше в условиях закрытого заседания. Я могу сказать, что это существенная проблема. Китай похищает наши секреты, чтобы добиться быстрого прорыва в его военной технологии, но также и в экономической мощи Китая. Это значительная угроза.

В более раннем докладе Конгрессу ФБР утверждало: «Внедриться в американское разведывательное сообщество это основная цель китайцев». Как ни странно, в момент этого предупреждения, МГБ уже как раз сделало это через «Горничную».

Кроме классического шпионажа, Китай извлёк выгоду из широко распространённого экспорта военного оборудования в нарушение американских законов. Такие случаи являются слишком многочисленными, чтобы их перечислить. За три года, с 2006 до 2009, состоялось буквально множество судебных процессов, связанных с незаконными отгрузками в Китай оборудования военного назначения, включая интегральные схемы, тепловизионные камеры, системы ночного видения, запрещённое к экспорту программное обеспечение, компоненты «умной бомбы», и части для радарных и ракетных систем.

Проникновение в ЦРУ и ФБР и похищение секретных данных ядерной боеголовки W-88 и деталей конструкции нейтронной бомбы представляют собой скандальные примеры шпионских успехов Китая.

- Если мы говорим о нарушениях американского законодательства, китайцы превосходят русских, - утверждал Гарри Джей. Годфри III, прежний глава «китайской» контрразведки в штаб-квартире ФБР. - Мы знаем, что они проводят здесь свои операции. Мы видели случаи, где они вынуждали людей обращаться в ЦРУ, ФБР, Следственную службу ВМС и другие учреждения Министерства обороны.

Портер Джей. Госс, прежний председатель Комитета по разведке Палаты представителей, а впоследствии директор ЦРУ, так сказал о китайском шпионаже против Соединённых Штатов: - Он является распространяющимся, вездесущим, постоянным.

У Джоэла Бреннера, прежнего руководителя контрразведки у директора национальной разведки, есть дар выражаться эффектно и образно. О списке заданий, который китайцы дали Чи Маку, Бреннер сказал: - Вы можете узнать дракона по его

когтю, и список был ясным изображением когтя дракона.

Харольд Эгнью, физик, работавший в Манхэттенском проекте, пролетал над Хиросимой 6 августа 1945 года в самолёте наблюдения сразу после бомбардировщика «Энола Гэй», и видел, как урановая бомба уничтожила этот японский город. В качестве главы оружейного подразделения в Лос-Аламосе, а позже директора лаборатории, он спроектировал большую часть американского ядерного арсенала. В 1980-х он был первым американским учёным, которому позволили посетить Лобнор, секретный полигон китайских ядерных испытаний.

- У них было всё, - рассказывал он для проекта устной истории в 2005 году. - Они залезли к нам в трусы, а один, возможно, спрятался у нас под диваном.

«Коготь дракона» и красочные метафоры Харольда Эгнью - привлекающая внимание гипербола, но она также содержит много правды. Не преувеличивая опасность китайского шпионажа, и не гиперболизируя угрозу, нужно признать тот факт, что китайский шпионаж в Америке продолжается, остаётся постоянным и не показывает никаких признаков снижения активности. Конфликт не становится менее реальным от того, что он, главным образом, является невидимым.

Два десятилетия назад два ветерана китайской разведки Хо Чжунвэнь и Ван Цзунсяо издали в Пекине разоблачающее руководство для шпионов. Книга «Источники информации о разработках в оборонной промышленности и методы её получения» рассказывает, как собирать секретную информацию в Соединённых Штатах. Большинство развединформации может быть собрано из открытых источников, объясняли авторы, хотя приблизительно 20 процентов должны быть получены «специальными средствами», включая «слежку с помощью электронных систем, и действия специальных агентов (покупка или похищение)». Но, добывая «обширное количество рекламных материалов и накапливая информацию по капле, часто возможно раскрыть основные контуры некоторой секретной развединформации».

Они отметили, что несколько лет назад, Министерство энергетики по ошибке рассекретило почти двадцать тысяч документов, включая «по крайней мере, восемь совершенно секретных документов относительно термоядерного оружия». Они признали, однако, что сбор защиты и информации технологии может быть трудным из-за секретности.

Трудным, но не невозможным, написали они. Авторы шпионского учебника напомнили своим читателям о старой китайской пословице: «Нет таких стен, которые полностью преградили бы путь ветру».

Послесловие автора

Когда несколько десятилетий назад я вместе с моим соавтором Томасом Б. Россом написал книгу «Дело U-2», историю разведывательного самолёта ЦРУ, сбитого над Советским Союзом, мне в то время и в голову не могло прийти, что тем самым я начал свою карьеру автора книг о шпионаже и разведке.

Большую часть прошедших лет я изучал и описывал сражения Холодной войны, которые вели ЦРУ и ФБР против советских, теперь российских, разведывательных служб. Я писал о людях и о «кротах», об Эдварде Ли Ховарде, Олдриче Эймсе и Роберте Ханссене. Чтобы проследить за ходом этих историй, я четыре раза ездил в Москву и посещал многие другие места, где происходили описанные действия.

Только в последнем десятилетии я всё больше начал понимать, что пришло время рассказать совсем другую, в значительной мере неизвестную историю - историю шпионажа Китая против Соединённых Штатов. С поддержкой и помощью Стерлинга Лорда, моего давнего литературного агента, я расширил своё первоначальное исследование дела «Горничной» до более широкого изучения деятельности китайской разведки, охватывающей несколько последних десятилетий, включая нынешнее время.

Как все или, по крайней мере, большинство стран мира,

включая Соединённые Штаты, Китай крадёт секреты. В этом деле китайцы добились нескольких примечательных успехов, но также и потерпели ряд неудач. Угрозу, которую представляют их действия в Соединённых Штатах, и ущерб, нанесённый ими национальной безопасности, не следует ни преувеличивать, ни игнорировать.

Чтобы написать эту книгу, я провёл почти пятьсот интервью, с более чем полутора сотнями людей. Учитывая чувствительную природу контрразведки и укоренившееся нежелание сотрудников контрразведки и агентов рассказывать о своей работе, некоторые отказались говорить со мной. Многие другие согласились дать интервью только при условии, что их имена не будут названы. Я с пониманием отнёсся к их пожеланиям.

За великодушную помощь в написании этой книге я хотел бы поблагодарить Плэто Кэчериса, а также Джона Ф. Хандли из юридической фирмы «Траут Кэчерис», Лилию Ли Чен, Стэйси Коэн, Джона Д. Клайна, Кристофера Кокса, Джеймса А. Гейса, Марка С. Харриса, Джеймса Д. Хендерсона, Марка Си. Холшера, Генри В. Хуанга, Марианну Лю, Анджелу Мачалу, Джонатана Э. Медэлью, Роберта С. Норриса, Мэри Палевски, Филипа Д. Полски, Дэвида Райана, Федерико Си. Сэйра, Джонатана Шапиро, Перри Джей. Спаноса, Джерри Стоктона, Брайана А. Сана, Нарта Вильнёва, Майкла Ву, и Питера Ву.

Катрина Люн отказалась от беседы, но её муж Кам Люн говорил со мной открыто и подробно в течение двух дней в 2003 году, и детали биографии его жены, предоставленные им, так же как рассказ об их совместной жизни и о поездках в Китай, оказали мне неоценимую услугу и заслуживают глубокой благодарности.

Особенную благодарность я хочу выразить Майклу Р. Кортану, помощнику директора ФБР по связям с общественностью, который приложил все усилия, чтобы удовлетворить моё любопытство кусочками информации из знаменитого своим молчанием контрразведывательного отдела Бюро. Я также высоко ценю помощь, которую получал от его предшественника Джона Джей. Миллера, и от Билла Картера и Сьюзен Т. Макки из отдела по связям с общественностью. В Лос-

Анджелесе Лора Эймилер из отдела по связям с общественностью ФБР всегда была готова помочь.

Многие бывшие агенты ФБР и чиновники Бюро были готовы поделиться со мной своими взглядами и опытом, среди них Роберт М. «Медведь» Брайант, Брюс Карлсон, Том Карсон, Эдвард Дж. Кёрран, Стивен У. Диллард, Нейл Джей. Галлахер, Гарри Дж. Годфри, Дэн Гроув, Руди Гэрин, Джон Л. Хус, Шейла Хоран, Джек Келлер, Джей Кёрнер, Джон Ф. Льюис-младший, Т. Ван Мэгерс, Джон Джей. О'Флэерти, Филип А. Паркер, Кеннет Джей. Шиффер, Ивиан Си. Смит, Рэймонд Х. Уикмен, и Лесли Дж. Уайзер-младший.

Я очень обязан также многим другим бывшим агентам контрразведки ФБР, которые предпочли остаться анонимными, или предоставили любой материал, принадлежавший им. Эта книга была бы неполна без их щедрого времени и помощи. Я благодарю их всех; они знают, кого я имею в виду.

Среди бывших офицеров и чиновников ЦРУ, у которых я взял интервью, были Портер Джей. Госс, Директор Центральной разведки в 2004-2005 годах, Милтон А. Бирден, Дженнифер Миллеруайз Дик, Колин Р. Томпсон, и Роберт С. Врумэн.

В Министерстве юстиции я благодарен за помощь, которую получил от Дина Бойда, чиновника по связям с общественностью по национальной безопасности, а в Лос-Анджелесе от Тома Мрозека, представителя по связям с СМИ в прокуратуре США. Майкл У. Эммик, бывший помощник прокурора в Лос-Анджелесе, который был главным обвинителем Катрины Люн, был особенно терпелив с моими вопросами, также как Ребекка Лоунергэн, бывшая помощница прокурора в том же учреждении и главный обвинитель Джей-Джей Смита. Я также ценю помощь, которую получил от Эрики О'Нейл, помощницы прокурора в Милуоки.

В Министерстве энергетики мне большую пользу принесли десятилетие назад беседы с тогдашним министром Биллом Ричардсоном, Лоуренсом Х. Санчесом, директором Управления разведки, и с Нотрой Трулоком, исполняющим обязанности заместителя директора этого Управления. Я также благодарю

Стивена Уомплера из отдела по связям с общественностью Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора.

Пробираясь сквозь запутанные проблемы науки и контроля над ядерным оружием, я полагался на помощь Томасу Б. Кокрэна из Совета по защите природных ресурсов, Ричарда Л. Гарвина, Джорджа А. «Джея» Кейуорта, бывшего советника Белого дома по науке, и Дэрила Дж. Кимболла, руководителя Ассоциации по контролю над вооружением.

Несколько друзей и сотрудников средств массовой информации оказали мне свои услуги, включая Пита Уильямса из Эн-Би-Си, Мэтью Бараката из «Ассошиэйтед Пресс», и Грэга Крикоряна, бывшего журналиста «Лос-Анджелес Таймс».

Чен-йе Кэтрин Ю, доцент китайского языка в Джорджтаунском университете, любезно ответила на ряд вопросов о китайском языке и китайских традициях. Джеффри Т. Ричельсон из Архива национальной безопасности был более чем щедр со своей помощью и советами. Ещё я благодарю Йэна М. Каннингхэма, предоставившего мне квалифицированную исследовательскую помощь в нескольких вопросах во время работы над книгой. Александра и Элизабет Эванс охотно сохраняли в порядке мою картотеку из множества газетных вырезок.

Я особенно хочу поблагодарить Брюса Николса, старшего вице-президента и издателя «Houghton Mifflin Harcourt», постоянная поддержка которого и энтузиазм по отношению к этому проекту сделали возможным его осуществление и заслужили моего глубокого уважения. Рукописи также очень помогло квалифицированное редактирование, которое осуществила Мартина Бейсер. Другие коллеги в издательстве тоже заслуживают моей благодарности, включая помощника редактора Кристину Морган, выпускающего редактора Ребекку Спрингер, Лору Брэйди, которая осуществляла контроль над разделом фотографий, и Мелиссу Добсон, преданного редактора текста.

И, наконец, я чрезвычайно благодарен моей жене Джоан, которая за эти многие долгие месяцы услышала о китайских шпионах больше чем она, возможно, хотела бы знать, но всегда

оставалась терпеливой и благосклонной. Её любовь и понимание заслуживают самой большой благодарности из всех.

Дэвид Уайз, Вашингтон, округ Колумбия, 1 октября 2010 года.

Оглавление

Уайз Дэвид. Ловушка для тигра....1
Секретная шпионская война Америки против Китая....1
От переводчика....1
Об авторе....2
Книги Дэвида Уайза....3
Прелюдия....4
Сцена 1. Ноябрь 1997.....4
Сцена 2. Декабрь 1990 года.....5
Глава 1. Тысяча песчинок....8
Глава 2. «Горничная»....22
Глава 3. Вербовка....30
Глава 4. Двойная игра....34
Глава 5. После прочтения уничтожить....42
Глава 6. «Чёрт побери, мистер Гроув!»....49
Глава 7. Верхом на тигре: Китай и нейтронная бомба....64
Глава 8. Инициативник....70
Глава 9. «Родственный дух»: Вэнь Хо Ли....80
Глава 10. «Саговая пальма»....98
Глава 11. Неприятности в раю....108
Глава 12. «Небесный трон»: шпион, которого не было....119
Глава 13. Штормовые тучи....132
Глава 14. Контрразведчик....136
«Директор хочет вас видеть»....136
Глава 15. «Королевский турист»....152
Глава 16. Ричард Никсон и Хостес из Гонконга....165
Глава 17. «Анубис»....175
Глава 18. Энд-шпиль....186
Глава 19. «Орлиный коготь»....201
Глава 20. Красный цветок....213
Глава 21. Кибершпионы....226
Глава 22. Послесловие....235
Послесловие автора....242